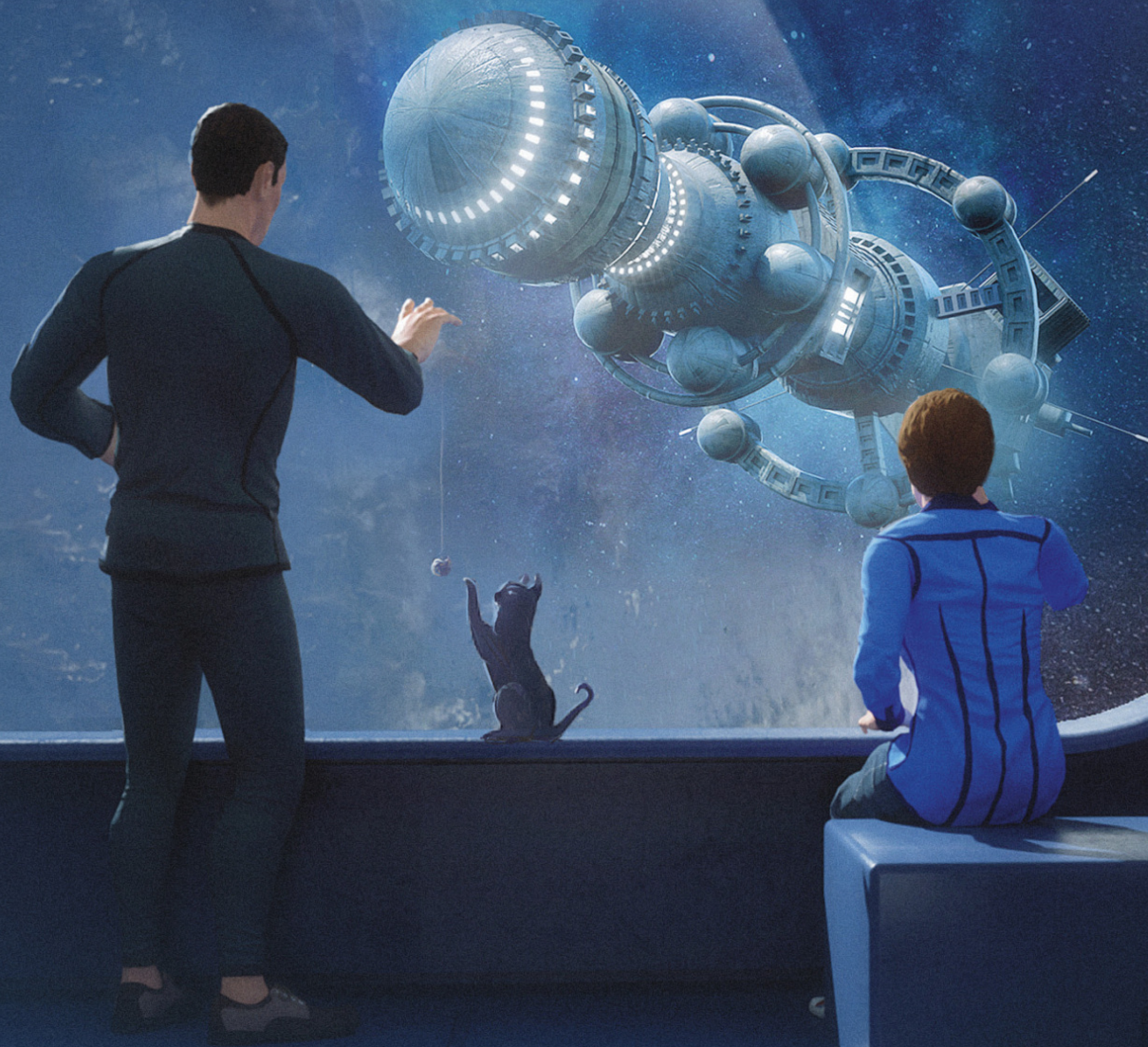

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА

ТЕД ЧАН, ПИТЕР УОТТС, ГРЕГ ИГАН, КЕН ЛЮ,
Н. К. ДЖЕМИСИН, ЭЛИЗАБЕТ БИР И ДР.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДЖОНАТАНА СТРЭНА

Мастера фантазии

Коллектив авторов
Лучшая фантастика

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821-312.9-82
ББК 84(0)-44я43

Коллектив авторов

Лучшая фантастика / Коллектив авторов — «Издательство АСТ»,
2020 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-136013-9

Ежегодная антология коротких научно-фантастических рассказов от Saga Press, составленная знаменитым редактором Джонатаном Стрэном! Короткая проза мастеров – настоящие бриллианты фантазии от самых заметных писателей нашего времени – Теда Чана, Питера Уоттса, Грега Игана, Кена Лю, Н. К. Джемисин, Элизабет Бир... Также на сцену выходят начинающие писатели, у которых есть все шансы стать классиками жанра: Чинело Онвуалу, Вандана Сингх, Тиган Мур, Рич Ларсон, С. Д. Окунгбова. Все то, о чем мы мечтали, что рассказывали друг другу, о чем переживали... Острые моменты настоящего и предсказания будущего. Политические и экономические проблемы, болезни окружающей среды и опасности искусственного интеллекта. Космический туризм и разумные роботы, грозные виртуальные боги и коварные сайты знакомств, апокалиптические мутанты и непостижимый внеземной разум! Эта антология придется по вкусу всем, кто неравнодушен к научной фантастике!

УДК 821-312.9-82

ББК 84(0)-44я43

ISBN 978-5-17-136013-9

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Выражение благодарности	6
Предисловие. Новое начало	7
Чарли Джейн Андерс[2]	21
Книжный магазин на краю Америки	22
Тобиас С. Бакелл[4]	35
Галактический туристический комплекс	36
Индрапрамит Дас[5]	45
Кали_на	46
Салим Хаддад[12]	60
Пение птиц	61
Сюзанна Палмер[15]	72
Рисовальщик на деревьях	73
Карин Тидбек[16]	81
Последний вояж Скибладнир	82
Малка Олдер[17]	93
Прочные фонари и лестницы	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Лучшая фантастика

THE YEAR'S BEST SCIENCE FICTION VOL. 1

© Compilation and introduction. Jonathan Strahan, 2020

© Перевод. Н. Нестерова, 2021

© Перевод. К. Егорова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Посвящается памяти моего дорогого друга Гарднера Дозуа (1947–2018), которому непременно понравились бы эти истории.

Выражение благодарности

Без сомнения, эта книга была для меня одной из самых сложных среди всех, с которыми мне приходилось работать. Жанр научной фантастики разрастается, меняется, становится все разнообразнее. Это замечательно, но вместе с тем это ведет к тому, что у всех прибавляется работы. Именно поэтому мне хотелось бы поблагодарить моего редактора Джо Монти, а также всех сотрудников издательства «Saga Press» – вы прекрасно поработали над этой книгой. Кроме того, мне хотелось бы выразить свою признательность моему агенту неутомимому Говарду Морхейму – о лучшем деловом партнере я и мечтать не мог; а также Лизе Тромб и всей команде «Локуса», которые всегда невероятно добры и великодушны; моему дорогому другу и соведущему подкаста Гэри К. Вульффу; Яну Монду; Джеймсу Брэдли; Рейчел С. Кордаско, которая обладает феноменальными познаниями в области переводной научной фантастики; Джону Джозефу Адамсу, который оказал мне огромную помощь; чудесной Ниси Шол; Кэт Вильхем и Тимми Дюшану из «Aqueduct Press»; Стивену Х. Сильверу, который предоставил мне важную информацию для раздела некролога в моем предисловии; и, конечно, всем авторам сборника и их агентам. Особую благодарность я хочу выразить моей жене Мэриан, помогавшей мне вычитывать книгу и готовить мое сумбурное предисловие, а также двум моим дочерям за понимание, которое они мне оказывали, пока я пытался одолеть это чудовище.

Предисловие. Новое начало

Поборники точных календарных дат могут поспорить по поводу того, когда именно наступает новое десятилетие, столетие или даже тысячелетие, но всякий раз, когда числа в календаре меняются, возникает ощущение нового свежего начала. А значит, пришло время оглянуться назад. Итак, мы вступаем в 2020 год, и, похоже, вполне уместно будет подвести итоги. В конце концов, одна пятая столетия уже пройдена, и, мне кажется, это был идеальный момент для запуска новой антологии лучших научно-фантастических рассказов «Лучшая научная фантастика года» (в которой я хотел бы отдать дань уважения и признательности моему старому другу и наставнику Гарднеру Дозуа). Мне уже не в первый раз выпадает такая возможность, но нынешнее время, на мой взгляд, другое, особенное. В конце концов, мы с вами уже живем в будущем. «1984» Оруэлла теперь остался лишь в смутных воспоминаниях; со времени вечеринки, обещанной Принсом в «1999», прошло уже несколько десятилетий; «2001» Кларка теперь кажется таким же далеким; и даже 2019 год из «Бегущего по лезвию» Ридли Скотта теперь остался позади.

Наступила новая, совершенно другая эпоха. Еще лет двадцать назад сложно было представить себе тот мир научной фантастики, в котором мы сейчас живем. В своем предисловии к антологии «Лучшая научная фантастика года» в 2000 году Гарднер Дозуа рассуждал о влиянии электронных книг, о том, выживет ли интернет-магазин Amazon.com, удастся ли когда-нибудь зарабатывать на публикациях рассказов в Интернете (ответ – пока что не очень), и как дальше будут развиваться Интернет и онлайн-торговля. Он был обеспокоен деятельностью файлообменной сети Napster, а также свободного скачивания материалов из Интернета (до появления айпода был еще целый год). Невероятно резкий скачок в развитии мобильных устройств, смартфонов, электронных книг и тому подобного был еще впереди, и тогда никто не мог этого спрогнозировать, как не могли поверить в то, какое влияние в наше время приобретут компании вроде «Disney», «Apple» или «Amazon» и насколько доминирующим будет их положение. Научная фантастика всегда неплохо предсказывала будущее, однако в начале 2000-х никто не мог себе представить, как будет развиваться этот жанр, а также того, что произойдет со всем миром в целом. Разумеется, уже тогда начали назревать многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся сейчас. Конечно, никто не мог в точности предугадать нынешние политические тенденции, однако уже шла речь о защите окружающей среды, необходимости противостоять климатическому апокалипсису. Эти проблемы нечасто встречались в научной фантастике 2000-х, однако они играют значительную роль в нашей жизни, занимают наше воображение и формируют тот фундамент, на котором строится современная научная фантастика.

Так о чем же эта книга, в которую вошли лучшие образцы научной фантастики? Некоторые преданные любители жанра стремятся определить признаки, способные отличить настоящую научную фантастику от ненастоящей. Это замечательная тема для дискуссии, которая поможет взбодриться в унылый дождливый день, но она также может стать причиной горячих споров и разногласий, которые порой отнимают слишком много времени. В начале 1950-х Деймон Найт пытался определить, чем на самом деле является научная фантастика, и сделал вывод, который звучал примерно так: «Научной фантастикой будет то, что мы этим термином назовем». Я слышал и другие интересные определения этого понятия, но для данной книги вполне подходит именно такая характеристика. Научной фантастикой является то, что я назову научной фантастикой. И думаю, большинство людей, которые будут читать эту книгу, вряд ли станут задаваться вопросом, что такое научная фантастика, какова ее роль и возможные цели (если только не сделают это чисто ради развлечения), однако они наверняка предпочтут многообразие замкнутости и снобизму. А все подобные споры лучше оставить для дружеских бесед.

Я планировал, что каждый из томов антологии «Лучшая научная фантастика года» будет содержать в себе лучшие короткие произведения в жанре НФ, которые я прочитал за год и считал достойным того, чтобы собрать их вместе и представить на ваш суд. Очень личный сборник, в котором я честно попытался бы собрать лучшее из прочитанного мной за год и в итоге создать глубокую и интересную книгу. Чтобы получить от нее удовольствие, вам не нужно обладать какими-то секретными связями, состоять в тайных обществах или перелопатить массу дополнительной литературы. Достаточно просто интересоваться окружающим вас миром и обладать желанием прочитать что-то волнующее, захватывающее и современное. Разумеется, исходя из такого определения, сложно понять, о чем эта книга или хотя бы на что она стремится быть похожей. Дело в том, что научная фантастика планомерно движется к большей инклюзивности, литературному разнообразию, стремлению, чтобы все голоса были услышаны и все имели бы одинаковые права. И хотя на этом пути иногда попадаются кочки, но все же в жанре явно наметились тенденции рассказывать истории, увиденные с самых разных точек зрения. В этой научной фантастике уже не так важно, чтобы ее содержание было строго научно-фантастическим, здесь допускается размывание жанра и его смешение с другими жанрами, ее авторы все меньше задумываются о жанровой чистоте, и мне кажется, что это замечательно. Я надеюсь, что моя книга отразит все эти веяния: она будет одинаково интересна и любителям научной фантастики и тем, кто просто любит читать увлекательные истории.

Если вы просмотрите две самые значимые книги в жанре НФ, вышедшие в 2019 году, то увидите, что в обоих случаях эти произведения нельзя назвать прорывом в области научной фантастики, а кроме того, в них присутствует явное смешение жанров. «Гидеон из Девятого дома» Тэмсин Мьюир – это фэнтезийная готическая космическая опера о лесбиянках-некромантках, которые объединяются, чтобы спасти Вселенную, ну или что-то в этом духе. Роман вышел во второй половине года, и все сразу же стали сходиться по нему с ума. Что это: НФ или фэнтези? На самом деле ответ на данный вопрос не важен, потому что книга была очень свежей, новаторской, актуальной. Вторым произведением стала повесть «Вот как вы проиграете в войне времени» Амаль Эль-Мохтар и Макса Глэдстона. В ней история рассказана через заметки и сообщения двух агентов, которые представляют две противоборствующие стороны в войне времени, но тем не менее влюбляются друг в друга. И опять же, основой повести становится научная фантастика, но вместе с тем в ней есть нечто новаторское, поэтому она и получила заслуженное признание. Сейчас складывается ощущение, что главное для современной литературы – это сделать так, чтобы в ней нашло отражение все наше общество, и мне кажется, что читатели от этого могут только выиграть.

Так каким же стал этот год для научной фантастики? Если честно, то он немного напоминает американские горки. Одно из ключевых и самых скандальных событий произошло на вручении премии Хьюго в Дублине во время 77-го «Всемирного конвента научной фантастики». Британская писательница гонконгского происхождения Дженнет Нг была награждена «Премией Джона Кэмпбелла» как лучшая начинающая писательница. В своем эмоциональном выступлении она весьма нелестно отозвалась о политических и расовых взглядах Джона Кэмпбелла, в честь которого была названа полученная ею премия, а также высказалась по поводу протестов, происходивших в то время в Гонконге. Речь Нг была очень энергичной, экспрессивной и стала своего рода спусковым крючком для тех перемен, которые давно назревали в жанре НФ. Через две недели издательство «Dell Magazines», являвшееся спонсором премии, объявило о том, что они переименовывают «Премию Кэмпбелла» в «Поразительную премию» – это произошло как раз в преддверии празднования в 2020 году 90-й годовщины выхода в свет первого номера журнала «Analog» (одним из главных редакторов и идейных вдохновителей которого был Кэмпбелл), а через месяц «Центр исследования научной фантастики Ганна» объявил, что проводимая ими «Конференция Кэмпбелла» будет переименована в «Конференцию центра Ганна». Шли также разговоры о том, что они могут переименовать и присужда-

ему и ими «Премия Кэмпбелла». Затем в середине октября комитет «Tiptree Motherboard» сделал весьма неоднозначное заявление о том, что они собираются переименовать «Литературную премию Джеймса Типтри» в «Иную премию» из-за той сомнительной репутации, которую получила писательница под конец жизни¹. Все эти события стали наглядным подтверждением тех перемен в НФ, которые стали очевидны еще в 2015 году, когда «Всемирная премия фэнтези» изменила внешний вид приза, ранее выполненного в виде бюста Говарда Ф. Лавкрафта, из-за расистских взглядов писателя; и это было благосклонно воспринято в литературных кругах, а также стало отправной точкой для дальнейших изменений.

Если говорить об издательской сфере, то здесь обошлось без столь громких скандалов. Я не особенно пристально слежу за открытием и закрытием новых издательств, а также всеми слияниями, поглощениями и дроблениями, которые происходят в этой индустрии, поэтому не смогу предоставить вам подробной оценки этой сферы бизнеса. На мой взгляд стороннего наблюдателя, дела здесь идут вполне нормально: иногда случаются свои катаклизмы, кто-то внезапно добивается большого успеха, но в целом все достаточно ровно и стабильно. Разумеется, мы живем в непростые для книгоиздания и книготорговли времена, но они никогда не были совсем уж легкими, и сейчас особенно стали важны перемены, развитие и создание максимального разнообразия в издаваемой литературе. Известный редактор и издатель Малкольм Эдвардс заявил о том, что покидает издательство «Gollancz», в развитие которого он внес значительный вклад. Однако вскоре стало ясно, что речь шла не об уходе на пенсию, а о небольшой паузе, и Эдвардс (который, помимо всего прочего, был также редактором Джеймса Балларда и Уильяма Гибсона) возглавит новое издательство «André Deutsch», которое будет издавать в том числе и НФ книги. Издатель «Гарри Поттера» Артур А. Левин также объявил о своем уходе из издательства «Scholastic» после двадцати трех лет работы и о запуске собственного издательского проекта.

Однако за исключением этих и еще нескольких примеров в 2019 году не произошло таких радикальных изменений, свидетелями которых мы становились в предыдущие годы – таких как, например, изменения в издательстве «Orbit» несколько лет назад, или в «Tor Books» совсем недавно. Хотя решение «Simon & Schuster» сделать «Saga Press», издающую книги в жанре научной фантастики и фэнтези, частью своего издательского холдинга «Gallery Publishing Group», стало значительным событием и способствовало дальнейшему росту компании. Позже в том же году заслуженный редактор, обладательница многих наград Нава Вульф покинула издательство. Весьма примечательным также было решение «Penguin Random House» закрыть свое подразделение «Spiegel & Grau», издававшее в основном литературу в жанре нонфикшен. Однако не все издательства поддержали тренд на закрытие своих подразделений. «Tor Books» объявили о создании нового импринта «Nightfire», который будет выпускать ужасы и темную фэнтези, и первые книги выйдут уже в 2020 году.

Хотя издательство переводной НФ сейчас переживает небывалый всплеск, «VIZ Media» объявили о том, что они временно приостановят работу своего давно существующего и пользующегося уважением читателей подразделения «Naikasogu», специализировавшегося на издании японской переводной литературы, после того как будет полностью издана серия «Легенда о героях галактики» Ёсики Танака. Пока нет никакой информации, будет ли возобновлена работа этого подразделения, но мы будем скучать по нему, ведь оно играло важную роль в мире переводной НФ. Также стоит упомянуть о закрытии в конце 2019 года «Европейского фантастического портала», который в течение семи лет транслировал на английском языке новости обо всем, что происходило в мире любителей НФ в Европе; о создании «Китайского

¹ Элис Хастингс Брэдли-Шелдон (1915–1987) – писательница-фантаст, публиковавшаяся под псевдонимом Джеймса Типтри-младшего, убила своего парализованного мужа, после чего покончила с собой. – *Здесь и далее – прим. пер.*

института исследований научной фантастики», целью которого стала «поддержка развития НФ индустрии, а также связанной с ней литературной и творческой деятельности»; и об учреждении в середине 2019 года «Чилийской ассоциации научной фантастики и фэнтези». Как мы можем убедиться, научная фантастика по-прежнему популярна по всему земному шару.

Маленькие и независимые издательства играют важную роль в развитии жанра. Они позволяют зазвучать новым голосам, сохраняют культурное наследие и высказывают альтернативные точки зрения на многие вопросы. И хотя многие независимые издательства весьма успешно вели свою деятельность в последние годы – особенно стоит отметить «Subterranean Press», выпустившее ряд потрясающих книг, ставших бестселлерами – у многих дела обстоят не так радужно. К сожалению, «Crossed Genres Publications» объявило о временной приостановке деятельности, и вполне возможно, что будет окончательно закрыто, так как занимается распродажей своих активов; «Curiosity Quills Press» объявили о том, что не будут выпускать новые книги до тех пор, пока не выплатят все авторские вознаграждения; самым неоднозначным событием стала история с независимым канадским издательством «ChiZine», когда из-за отсутствия выплат, несвоевременных платежей и обвинений в различных нарушениях основатели издательства Сандра Кастьюри и Бретт Сэйвори были отстранены от издательской деятельности, а исполняющей обязанности издателя стала Кристи Хэркин. На данный момент о будущем этого издательства ничего не известно.

Какой я могу сделать вывод на основании всего этого, а также других многочисленных перемен, которые я упустил из виду? Даже не знаю, что сказать. Я думаю, что книгоиздание сейчас занимает достаточно уверенные позиции, и с оптимизмом смотрю в следующую декаду. Бумажные, электронные и аудиокниги успешно издаются, независимые издательства процветают, самиздат превратился в отличный способ для реализации творческих амбиций, к нему уже не относятся с пренебрежением, как прежде. Однако я более настороженно отношусь к судьбе журналов, специализирующихся на малых литературных формах. Мне кажется, что они находятся в более шатком положении, но об этом я хотел бы поговорить в следующей части моего предисловия.

Никто не знает, сколько НФ рассказов и повестей публикуется каждый год. Авторитетный НФ журнал «Locus» (www.locus-mag.com) в свое время произвел подсчет, согласно которому каждый год публиковалось более трех тысяч рассказов и повестей. Однако их метод подсчета сейчас уже устарел, ведь сегодня рассказы могут появляться в антологиях, сборниках одного автора, в печатных и электронных журналах, выкладываться на *Патреоне*, издаваться за счет разных фандрайзинговых кампаний, распространяться путем интернет-рассылок, создаваться в рамках творческих лабораторий, продаваться онлайн, – так что они могут быть размещены где угодно. Не знаю, насколько это показательно, но «Ассоциация писателей научной фантастики и фэнтези Америки» (АПНФФА) недавно составила список из пятидесяти различных литературных рынков сбыта, где писатели могут реализовывать свои повести и рассказы в жанре фантастики. «Locus» насчитал семьдесят таких литературных рынков, а информационный ресурс «Электронная база научной фантастики» (www.isfdb.org) опубликовала список из 862 выпусков журналов, публиковавших в течение года рассказы и повести. И это не считая всего того, что было опубликовано за пределами Соединенных Штатов, Великобритании и Австралии, а также на всех остальных языках, кроме английского. Впрочем, можно просто сказать, что каждый год в мире публикуется огромное число рассказов и повестей.

Одним из важных изменений, которое произошло в январе 2019 года и сыграло во многом основополагающую роль для дальнейшего литературного процесса в этом году, стало заявление АПНФФА о рекомендации повысить профессиональную ставку для публикаций коротких литературных форм с шести до восьми центов за одно слово с 1 сентября 2019 года. Это заявление не только стало толчком к увеличению вознаграждения для авторов коротких про-

заических произведений, но также предоставило авторам потенциальную возможность выбирать, где именно они будут публиковать свои произведения. И хотя теперь не все издания могут платить авторам более высокое вознаграждение – что, в свою очередь, может сказаться на их возможности привлекать топовых авторов – тем не менее это предложение было положительно воспринято индустрией.

Для рынка НФ журналов год был довольно удачным, почти никто из них не закрылся, и у всех изданий – как бумажных, так и электронных – дела, судя по всему, идут хорошо. К сожалению, до сих пор ни одно из них не выпускается ежемесячно, как в прежние годы, но, мне кажется, это не такая уж и большая плата за стабильный рынок. Также мне стоит упомянуть, что большинство журналов, основанных до 2000 года, были изначально печатными, а большинство журналов, основанных после 2010 года, – электронными. Однако к 2019 году у всех у них, в той или иной степени, появились как печатные, так и электронные версии.

Около двадцати лет назад существовала «Большая тройка» НФ журналов: «Asimov's Science Fiction», «Analog Science Fiction and Fact» и «The Magazine of Fantasy & Science Fiction». И хотя данный термин теперь больше не используется, эти три издания вместе с «Tor.com», «Clarkesworld Magazine», «Lightspeed Magazine» и «Uncanny Magazine» создают «Большую семерку», и я рад, что они все еще с нами, хотя им и пришлось приспособливаться к нашему новому цифровому времени. В 2019 году журнал «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» отметил свой 70-й юбилей, выпустив по этому случаю спецвыпуск, в котором были опубликованы работы Паоло Бачигалупи, Келли Линк, Майкла Муркока и других. Последние пять лет главным редактором журнала является Чарльз Коулман Финлей, и я уверен, что он еще опубликует много потрясающих рассказов в жанре фэнтези и ужасов, в том числе работы Дж. В. Андерсон, Джеймса Морроу и Сэма Дж. Миллера, а также не менее сильных авторов научной фантастики: Леви Тидхара, Элизабет Бир, Рича Ларсона и Майкла Либлинга. Для двух журналов, выпускаемых издательством «Dell Magazines»: «Asimov's Science Fiction» и «Analog Science Fiction and Fact» год также сложился удачно. Журнал «Asimov's», основанный в 1977 году и отличающийся большим многообразием тем, уже много лет возглавляет редактор Шейла Уильямс, в течение года в журнале выходили произведения таких авторов научной фантастики, как Кэрри Вон, Тиган Мур, Сюзанна Палмер, Лоуренс Уотт-Эванс, Грег Иган, Шивон Кэрролл, Рэй Нэйлер и Е. Лили Ю. Журнал «Analog» под руководством Тренора Квачри опубликовал много прекрасных рассказов в жанре научной фантастики, которые написали Алек Невала-Ли, Энди Дудэк, С. Б. Дивья, Адам-Трой Кастро и Джеймс ван Пелт. В 2020 издание отмечает свое девяностолетие, и я очень рад, что оно по-прежнему процветает и продолжает развиваться! Еще один важный НФ журнал – британский «Interzone», главным редактором которого является Энди Сойер. Издание было создано в 1982 году и по-прежнему открыто для новых экспериментальных работ. В 2019 году там были опубликованы произведения Тима Чаваги, Марии Хаскинс, Джона Кессела и многих других.

«Clarkesworld» Нила Кларка, «Lightspeed» Джона Джозефа Адамса, «Uncanny Magazine» Линн Томас и Майкла Дэмиана Томаса, а также «Tor.com» – очень важные издания, которые размещают свои публикации преимущественно в Интернете. «Clarkesworld» был основан в 2006 году и публикует произведения в жанре научной фантастики и фэнтези. Это издание активно занимается популяризацией переводной НФ, и в 2019 году благодаря его стараниям в свет вышли потрясающие переводы с китайского и корейского языков, включая очень сильную повесть «Как мы с тобой похожи» Ким Бо-ён и «В это мгновение мы счастливы» Чэня Цуфаня. Кроме того, они опубликовали один из лучших рассказов этого года – «Рисовальщик на деревьях» Сюзанны Палмер, а также чудесные работы Дерека Кюнскена, М. Л. Кларк, А. Т. Гринблатт и Рейчел Свирски. «Light-speed» был основан в 2010 году и также работает с рассказами и повестями в жанре научной фантастики и фэнтези. На мой взгляд, лучшие произведения, напечатанные в 2019 году в этом издании, относятся к жанру фэнтези, в том числе великолеп-

ные рассказы Брук Болландер и других писателей. Однако они опубликовали и немало сильных НФ рассказов и повестей таких авторов, как Мэттью Корради, Адам-Трой Кастро, Доминика Феттеплас, Изабель Яп, а также одно из лучших произведений в жанре НФ, написанных в 2019 году, – «Архронология любви» Кэролин М. Иоахим. «Uncanny Magazine» был основан в 2014 году и последние четыре года получал премию «Хьюго» за лучший научно-фантастический журнал. Это издание публикует великолепные работы, многие из которых написаны на стыке НФ и фэнтези. В «Uncanny» выходили потрясающие рассказы в жанре фэнтези таких авторов, как Эллен Клагес, Вина Дои-Мин Прасад и Сильвия Морено-Гарсиа; и чудесные НФ рассказы Элизабет Бир, для которой этот год был особенно удачным, а также произведения Мориса Броддуса, Тима Прэтта и Фрэн Уайлд. Журнал «Tor.com» был запущен в 2008 году издательством «Tor Books» и в скором времени завоевал себе репутацию ресурса, публикующего великолепные рассказы и повести. Произведения для публикации отбираются группой редакторов, в которую вхожу и я. Не хочу показаться предвзятым, но не могу не отметить, что этот год был очень успешным для данного проекта, на портале были опубликованы работы таких признанных авторов, как Шивон Кэрролл, С. Л. Хуанг, Риверс Соломон, Джонатан Кэрролл, Кэрл Джонстон, Тиган Мур, Грег Иган, Сильвия Парк и многих других.

Выше я говорил о профессиональных журналах и ресурсах, посвященных НФ, но есть также немало замечательных изданий, создаваемых командами энтузиастов, которые классифицируются как «полупрофессиональные» – из-за их тиражей и гонораров. Однако эти журналы публикуют первоклассные произведения, поэтому их тоже можно рассматривать как серьезные издания. Упомянутый выше «Uncanny» как раз относится к данной категории. «Strange Horizons» также завоевал себе славу авторитетного НФ журнала благодаря публикациям художественной литературы, обзоров и критических статей, а кроме того, раз в квартал они выпускают журнал переводной НФ литературы – «Samovar». Новый шеф-редактор издания Ванесса Роуз Фин сменила в 2019 году на этом посту Джейн Кроули и Кейт Доллахайд. В этом же году в журнале увидели свет произведения Алекс Ющик, Шива Рамдаса и Кэтрин Харлан. Для журнала «Fiyah: The Magazine of Black Speculative Fiction» год тоже сложился вполне удачно, пускай и не так блестяще, как предыдущий. Вышло четыре выпуска этого издания под редакцией Троя Л. Уиггинса, где, помимо всего прочего, была напечатана одна из лучших повестей ушедшего года – «Пока драконы властвуют в небе» Джен Браун, а также очень сильные произведения Ники Дрейден и Дел Сандин. «Fireside Magazine» под началом редактора Пабло Дефендини публикуют в своем интернет-издании прозаические и поэтические произведения, которые впоследствии собираются в ежемесячные и ежеквартальные выпуски. Среди авторов этого ресурса были Л. Д. Льюис, Дэнни Лоре, Небедита Сен и другие.

Поскольку эта статья посвящена обзору научной фантастики, я не стал заострять особое внимание на изданиях в жанрах фэнтези, темной фэнтези или ужасов, но я бы порекомендовал вам ознакомиться с потрясающим и весьма заслуженным журналом Скотта Эндрюса «Beneath Ceaseless Skies» (на мой взгляд, это лучший англоязычный фэнтези-журнал), прекрасный «The Dark» Сильвии Морено-Гарсии и Шона Уоллеса, «Nightmare» Джона Джозефа Адамса, «GigaNotoSaurus» Лашон М. Уонак и «The Third Alternative» Энди Сойера.

И хотя журнальный рынок в течение года был достаточно стабильным, изменения происходили и в нем. Наиболее значительным стало закрытие журнала «Apex Magazine», который временно приостановил свою работу из-за проблем со здоровьем у главного редактора. Перед закрытием «Apex Magazine» создал спецвыпуск, посвященный афрофутуризму, в который вошли потрясающие работы Суий Дэвиса Окунгбовы, Стивена Барнса, Тананарив Дью и Тобиаса С. Бакелла. Также в 2019 году закрылись «Orson Scott Card's InterGalactic Medicine Show» (в течение года успели выйти три номера журнала), «Science Fiction Trails», «Arsenika», и «Capricious». Журналы «Omenana» и «Future Science Fiction Digest» обратились в конце года к своим читателям с просьбой о финансовой поддержке.

Все эти упомянутые выше издания публикуют достойную художественную литературу и публицистику и заслужили того, чтобы вы оказали им помощь.

Я столько времени посвящаю чтению рассказов и повестей, что у меня почти не остается его для знакомства с крупными литературными формами. По этой причине в данном разделе я ограничусь обсуждением лишь тех романов, которые сам лично прочитал в течение года, а также упомяну книги, которые получили особое признание. 2019 год был весьма удачен для романов в жанре научной фантастики, а также смежных с ней жанров. Возможно, самой горячей новинкой стала книга Тэмсин Мьюир «Гидеон из Девятого дома» («Тог»), о которой я уже рассказывал. После выхода она наделала много шума, а ее мрачная готическая атмосфера прекрасно отвечает веяниям времени. Мне этот роман понравился. Однако лучшим научно-фантастическим романом года я бы все же назвал дебютную книгу Тима Могана о кибертерроризме, слежке и Большом Брате – «Бесконечная деталь» («FSG»). Вам непременно стоит прочитать этот роман. Разумеется, актуальность очень важна для жанра фантастики, но есть в ней и постоянные элементы, которые меняются незначительно, а их главная суть остается неизменной. И пожалуй, самым постоянным таким элементом научной фантастики является поджанр «космической оперы». В течение года вышел целый ряд потрясающих космических опер, лучшей из которых стал захватывающий и сильный роман Элизабет Бир «Ночь предков» («Saga»), хотя мне также показался весьма забавным роман Макса Глэдстона «Императрица вечности» («Тог») и понравился увлекательный дебют Аркадии Мартин «Воспоминание, названное империей» («Тог»).

Путешествия во время – очень старый прием, но в 2019 году он был по-новому обыгран в дебютном романе Аннали Ньюитц «Будущее иного времени» («Тог»), в котором небинарные феминистки попадают в прошлое и вынуждены участвовать в войне времени, чтобы в будущем у женщин появились права. Драки, убийства и калифорнийский панк-рок служат отличным дополнением этой истории. Мне также кажется, что Чарли Джейн Андерс написала прекрасный второй роман «Город посреди ночи» («Тог») – это захватывающая история об инопланетянах, повстанцах и контрабандистах, оказавшихся на странной недружелюбной планете. Дебютный роман Сары Пинскер «Песня для нового дня» («Berkley») предлагает интересную точку зрения на то, как изменения в обществе могут повлиять на исполнительское искусство. Эта книга является одновременно провокационной, увлекательной и весьма пророческой.

В течение года вышло несколько интересных серий фантастических романов. Выход второй и третьей книг трилогии Таде Томпсона «Вормвуд»: «Мятеж в Роузуотер» и «Искупление Роузуотер» («Orbit») стал, пожалуй, самым ярким событием в этом направлении, но мне также очень понравились «Восставшая Луна» Йена Макдональда («Gollancz»), «Призрачный капитан» Алистера Рейнольдса («Gollancz»), «Возрождение альянса» К. Дж. Черри и Джейн Фэнчер («DAW») и очередная книга из серии «Гнев Тиамат» – «Пространство» Джеймса С. А. Кори («Orbit»). Также в 2019 году вышло немало замечательных переводных НФ романов. Самыми лучшими из них, и, на мой взгляд, одним из самых лучших НФ романов, написанных в 2019 году, была «Полиция памяти» Ёко Огавы («Pantheon»). Я настоятельно рекомендую вам ознакомиться с этим произведением. Так же великолепны были «Сверхновая эра» («Тог»), написанная обладателем премии «Хьюго» Лю Цысинем, и «Мусорный прилив» Чэня Цюфаня («Тог»).

Кроме того, среди вышедших в 2019 году НФ романов значительное внимание привлекли к себе: «Кэфишинг в Кэтнете» Наоми Критцер («TorTeen»), «Франкенштейн» Дженнетт Уинтерсон («Grove»; «Jonathan Cape»), «Золотой штат» Бена Уинтерса («Mulholland»), «Перигелийское лето» Грега Игана («Тог»), «Правило захвата» Кристофера Брауна («Harper Voyager»), «Запретные звезды» Тима Прэтта («Angry Robot»), «Завет» Маргарет Этвуд («Nap A. Talese»; «Doubleday»), «Воительницы» Точи Оньебучи («Razorbill»), «Одинокий Атлас»

Эммы Ньюман («Асе»), «Уничтожить всех монстров» Сэма Дж. Миллера («Harper Teen»), «Парень и его пес на краю света» Ч. А. Флетчера («Orbit»), «Флот кинжалов» Гарета Л. Пауэлла («Titan»), «Возвращение невероятного Взрывающегося Человека» Дэйва Хатчинсона («Solaris»), «Грани: опрокинутая граница», книга 1, Линды Нагаты («Mythic Island»), «Квантовый сад» Дерека Кюнскена («Solaris»), «Доггерленд» Бена Смита («Fourth Estate»), «Искатель» Сюзанны Палмер («DAW»), «Знаменитые люди, которые никогда не жили» К. Чесс («Tin House»), «Ты мечтаешь о Земле-два?» Теми О («Saga»), «Дэвид Мого – охотник на богов» Суйи Дэвиса Окунгбовы («Abaddon»).

Каждый год выходит такое множество повестей и рассказов, что различные антологии не имеют недостатка в материалах. 2019 года не стал исключением. Более того, в этом году антологии живо отреагировали на все животрепещущие темы, которые в последнее время стали популярны в НФ литературе: от климатических изменений и проблем инклюзивности до популярности переводной литературы и афрофутуризма. Прежде чем продолжить, я хотел бы упомянуть, что лично редактировал две антологии: «Особо важная миссия» и «Лучшая научная фантастика и фэнтези. Том 13», вышедшие в 2019 году. Я очень рекомендую вам ознакомиться с ними.

В этом году вышло много переводных романов, в том числе произведения таких авторов, как Ёко Огава, Лю Цысинь, Чэнь Цюфань, Ёсики Танака, Баошу и многих других. Журналы «Clarkesworld», «Арех», «The Dark» и другие издания также публиковали много переведенных на английский рассказов и повестей. В 2019 году иностранная фантастика вообще была необычайно популярной, и это нашло свое отражение в антологиях, вышедших в свет в это время. Возможно, одной из самых заметных и в целом лучших антологий года стал сборник китайской фантастики «Сломанные звезды» («Tor»), которую подготовил Кен Лю и в которой были опубликованы потрясающие работы Хана Сона, Ся Дзя, Баошу и Лю Цысиня. Этот прекрасный сборник дополняет другую антологию, вышедшую в 2016 году, – «Невидимая планета». Индийское подразделение издательства «Hachette» выпустило в течение года две антологии НФ литературы: «Книга научной фантастики Южной Азии» под редакцией Таруна К. Сента и «Магические женщины» под редакцией Сункани Венкатрагхаван. Обе антологии были потрясающими. В первую был включен рассказ Ванданы Сингх «Воссоединение» – один из лучших НФ рассказов 2019 года – а также произведения С. Б. Дивьи, Гити Чандры и Сумиты Шармы. К счастью, издатель способствовал появлению этих книг на британском и североамериканском рынках. «Магические женщины» позволяют ознакомиться с литературой, написанной индийскими женщинами. В эту антологию вошли произведения Швиты Такрар, Никиты Дешпанде и Азмы Кази. Мы только начинаем знакомить англоязычных читателей с произведениями южнокорейских писателей стараниями Сунйон Пак, Горда Селлара и команды журнала «Clarkesworld». Сунйон Пак и Сан Джун Пак вместе подготовили большую антологию «Готовый Бодхисаттва» («Kaua»), в которую вошли прекрасные работы таких авторов, как Ким Чонгю, Пак Мин Гю, Чон Соён и других. И наконец, одной из моих любимых антологий ушедшего года стала «Палестина + 100: Истории, произошедшие через столетие после Исхода» под редакцией Басмы Гхалайини и выпущенной британским издательством «Comma Press». В нее вошли вдумчивые, глубокие, разнообразные научно-фантастические истории, действие которых разворачивается через сто лет после оккупации Палестины. Многие из этих рассказов стали для меня настоящим откровением, и я очень рекомендую их вам. В сборник вошли рассказы Салима Хаддада, Анвара Ахмеда, Мазена Мааруфа и других авторов.

В течение года было опубликовано несколько действительно сильных НФ антологий, самыми лучшими из которых стали: провокационная антология, подготовленная Виктором Лавалле и Джоном Джозефом Адамсом «Люди будущего в Соединенных Штатах» («One World»), в которую вошли прекрасные работы Чарли Джейн Андерс, Элис Солы Ким, Сэма

Дж. Миллера и других писателей. В похожем ключе были созданы антологии «Если это продолжится: Научная фантастика будущего о современной политике» («Parvus»), подготовленная Кэт Рэмбо, и «Не ходите тихо» («Арех»), подготовленная Джейсоном Сайзмором. Я очень рекомендую вам ознакомиться с этими антологиями. Также одной из самых впечатляющих антологий ушедшего года я мог бы назвать «Мистический сон» («Saga»), которая была создана под редакцией Доминика Паризьена и Навы Вульф и в которую вошли потрясающие работы Индрапрамита Даса, Кармен Марии Мачадо, Шеннон Макгвайр и других писателей. Большое впечатление на меня произвели антологии: «Новые солнца: Оригинальная научная фантастика, написанная цветными людьми» («Solaris») под редакцией Ниси Шол; «Час изгоя» («Solaris») под редакцией Махвеш Мурад и Джареда Шурина; «Бесконечные звезды: Темные границы» («Titan») под редакцией Брайана Томаса Шмидта.

В последние годы IT-компании, научные журналы и различные научно-исследовательские центры подготовили ряд проектов, связанных с художественной литературой. Некоторые из них оказались достаточно скучными и не запоминающимися, но были и действительно выдающиеся образцы. Одной из самых лучших и оригинальных антологий, созданных в 2019 году стала «Будущее сегодня: антология научной фантастики, связанной с океаном» (XPRIZE), над которой работала Энн Вандермеер. В этот сборник вошли произведения об изменениях, происходящих с климатом и мировым океаном, среди авторов этой антологии были лучшие писательницы современности: Вандана Сингх, Нало Хопкинсон, Элизабет Бир и Дебора Бьянкотти. Как ни странно, этот проект нельзя найти через поисковые системы, а доступ к нему можно получить только на этом сайте (<https://go.xprize.org/oceanstories>), однако я очень рекомендую вам прочитать данную антологию. Также стоит отметить литературный проект исследовательской компании «Future Tense», в котором приняли участие Кен Лю, Чэнь Цюфань, Элизабет Бир и другие; и серию материалов «Обзоры из будущего», выпущенных «New York Times», в которую вошли рассказы Кори Доктороу, Теда Чана, Брук Баландер, Фрэн Уайлд и других авторов. Также в этом году «Future Tense» подготовила антологию «Литература «Future Tense»: Истории о завтрашнем дне» под редакцией Кирстен Берг («The Unnamed Press»).

Антологии с лучшими произведениями научной фантастики, написанными в течение определенного периода времени, неизменно пользуются популярностью, и в уходящем году вышло немало таких книг. Последняя антология Гарднера Дозуа «Лучшие из лучших: Лучшие произведения научной фантастики за последние 35 лет» («St. Martin's Griffin»); «Лучшая научная фантастика года», том четвертый («Night Shade»), составитель – Нил Кларк; «Лучшая научная фантастика и фэнтези 2019» («Prime»), составитель – Рич Хортон; «Лучшая американская научная фантастика и фэнтези 2019» («Mariner»), составители: Кармен Мария Мачадо и Джон Джозеф Адамс; «Необыкновенный 4: Лучшая фантастическая литература года, посвященная трансгендерам» («Lethe»), составитель – Боги Такач. Я советую вам найти эти антологии и прочитать их. Также интересны антологии: «Орел приземлился: 50 лет научной фантастике об освоении Луны» («Night Shade»), составитель – Нил Кларк; «Новые голоса научной фантастики» («Tachyon»), составители: Ханну Райаниеми и Джейкоб Вайзман.

Наконец, хоть я и не затрагиваю в этой статье такие жанры, как фэнтези и ужасы, но мне хотелось бы упомянуть, что лучшей антологией литературы ужасов в уходящем году стал большой сборник «Эхо: Антология историй о призраках от издательства «Saga»», составитель – Эллен Датлоу. В него вошли впечатляющие рассказы о привидениях от лучших писателей жанра ужасов. Также я очень рекомендую еще более внушительную по объему антологию «Большая книга классического фэнтези» («Vintage»), составители: Энн Вандермеер и Джефф Вандермеер, это настоящий университетский курс по литературе, собранный в одну книгу. Постарайтесь найти эти сборники и ознакомиться с ними.

Думаю, сейчас невозможно однозначно оценить, насколько удачным или неудачным был 2019 год для малых литературных форм в жанре НФ, однако нельзя не отметить, что именно в это время в свет вышло четыре очень важных сборника рассказов от признанных мастеров жанра. Наверное, одним из самых ожидаемых стал сборник «Выдох. Рассказы» Теда Чана («Knopf»). Это всего лишь второй сборник писателя за его тридцатилетнюю творческую карьеру, при этом первый – «История твоей жизни» – вышел еще в 2002 году. В новый сборник Чан включил свои самые значимые работы, написанные со времени выхода первой книги его рассказов, в том числе уже ставший классикой рассказ «Выдох», давший заглавие книге, а также «Купец и волшебные ворота». Кроме того, в сборник вошли два совершенно новых рассказа: «Тревожность – это головокружение свободы» и «Омфал». Его рассказы кажутся немного легкомысленными, но вместе с тем дают серьезный повод для размышлений и наверняка понравятся любителям короткой прозы любых жанров. Совершенно другим по звучанию, но не менее тонким в интеллектуальном плане выглядит сборник, озаглавленный просто – «Лучшее Грега Игана» («Subterranean»). В него вошло двадцать рассказов, написанных автором в течение тридцати лет, в том числе уже ставшие классикой «Учись быть мною», «Причины для счастья» и «Океанический», получившие премию «Хьюго». В этой книге отражен весь творческий путь автора, начиная с его первых работ, написанных в 90-е годы. Следующий сборник нельзя отнести строго к жанру научной фантастики, речь идет о книге «Самое лучшее Кейтлин Р. Кирнан». В него вошли двадцать рассказов, которые публиковались в течение четырнадцати лет, и которыми Кирнан заявила о себе не только как автор научной фантастики, фэнтези или ужасов, но просто как писательница, которой по плечу абсолютно любой жанр. В этот сборник вошли самые яркие ее работы, в том числе «Приливная Сила», «Любовная песня на скоростной магистрали (Баллада об убийстве № 8)» и «Молитва о девяти кошках». И наконец, последний сборник, который не совсем вписывается в эту подборку. Точнее, вписывается, конечно, но в значительной степени отличается от остальных. Великий покойный сказочник Р. А. Лафферти за свою долгую карьеру, продолжавшуюся с 1959 по 2002 год писал научную фантастику, псевдонаучную фантастику, сказки, фэнтези, абсурдистские истории. Книга «Лучшее Р. Ф. Лафферти» («Gollancz»), которую, снова вынужден признаться, я редактировал, была выпущена в рамках серии «Шедевры» и включает в себя почти две дюжины лучших работ писателя, а также ряд вводных статей к ним. Чудесная книга, и я счастлив, что в скором времени выйдет ее североамериканское издание.

Эти четыре сборника, безусловно, являются особенно выдающимися книгами, однако они далеко не единственные. Я был очарован книгой Софии Рей «Все сделано из букв» («Aqueduct»). Она была переведена с испанского и содержала в себе пять фантазий в жанре научной фантастики, в том числе просто изумительные «Тайные истории дверей» – этот рассказ был переиздан в данном сборнике. Писательница и поэтесса Малка Олдер выпустила свой дебютный сборник «...и другие бедствия» («Mason Jar»), полный игривых, символических и захватывающих историй. Возможно, наиболее строго в жанр научной фантастики вписывался сборник Альетте де Бодар «О войне, воспоминаниях и звездном свете» («Subterranean»), в который вошли рассказы о Вселенной Сюйя, а также новая большая повесть «О днях рождения, грибах и доброте», которую я обязательно включил бы в этот сборник, если бы позволил объем. Юн Ха Ли выпустил сборник рассказов «Истории Гекзархата» («Solaris»), продолжающий его трилогию «Механизмы империи», каждая из книг которого была номинирована на премию «Хьюго», а одна из книг – «Гамбит девятихвостого лиса» была номинирована на премию «Небьюла». В новый сборник вошел ряд рассказов, а также новая повесть «Пушка из стекла». Еще одним выдающимся сборником, выпущенным в 2019 году, стал бунтарский и революционный «Радикальный» (Tor) Кори Доктроу, в него вошли четыре новые повести, каждая из которых отличается глубоким содержанием.

Я мог бы продолжать свой рассказ до бесконечности, но постараюсь быть кратким. Из вышедших в 2019 году сборников я хотел бы порекомендовать «Экстренные планы на случай Апокалипсиса» С. Б. Дивьи («Nachette India»); «И делай вот так» Джона Краули («Small Beer»); «Рано или поздно все окажется в море» Сары Пинскер («Small Beer»); «Белоснежка учится колдовству» Теодоры Госс («Mythic Delirium»); «Эпизоды» Кристофера Приста («Gollancz»); «Тоска по дому», Нино Кипри («Dzanc»); «Смех в академии» Шеннон Макгвайр («Subterranean»); «Бинти: Полное собрание» Ннеди Окорафор («DAW»); «Город, построенный из слов» Пола Парка («PM»); «Соли медленно» Джулии Армфилд («Flatiron»); «Марс» Аши Бакич («The Feminist Press»); «Город и лебедята» Майкла Бишопа («Fairwood»; «Kudzu Planet»); «Коллизия» Дж. С. Брёкелар («Meerkat»); «Непредвиденный» Молли Глосс (Saga); «Встретимся в будущем» Кэмерон Хёрли (Tachyon); «Большая кошка и другие истории» Гвинет Джонс («NewCon»); «Все миры реальны» Сьюзен Пальвик («Fairwood»); «Чудеса и диковинки: Рассказы» Тима Прэтта («Merry Blacksmith»); «Учить мартышку с крокодилом» Ника Вуда («Luna»).

Давние любители НФ скажут вам, что издатели, специализирующиеся на этом жанре, уже много десятилетий выпускают рассказы и повести в качестве отдельных небольших книжек. Не знаю, подходили ли старые добрые книги-перевертыши под формат романа по количеству страниц, но еще в 80-е книги маленьких форматов и объема были весьма распространенным явлением. И все же, несмотря на это и на то, что, по мнению некоторых читателей, именно повесть является идеальным форматом для жанра НФ, несомненным остается одно: в последние четыре-пять лет такие книги стали привлекать к себе небывалое внимание.

В 2014 году издательство «Tor Books» запустило подразделение «Tor.com Publishing» для публикаций повестей и рассказов, и в скором времени заняло ведущие позиции в публикации небольших книг с рассказами и повестями благодаря изданию таких произведений, как цикл рассказов «Бинти» Нади Окорафор, «Дневник киллербота» Марты Уэллс и цикл «Трудные дети» Шеннон Макгвайр. В 2019 году издательство выпустило замечательные повести и рассказы, которые не публиковались прежде из-за своего небольшого объема. Без сомнения, лучшими были чудесный «Призрак трамвая 015» Ф. Джели Кларка и запоминающийся «Гуркха и Повелитель вторника» Саада З. Хоссейна. Я бы с удовольствием включил эти произведения в данный сборник, если бы мне позволил его объем. Также мне хотелось бы порекомендовать следующие книги: «Дездемона под землей» К. С. Э. Куни, «Дольше» Майкла Блумлейна, «Ормешэдоу» Прийи Шарма, «Миранда в Милане» Катарины Дакетт, «Угроза с невидимой стороны» Йена Макдональда и «Вечная мерзлота» Алистера Рейнольдса. Кроме того, «Tor.com» опубликовало потрясающий роман Грега Игана об изменениях климата – «Перигелийское лето», который, как мне кажется, является наиболее доступным для неподготовленного читателя произведением. Поскольку я решил обратиться к повестям, опубликованным в виде отдельных книг, я не могу не упомянуть еще раз «Вот как вы проиграете в войне времени» Амаль Эль-Мохтар и Макса Глэдстона («Saga»), думаю, что в 2020 году эта повесть соберет немало наград. Также меня поразили очень сильные по своему содержанию «Глубина» Риверс Соломон («Saga») – эта повесть была написана под впечатлением от одноименной песни хип-хоп группы «Clipping» – и «Прекрасная жизнь» К. Дж. Паркер («Subterranean»). Британское независимое издательство «NewCon» продолжает издавать чудесные повести, в том числе «Человек, который хотел стать королем» Адама Роберта и «Кочевники» Дэйва Хатчинсона.

Я мало читаю нонфикшена, посвященного НФ. Однако четыре книги привлекли мое внимание, и мне хотелось бы порекомендовать их вам. Я уже немного устал от всех разговоров о Роберте Хайнлайне и не думал, что на эту тему можно сказать что-нибудь новое, однако потрясающую книгу «Приятная профессия Роберта Э. Хайнлайна» Фары Мендельсон («Unbound»)

я прочитал запоем благодаря умению автора рассказать нечто новое об одном из величайших писателей-фантастов. Провокационная и захватывающая книга «Джоанна Расс» Гвинет Джонс («University of Illinois Press») – заслуживающая внимания биография этой достойной писательницы, и она имеет полное право занять свое место на вашей книжной полке. Также эта книга в очередной раз напомнила о необходимости переиздания многих работ Расс. «Джоанна Расс» и книга Мендельсон о Хайнлайне – одни из главных претендентов на премию «Хьюго», однако не менее увлекательными я нашел работу Джона Кроули «Читаем от конца к началу: эссе и обзоры 2005–2018», а также чудесную и неоднозначную книгу «Питер Уоттс – рассерженная разумная опухоль: Планы мести и эссе» Питера Уоттса.

«77-й Международный конвент научной фантастики» (известный также как «Дублин-Кон-2019») проходил 15–19 августа в Дублине, и его посетило 4190 гостей – чуть меньше, чем годом ранее. В 2019 году премию «Хьюго» получили: приз за лучший роман – Мэри Робинетт Коваль «Рассудительные звезды»; лучшая повесть – Марта Уэллс «Искусственное состояние»; лучшая короткая повесть – Зен Чо «Если в начале ничего не вышло, попробуй снова и снова»; лучший рассказ – Аликс Э. Барроу «Ведьмовское пособие по перемещению между мирами»; премия «Путеводная звезда» за лучшую книгу для подростков – Томи Адейеми «Дети крови и костей»; Лучший сопутствующий проект – интернет-ресурс Archive of Our Own; лучшая иллюстрированная книга – Урсула Ле Гуин «Книги Земноморья: Полное иллюстрированное издание», иллюстрации – Чарльза Весса; лучший графический роман – Марджори Лю и Сана Такта «Она – монстр, том 3: Убежище»; лучшая полнометражная постановка – «Человек-Паук: Через вселенные»; лучшая короткометражная постановка – «В лучшем мире», эпизод – «Джанет(ы)»; лучший редактор малой литературной формы – Гарднер Дозуа; лучший редактор крупной литературной формы – Нава Вульф; лучший профессиональный художник – Чарльз Весс; лучший полупрофессиональный журнал – «Uncanny Magazine»; лучший фанзин – «Lady Business»; лучший писатель-любитель – Фоз Медоуз; лучший художник-любитель – Ликхаин (Миа Серено); Лучший подкаст – Аннали Ньюитц и Чарли Джейн Андерс «Наше мнение – правильное»; лучший цикл книг – Бекки Чамберс «Странники».

В 2019 году вручение премии «Небьюла» проходило 18 мая в Калифорнии. Победителями стали: лучший роман – Мэри Робинетт Коваль «Рассудительные звезды»; лучшая повесть – Альбетт де Бодар «Чайный мастер и детектив»; лучшая короткая повесть – Брук Боландер «Единственная безвредная замечательная вещь»; лучший рассказ – Ф. Джели Кларк «Тайная жизнь девяти негритянских зубов Джорджа Вашингтона»; лучший сценарий компьютерной игры – Чарли Брукер «Черное зеркало: Брандашмыг». Кроме того, были вручены «Премия Андре Нортон» – ее присудили Томи Адейеми за книгу «Дети крови и костей»; а также «Премия Рэя Брэдбери» – ее получили Фил Лорд и Родни Ротман за сценарий анимационного фильма «Человек-Паук: Через вселенные». Почетную премию «Гроссмейстер фантастики» имени Деймона Найта получил Уильям Гибсон.

«Всемирную премию фэнтези» вручали на 45-м «Международном фэнтези конвенте», который проходит с 31 октября по 3 ноября в Лос-Анджелесе. Обладателями премии стали: лучший роман – Ч. Л. Полк «Отметина ведьмы»; лучшая повесть – Кидж Джонсон «Привилегия счастливого конца»; лучший рассказ: Мел Кассел «Десять сделок со змеей цвета индиго» и Эмма Тёрж «Как река любит небо»; лучшая антология – «Миры, увиденные мельком», составитель – Ирен Галло; лучший сборник – Паоло Бачигалупи и Тобиас С. Бакелл «Перепутанные земли»; лучший художник – Ровина Цай; специальный приз для профессиональных авторов – Хью Люис-Джонс «Карта писателя: Атлас воображаемых земель»; специальный приз для непрофессиональных авторов – Скотт Х. Эндрюс «Под бесконечным небом». Приза за выдающиеся заслуги удостоились Джек Зипс и Хаяо Миядзаки.

В 2019 году «Мемориальная премия Кэмпбелла» была присуждена Сэму Дж. Миллеру за роман «Блэкфиш-сити»; «Мемориальная премия Теодора Старджона» досталась Аннали Ньюитц за рассказ «Когда робот и ворона спасли восточный Сент-Луис»; а «Премия Артура Ч. Кларка» получил Таде Томпсон за роман «Роузотер». Если вы хотите узнать больше об этих и других премиях, то можете заглянуть на сайт «База данных наград в области научной фантастики» (www.sfadb.com).

К сожалению, каждый год от нас уходят любимые авторы. В 2019 году нас покинуло много значительных деятелей НФ. Джин Вульф – «Гроссмейстер фантастики» и финалист «Всемирной премии фэнтези», писатель, чье имя было включено в почетный список «Зала славы научной фантастики и фэнтези»; Вульф был автором по-своему революционной «Книги Нового Солнца», положившей основу серии, в которую вошли тринадцать книг, он четырежды удостоивался «Всемирной премии фэнтези», дважды – «Небьюлы» и девять раз был номинирован на премию «Хьюго». Кэрол Эмшвиллер – обладательница приза «Всемирной премии фэнтези» за выдающиеся заслуги, автор таких произведений, как «Собака Кармен», «Мистер Бутс», «Тайный город»; была удостоена «Премии Филипа К. Дика» за роман «Гора», «Всемирной премии фэнтези» за сборник «Начала конца всего и другие истории», четыре раза была номинирована на премию «Небьюла» и дважды получала ее в номинации «рассказы». Издатель Бетти Баллантайн – одна из основателей издательских домов «Bantam Books» и «Ballantine Books», которыми она руководила вместе со своим покойным мужем Йеном; работая в «Penguin Books», она стала завозить на американский рынок книги в мягкой обложке и участвовала в создании американского филиала этого британского издательства. Вонда Н. Макинтайр, обладательница трех премий «Небьюла»: за повесть «Из тумана, травы и песка», романы «Змея сновидений» и «Луна и солнце»; была одним из основателей писательских курсов «Clarion West», а также в 2009 году удостоена почетной премии «Небьюла» за вклад в развитие научной фантастики. Барри Хьюарт – обладатель «Всемирной премии фэнтези» за роман «Мост птиц», к которому он впоследствии написал два продолжения: «История камня» и «Восемь умелых мужчин». Издатель Роберт С. Фридман, основавший издательства «Rainbow Ridge Books» и «The Donning Company». Австралийский автор Эндрю Макгахан – автор цикла повестей в жанре фэнтези «Короли корабля». Кэрри Ричерсон – двукратная обладательница «Премии Кэмпбелла», номинированная также на премию «Гейлактик спектр» за рассказ «Любовь на веточке». Французский писатель и художник Томи Унжерер, получивший в 1998 году «Премия Ганса Христиана Андерсона» за вклад в детскую иллюстрацию. Писатель У. Э. Баттерворт, более известный под псевдонимом У. Э. Б. Гриффин, автор военных и детективных романов. Джиллиан Фриман – автор научно-фантастического романа о фашизме «Лидер». Джанет Азимова – успешный психиатр, писавшая мистику и научную фантастику, в том числе совместно со своим знаменитым мужем Айзеком. Хью Лэмб – составитель антологий, который начал свою работу с выпуска антологии «Прилив ужаса». Больше всего антологий пришлось на 1970-е, однако он продолжал активную деятельность до конца двадцатого века. Чарльз Блэк – редактор одиннадцати «Черных книг ужаса», две из которых были номинированы на «Британскую премию фэнтези». В. Х. Пагмир – автор ужасов в стиле Лавкрафта. Аллан Коул, вместе с Крисом Банчем создавшие цикл романов «Стэн». Тамара Казавчинская – редактор российского журнала «Иностранная литература» и переводчица с английского и польского языков, в том числе работ Станислава Лема. Российский писатель Сергей Павлов – автор цикла «Лунная радуга» и основатель научно-фантастической премии «Лунная радуга». Уолтер Харрис – автор романов «День, когда я умер», «Слюна» и «Пятый всадник», а также новеллизаций фильмов «Чудовище из Черной лагуны» и «Лондонский оборотень». Бенгальский редактор Адриш Бардхан – редактор первого в Индии научно-фантастического журнала «Ascharya», а впоследствии – журнала «Fantastic». Он был удостоен «Премии Сухиндраната Раха» за вклад в бенгальскую научно-фантастиче-

скую литературу. Деннис Этчинсон – обладатель «Премии Брэма Стокера» за заслуги перед жанром, автор таких романов, как «Туман», «Темная сторона» и «Калифорнийская готика», обладатель многочисленных «Всемирных премий фэнтези» и «Британских премий фэнтези». Польский писатель и редактор Мачей Паровский – редактор журнала «Nowa Fantastyka» и главный редактор журнала «Czas Fantastyki». Милан Азадуров – болгарский писатель и издатель, создавший серию «Галактика», в которую вошли работы ведущих мировых фантастов: Азимова, Брэдбери, братьев Стругацких, Ле Гуин и многих других. Дж. Нил Шульман – обладатель премии «Прометей» за романы «Параллельно ночи» и «Радужная каденция», а также сценарист эпизода «Профиль в серебре» популярного сериала «Сумеречная зона». Роберт Н. Стивенсон – редактор и издатель журнала «Altair», составитель нескольких антологий, обладатель премии «Aurealis Award» 2011 года за рассказ «Дожди ла Стрэнджа». Брэд Линавивер – двукратный обладатель премии «Прометей», автор романов «Луна изо льда» и «Анархия», а также нескольких телешоу. Мелисса Майклс, начавшая публиковаться в 1979 году и написавшая цикл «Сайрайдер», который состоял из пяти книг, а также другие романы. Кэтрин Маклин – заслуженный автор научной фантастики, чья повесть «Пропавший» в 1972 году была награждена премией «Небьюла». Терренс Дикс – автор сценария нескольких эпизодов сериала «Доктор Кто», он также редактировал сценарии этого популярного сериала с 1968 по 1974 год. Также он принимал участие в создании сериалов «Мстители», «Лунная база-3» и «Космос: 1999». Хэл Коулбатч – автор книги-исследования героического фэнтези «Возвращение героев», принимал участие в создании энциклопедии Дж. Р. Р. Толкина, а также писал для антологии «Войны людей с кзинти» Ларри Нивена. Джон Э. Питтс, начавший публиковать свои рассказы с 2006 года, а романы – с 2010, начиная с «Блюза черного лезвия». Майкл Блумлейн, написавший такие книги, как «Движение гор», «X, Y», «Целитель» и четыре сборника рассказов, а также номинированный на «Всемирную премию фэнтези», «Премия Брэма Стокера» и «Премия Джеймса Типтри». Гэхан Уилсон – обладатель почетной «Всемирной премии фэнтези» за особые заслуги, художник-карикатурист, в чьих работах соединялись ужасы, фэнтези и юмор, и публиковавшийся в «Playboy», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и других журналах. Д. К. Фонтана – сценаристка, принимавшая участие в создании сериала «Звездный путь», а также «Бак Роджерс в XXV веке», «Вавилон-5», «Человек на шесть миллионов долларов», «Война миров» и других известных телесериалов. Эндрю Вейнер, иммигрировавший в Канаду из Великобритании, в 1987 году написал свой первый роман «Станция «Преисподняя»», за которым последовали романы «Приближаясь к концу» и «Среди отсутствующих».

* * *

Итак, мы подходим к концу предисловия. Впереди вас ждут увлекательные истории. Мы живем в интересное время, богатое на самые разные события как во всем мире, так и в сфере фантастической литературы. И вы своими глазами можете убедиться, как эта сфера отвечает на различные вызовы, с которыми ей приходится сталкиваться. Я уже читаю рассказы, которые должны появиться в следующем сборнике через год, и мне не терпится поделиться с вами результатами моих трудов. А пока я надеюсь, что собранные в этой книге истории доставят вам такое же удовольствие, какое они доставили мне, и до встречи через год.

*Джонатан Стрэн
Перт, Западная Австралия
Январь 2020*

Чарли Джейн Андерс²

Последней книгой, написанной Чарли Джейн Андерс (charliejane.net), стал роман *The City in the Middle of the Night* («Город посреди ночи»). Она также является автором таких произведений, как роман *All the Birds in the Sky* («Все птицы в небе»), завоевавший литературные премии «Небьюла», «Локус» и «Премия им. Кроуфорда»; роман *Choir Boy* («Хорист»), получивший литературную премию «Лямбда»; повесть *Rock Manning Goes for Broke* («Рок Мэннинг идет ва-банк»), а также сборник рассказов *Six Months, Three Days, Five Others* («Шесть месяцев, три дня и еще пять историй»). Ее рассказы публиковались в журналах «*Tor.com*», «*Boston Review*», «*Tin House*», «*Conjunctions*, *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*», «*Wired*, *Slate*», «*Asimov's Science Fiction*», «*Lightspeed*», а также в многочисленных антологиях. Рассказ «Шесть месяцев, три дня» завоевал литературную премию «Хьюго», а рассказ *Don't Press Charges and I Won't Sue* («Не выдвигайте обвинений, и я не подам на вас в суд») получил «Премия Теодора Старджона». В скором времени писательница выпустит новый сборник рассказов – *Even Greater Mistakes* («Еще более серьезные ошибки»). Кроме того, Чарли Джейн организует серию ежемесячных чтений «Писатели с напитками» и совместно с Аннали Ньюитц ведет подкаст «Наше мнение – правильное».

² © Charlie Jane Anders, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Книжный магазин на краю Америки

Книжный магазин располагался на холме: два входа, две тропинки, выложенные простой плиткой, сквозь которую пробивалась трава; две одинаковые вывески, приветствующие покупателей «Первой и последней страницы», между ними – большое синее здание, напоминавшее внешним видом старый амбар с покатою, крытой черепицей крышей и большими водосточными желобами. Сколько всего книг находилось в этом здании, не знал никто, даже его хозяйка – Молли. Но если бы вам не удалось отыскать там какую-то книгу, то, возможно, она еще просто не была написана.

Две абсолютно одинаковые тропинки вели к двум абсолютно одинаковым дверям, на порогах лежали два соломенных коврика с приветственной надписью, пол был устлан голубыми досками, а внутри пахло сиренью и старым зданием. Но в зависимости от того, какую дверь вы выбирали, вашему взору представляли совершенно разные магазины. С двумя кассами для двух разных типов денег.

Если вы входили со стороны Калифорнии, то прямо перед вами оказывался настенный гобелен, на котором женщины разных возрастов и рас танцевали, держась за руки. Там был стенд с новыми книгами, выпущенными маленькими издательствами, отчаянно пытавшимися выжить в Колорадо-Спрингс или Санта-Фе, причем книги эти были посвящены самой разной тематике: от прозы и поэзии до культурологических исследований. Около двери с калифорнийской стороны находился стеллаж с многочисленными книгами, посвященными правам женщин и квир-персон. А также значительная подборка классической литературы, включая Вирджинию Вульф и Зору Ниэл Хёрстон. А еще – много новых изданий в мягких обложках.

Если же вы входили в магазин со стороны Америки, то, на первый взгляд, вам могло показаться, что магазин выглядит точно так же, только вместо гобелена здесь висела картина с изображением Скалистых гор, находившихся неподалеку. Вы обязательно обратили бы внимание на большое количество книг по религии, а также по истории в более консервативной ее трактовке. Художественная литература была представлена преимущественно Фолкнером, Торо, Хемингуэем и, разумеется, Айн Рэнд. Также вы смогли бы найти здесь сборники очерков о необходимости опираться исключительно на свои собственные силы и о крепости семьи. А на стеллажах с недорогими изданиями в мягких обложках вас ждали триллеры и книги о войне, многие из которых были недавно отпечатаны в большой типографии в Гетлинберге. Были здесь и любовные романы.

Проследовав от любой из двух дверей в глубь магазина, вы оказывались в лабиринте книжных полок, бесчисленных укромных закутков и различных служебных помещений. Была там и пещера научной фантастики и фэнтези, и альков с книгами по истории театра, и целый флигель с работами по социологии и истории, где один из стеллажей был полностью посвящен Великому расколу. Разумеется, некоторым покупателям удавалось пройти через извилистые, похожие на раскормленных змей коридоры, а также большой центральный читальный зал с красным ковром и двумя ободранными диванами и оказаться в противоположной части магазина. Но внутреннее устройство магазина было организовано так, чтобы у людей не возникало желания покидать свою реальность.

Четкая граница между Америкой и Калифорнией, которая по всей стране была обозначена сторожевыми башнями и контрольно-пропускными пунктами, табличками с надписями: «Вы покидаете»/«Вы прибываете» и стендами с ужасно дорогими сувенирами, здесь, в магазине «Первая и последняя страница», обозначалась высоким стеллажом с книгами из серии «помоги себе сам», а также сборниками советов о том, как пережить развод.

Люди с обеих сторон проезжали сотни миль на гидроэлектромобилях, соларциклах, механических лошадях или туристических автобусах, чтобы купить себе книги, без кото-

рых они не представляли себе жизни. Разумеется, можно приобрести электронную книгу в «Общем каталоге», но велик риск, что вам попадется либо произведение, окончательно испорченное коллективным редактированием или переделанное под определенную целевую аудиторию, либо аннотация окажется неправильной, либо книгу просто невозможно будет читать. К примеру, можно открыть на своем гаджете «Записки федералиста» и обнаружить там новый параграф о правах и обязанностях, которого не было ранее, или несколько страниц там будет посвящено выбору геля для волос – только потому, что вчера вы подыскивали себе как раз такой гель. Следует также отметить, что одну и ту же книгу в Калифорнии и в Америке могут воспринимать совершенно по-разному. Так что если для вас важно содержание, то положиться можно только на бумагу и чернила (или, если речь шла о новых изданиях, то на инновационную БумОгу), не говоря уже о тех ощущениях, которые вы получаете, когда вдыхаете запах книг, прикасаетесь к ним, переворачиваете страницы и выгибаете их корешки.

Молли считала, что книги будут нужны всем. Не важно, где люди живут, как любят, во что верят и кого хотят убить. Нам всем нужны книги. Если же вы начинаете думать о книгах, как о доступе в какой-то закрытый клуб, или о том, что любовь к чтению является какой-то отличительной чертой, значит вы абсолютно никудышный продавец книг.

Книги – самый лучший способ узнать, о чем думали еще до вашего рождения. Ведь авторы – это просто люди, которые изо всех сил пытаются осмыслить свои собственные проблемы. И возможно, их ошибки посеют в вас семена истины, которые помогут разобраться в ваших неудачах.

Иногда Молли спрашивала себя, почему она не хочет все упростить и оставить только один вход. Заставить жителей Америки разговаривать с калифорнийцами и, наоборот, попробовать предъявить на суд обеих сторон книги, которые, возможно, изменили бы их взгляд на мир. И ответ у нее был только один: она должна вести свой бизнес, и ей достаточно того, чтобы люди просто продолжали читать. По крайней мере Молли удавалось организовать все так, чтобы превратить это место в самый мирный аванпост на границе, избегая стычек и скандалов между покупателями с обеих сторон.

Некоторые из этих людей выросли еще в Соединенных Штатах Америки, однако вели они себя так, словно население этих двух территорий всегда враждовало друг с другом.

Какой бы вход в книжный магазин вы ни выбрали, вполне вероятно, что первым делом вы обратили бы внимание на Фиби. Худющая, нескладная, веселая, иногда даже немножко бунтарка, она босиком бегала по магазину, не задевая ни одного книжного шкафа и не роняя ни одной книги. Смех Фиби звенел раньше, чем слышались ее шаги. Дочка Молли носила обычно джинсовый комбинезон и дешевые льняные блузки, но иногда надевала юбку до пола или отделанное кружевом платье, а также пластмассовые браслеты и бусы. Уши у нее пока еще не были проколоты.

Люди по обе стороны от границы любили Фиби, ее радостные крики слышались даже за пределами магазина, принося радость и оживление.

Молли постоянно говорила Фиби, чтобы та вышла на улицу и подышала свежим воздухом, ведь мамы все время говорят нечто подобное, а Молли очень боялась оказаться плохой матерью, потому что она была в буквальном смысле слова замужем за своим книжным магазином, хотя он и содержал целый отдел литературы по воспитанию детей. Но в глубине души Молли даже была рада, когда Фиби не слушалась ее, оставалась в магазине и то и дело читала книги. Молли надеялась, что Фиби сохранит свой робкий нрав, что мать и дочь так и будут сидеть в «Первой и последней странице» и смотреть на мир через тонкие льняные занавески или вместе читать книги.

Но когда Фиби исполнилось четырнадцать, она стала почти все время проводить на улице, и Молли подолгу не видела ее. Примерно тогда же Фиби неожиданно выросла и сильно

похорошела. У нее была длинная шея, и ее рыжий хвостик развевался на ветру, когда она бегала вместе с другими ребятами, жившими на окруженных деревьями улицах с американской стороны. К ним нередко присоединялось несколько детей из Калифорнии. Границу в этих местах никто особенно не патрулировал, там просто была навалена груда камней, которая служила неким напоминанием о Скалистых горах неподалеку. И если знать дорогу, то через эту груду легко было перебраться и оказаться уже в другой стране.

Фиби и ее компания ребятшек в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет бродили в высокой траве в поисках «сокровищ» или устраивали «засады» среди камней. Иногда Фиби видела Молли и махала ей рукой, а затем взбегала по пыльному холму к Зейди и Марку, которые перебирались сюда из Калифорнии. За плечами у них висели суконные рюкзаки, набитые разными играми и безделушками. Время от времени Фиби приводила всю ораву в магазин, чтобы налить всем воды или домашнего имбирного лимонада, который готовила Молли. Дети останавливались на пороге, говорили: «Здравствуйте, мисс Карлтон», а потом убегали.

Обычно же Молли слышала только хор их пронзительных голосов, когда они носились друг за дружкой с игрушечными пистолетиками. Иногда они уходили в рощицу, где росли деревья и папоротники, и оставались там даже после захода солнца, а когда Молли уже доставала свой гаджет, чтобы разослать сообщения всем местным родителям, она замечала огоньки, мелькавшие сквозь ветви деревьев, напоминавшие скрюченные пальцы. Молли всегда спрашивала Фиби, чем они занимались в этой небольшой рощице, которую лишь с натяжкой можно было назвать лесом, и Фиби всякий раз отвечала: «Ничем». Просто играли. Однако Молли представляла себе, как эти ребята при свете луны, скрытые от мира густой листвой, пьют алкоголь, принимают наркотики, целуются и рассказывают друг другу неприличные истории.

Но как бы Молли ни хотелось контролировать свою дочь, она не могла оставить книжный магазин без присмотра. Так как магазин работал сразу на две страны, одновременно в нем должно было находиться не меньше двух человек – по одному на каждую кассу, однако большинство продавцов, которых нанимала Молли, не выдерживали и пары месяцев и уезжали домой, так как их семьи очень переживали из-за постоянных слухов о возможной новой войне. Каждый день на гаджет Молли поступала новая порция пропаганды с обеих сторон, в которой утверждалось, что одна из стран превратилась в жестокое теократическое государство, а другая – в сборище безбожников. В то же время распространялись слухи о том, что обе страны пытаются отыскать последние запасы воды, а иногда из-под земли доносился гул, так как калифорнийцы отправили туда целый рой роботов. Затаив дыхание, все ждали дальнейшего развития событий.

Молли работала за прилавком с калифорнийской стороны, как всегда, стараясь никак не реагировать на посетителей со странными татуировками или со светящимися серебряными проводами, вживленными в их черепа. Все знали, как рьяно калифорнийцы стремились внедрять в собственные тела и мозг последние достижения высоких технологий: от специальных программ, контролирующей рождаемость, до имплантов, позволявших им подсоединить свой мозг к комплексу «Другой». Молли улыбалась посетителям, перебрывалась с ними ничего не значащими репликами, рекомендовала книги – благодаря своей феноменальной памяти она знала, кто и что покупал в ее магазине – иными словами, обращалась с ними как с обычными покупателями, даже когда некоторые из них, заметив на шее Молли крестик, начинали недовольно цокать языком, считая, что ей промыли мозги и внушили веру в Бога.

Однажды в магазин пришли³ один из постоянных покупателей по имени Сэндер. Они искали редкую книгу, выпущенную в последние дни существования Соединенных Штатов. Эта книга была посвящена ведению фермерского хозяйства с учетом экологических норм, а также

³ Здесь и далее речь пойдет о небинарной персоне, предпочитающим/ей отзываться о себе во множественном числе.

осознанному отношению к сельскохозяйственным животным, а написала ее некая Хоуп Дорренс. По непонятным причинам, никто даже не загрузил данный сборник очерков в «Общий каталог». Молли проверила информацию в своем навороченном компьютере и выяснила, что в магазине имеется один экземпляр книги. Однако когда она отвела Сэндера к нужной полке, книги там не оказалось.

Сэндер посмотрели на пустое место, где должны были находиться «Души земли», и их бледное круглое лицо сморщилось. У них была всего одна татуировка – бабочка в блестящей броне, а из бритого черепа торчали провода. Они работали инженером в комплексе «Другой».

– Хм, – сказала Молли. – Книга должна быть здесь. Но я еще раз проверю, может быть, ее уже купили на другой... мм... стороне, но не занесли в списки продаж.

Сэндер кивнули и последовали за Молли в Америку. Молли протиснулась мимо Митча, работавшего за кассой, и стала просматривать чеки, пока не отыскала нужный.

– Ой. Да. Вот черт.

Они продали единственный экземпляр «Душ земли» одной из самых своих преданных покупательниц с американской стороны – седовласой женщине по имени Тери Уоллес, которая ходила с Молли в одну церковь (и чья дочь Минни играла с Фиби и ее друзьями). Тери как раз находилась в магазине, она искала книгу с рецептами. Митч видел, как она только что прошла мимо. К сожалению, Тери чувствовала отвращение к калифорнийцам сильнее большинства американцев. А таких калифорнийцев, как Сэндер, Тери ненавидела особенно сильно.

– Похоже, мы недавно продали книгу, но пока не загрузили информацию в нашу базу... что ж... иногда так бывает, – объяснила Молли.

– Иными словами, информация, предоставляемая вашим магазином, вводит покупателей в заблуждение, – процедили сквозь зубы Сэндер, и на их лице появилось выражение глубокой обиды, типичной для всех калифорнийцев, когда что-то шло не так. – Вы сказали мне, что книга в наличии, а на самом деле не располагали точной информацией.

Молли решила не говорить Сэндеру, кто именно приобрел книгу Хоуп Дорренс, но Тери вернулась к кассе с книгой о приготовлении сногшибательных салатов как раз в тот момент, когда Сэндер пустились в рассуждения об этичности информационного обмена в розничной торговле и между делом упомянули «Души земли», а Терри услышала это название.

– Ой, я только что купила эту книгу, – сказала Тери.

Сэндер повернулись к ней, улыбнулись и сказали:

– О, какая встреча! Боюсь, что книга, которую вы приобрели, предназначалась мне. Возможно, нам с вами удастся договориться? Мы могли бы задействовать для решения этой проблемы определенные ресурсы, так как данная книга нам очень нужна. – Сэндер начали говорить в той свехрациональной настойчивой манере, которая была характерна для всех калифорнийцев, когда они сталкивались с какой-нибудь проблемой.

– Извините, – ответила Тери, – но я купила ее. Теперь я ее хозяйка. Она моя.

– Но, – возразили Сэндер, – существует много способов, как мы могли бы... то есть вы можете одолжить ее нам, мы бы ее отцифровали, а потом вернули бы вам в хорошем состоянии.

– Мне не нужна эта книга в хорошем состоянии. Она нужна мне в том состоянии, в котором находится сейчас.

– Но...

Молли понимала, что еще чуть-чуть и этот разговор перерастет в перепалку. Тери явно хотелось как-нибудь оскорбить Сэндера: либо напрямую, либо используя по отношению к нему неправильное местоимение. Сэндэр же точно хотели сказать, что Тери дура – либо намеком, либо прямым текстом. Молли знала простое решение данной проблемы: она могла предложить Тери бесплатную книгу или хорошую скидку на следующие покупки, если та одолжит Сэндеру книгу, чтобы они могли оцифровать ее с помощью специального робота. Только вот

в данной ситуации взывать к голосу разума было бесполезно. Ведь эти двое уже готовы были сцепиться друг с другом.

Поэтому Молли улыбнулась как можно шире и проговорила:

– Сэндер. Я только что вспомнила, что приготовила для вас специальную подборку книг в разделе психологии и философии. Я хотела вручить вам эти книги, но совсем забыла про них. Пойдемте, я вам покажу. – Она тихонько потянула Сэндера за руку и увела их обратно в муравейник из книжных стеллажей. Сэндер продолжил ворчать о нерациональном эгоизме Тери, пока они не покинули Америку.

Молли понятия не имела, какие именно особенные книги она могла бы отложить для Сэндера, но поскольку они часто покупали биографические книги и даже смогли осилить «Тяготы романтики», она решила, что сможет им что-нибудь подобрать.

Фиби оказалась в центре любовного треугольника. Молли узнавала об этом постепенно, наблюдая за остальными ребятами и слушая обрывки их разговоров (хотя она и старалась изо всех сил не подслушивать их).

Джонатан Бринкфорт, сын настоятеля церкви, куда ходила Молли, стал увиваться вокруг Фиби с таким грустным выражением лица, словно он проиграл в одну из тех игр, где надо было целоваться и рассказывать эротические истории, и теперь на нем висел громадный долг. Джон был высоким тихим парнем с красивым, немного грубоватым лицом, он обладал большим авторитетом среди сверстников и поэтому выступал посредником в любом, даже самом незначительном, споре. Молли еще не доводилось видеть его в подобной ситуации, когда он сам не знал, что сказать. Она с детства помогала Джону выбирать в своем магазине приключенческие романы о воздушных кораблях.

А еще в их компании была Зейди Канва, чей дед иммигрировал из Уганды, а отец обо-жал старую научную фантастику. Зейди недавно сделала себе на плече татуировку с одуванчиком, семена которого разлетались по ветру, и вплетала в дреды нитку жемчуга из стекловолокна. Зейди читала самые разные книги: от естественно-научных и математических трудов до радикальной политики и девчачьих романов про лошадей и летний отдых. Зейди постоянно о чем-то перешептывалась с Фиби и приносила ей маленькие подарки из Калифорнии вроде тех странных конфет с перцем чили.

Молли могла себе представить, какие разговоры она будет выслушивать в церкви, если ее дочь вступит в противоестественные отношения с девушкой, да еще из Калифорнии, вместо того чтобы встречаться с хорошим американским мальчиком, который к тому же был сыном преподобного Бринкфорта.

Но Фиби, похоже, не готова была остановить на ком-то свой выбор. С одинаковой робкой улыбкой она принимала и неловкие комплименты Джона, и подарки Зейди.

Молли взяла Фиби с собой в однодневную поездку в Калифорнию. В их паспортах поставили штампы с разрешением въезда на один день, они сели в старенький трехколесный «лансер» Молли и поехали мимо ветряных электростанций и военных объектов, мимо знаков, указывавших дорогу к новейшим объектам комплекса «Другой», где занимались разработками облачного разума, пока наконец не остановились около кафе, где продавали такие густые молочные коктейли, что с губ запросто могла сползти кожа, пока пытаешься втянуть его через трубочку.

Фиби была молчалива, она то потягивала коктейль, то сидела, обхватив себя руками и закутавшись, словно в кокон, в свою куртку из полифибра. Молли пыталась разговорить ее, рассказывала, кто какие книги покупал в последнее время, потом поинтересовалась у нее, как недавний интерес Шэрон Вонг к наблюдению за птицами может сказаться на международных отношениях между двумя странами. Фиби только пожала плечами, словно предлагая матери

самой посмотреть, что пишут в новостях. Как будто Молли не читала регулярно эти самые новости и не пыталась отыскать в них хоть какой-то смысл.

Затем Фиби начала рассказывать Молли о каком-то романе в жанре фэнтези. Про семейных принцесс, обладавших даром стимуляции роста и разрушения. Но некоторые из этих принцесс могли использовать дар стимуляции роста только в том случае, если другие принцессы использовали в это же время дар стимуляции разрушения. А той из принцесс, кому удалось бы вырастить такой высокий забор, чтобы он смог выдержать натиск армии гномотроллей, предстояло стать наследницей Синего Трона. Но принцессы сначала не знали о том, что у них разные способности и они могли выращивать разные предметы. А еще там было несколько принцев и придворных, которые влюблялись в разных принцесс, но никому из них никак не удавалось обрести свое счастье.

Постепенно сюжет романа становился все более запутанным, и Молли не могла вспомнить, чтобы такая книга была у нее в магазине, пока, наконец, не поняла: Фиби не пересказывала ей сюжет книги, которую прочитала, она сама сочиняла этот роман и, возможно, печатала его на одном из старых компьютеров, которые хранились в кладовке. Молли даже не знала, что Фиби была писательницей.

– Как все закончится? – спросила Молли.

– Я не знаю. – Фиби допила свой молочный коктейль. – Думаю, они объединят свои силы, построят забор, который должны были построить, и не станут больше конкурировать друг с другом. Но сложнее всего будет сделать так, чтобы каждая из принцесс нашла свою вторую половинку. И чтобы каждому нашлось дело и место в королевстве.

Молли кивнула, а затем задумалась о том, как ей отреагировать на то, что на самом деле пыталась сказать ей дочь.

– Ты ведь понимаешь, что когда речь заходит о любви, не стоит спешить с выбором. Нужно во всем разобраться. Иногда на это требуется время, и это нормально, если ты не можешь сразу найти правильный ответ. Ты понимаешь?

– Да, наверное. – Фиби отодвинула пустой стакан и посмотрела в окно. Молли ждала, пока она еще что-нибудь скажет, но, в конце концов, поняла, что разговор окончен. Подростки, что с ними поделаешь?

Молли открыла «Первую и последнюю страницу», когда Фиби была еще ребенком, а граница между странами казалась прозрачнее. Оба правительства стремились создать Специальную торговую зону и выдавали специальные транснациональные лицензии. Все радовались, что в округе появился книжный магазин, и Молли сбилась со счета, сколько человек поблагодарили ее за то, что она решилась на этот шаг. Некоторые букинистические издания Молли приобретала в частных библиотеках, но многие люди готовы были пожертвовать ей книги безвозмездно.

Молли хотела, чтобы Фиби находилась поблизости от Калифорнии в случае, если Америка перейдет от угроз к делу и постарается употребить свое законодательство, допускающее многообразие трактовок против аморального образа жизни. Кроме того, Фиби заслуживала того, чтобы ее окружали самые разные люди, чтобы она была свободна в своих взглядах и выборе жизненного пути. К тому же оказалось, что Молли проявила значительную проницательность, когда решила вести бизнес одновременно в двух странах, ведь таким образом, она вдвое увеличила свой рынок сбыта.

Какое-то время на границе также работали бар, бургерная и магазин одежды, но Молли даже не заметила, как все эти заведения закрылись одно за другим. Она думала, что ее «Первая и последняя страница» отличалась от остальных мест тем, что чтение книг никому не ударит в голову настолько, чтобы разъяриться и ввязаться в драку.

Мэтью, прихрамывая, вошел в американские двери, когда в магазине было затишье, и Молли обратила внимание на его рваные брюки, грязные руки и следы засохшей соли на его буром лице. Она повидала уже немало таких людей, и его появление не вызвало у нее удивления. Ей даже не нужно было видеть клеймо на шее Мэтью, которое напоминало пару сломанных крыльев и указывало на то, что он являлся несвободным батраком и находился в ведении Тюремных властей Великих Аппалачи, а также корпорации «Радость». Она лишь кивнула и провела его в магазин, пока никто больше не заметил этого и не стал задавать вопросов.

– Мне нужна книга по саморазвитию, – сказал Мэтью. Такие, как он, часто говорили нечто подобное. Кто-то где-то сообщал им, что благодаря этой кодовой фразе Молли сразу же поймет, что им нужно. Но на самом деле никакой кодовой фразы не существовало, в ней просто не было необходимости.

Помимо магазина Молли, существовало множество других мест, где граница между Америкой и Калифорнией никак не регулировалась. Среди таких мест был и каменистый холм, через который перебирались Зейди и другие калифорнийские ребята, чтобы поиграть с американскими детьми. На границе было слишком много пустырей, на патрулирование которых бессмысленно было тратить время, и уж тем более устанавливать там сенсоры. Все равно ты не смог бы пообедать в Калифорнии, прежде чем твою личность не проверят двадцать компьютеров. Но такие, как Мэтью, выбирали магазин Молли, потому что книги означали цивилизацию, а может быть, все дело было в его названии, которое будто обещало, что переход будет безопасным и с первой страницы они благополучно переберутся на последнюю.

Молли поступила так, как она всегда вела себя по отношению к беженцам. Она помогла Мэтью найти самый быстрый путь от отдела любовных романов в отдел философии, оттуда – в отдел истории, а затем – в Калифорнию. Она дала ему чистую одежду из ящика для пожертвований, который, как она всегда говорила покупателям, предназначался для какого-нибудь приюта, а также поделилась с ним известной ей информацией о ресурсах и контактных лицах. И позволила ему умыться в туалете.

Мэтью по-прежнему прихрамывал, пока шел по магазину в новых вельветовых штанах и мешковатом пестром свитере. Молли предложила осмотреть его ногу, но он лишь покачал головой.

– Старая рана.

Она принесла аптечку первой помощи и дала ему пузырек с обезболивающими. Мэтью все время озирался по сторонам, словно искал скрытые камеры (которых там не было), и резко дернулся назад, когда Молли попросила его ненадолго задержаться после того, как они оказались в Калифорнии.

– Что? Что-то не так? В чем дело?

– Ни в чем. Все так. Я просто подумала... – Молли всегда давала беженцам бесплатную книгу, чтобы как-то скрасить время в предстоящем путешествии. Она не хотела выбирать книгу наугад, поэтому посмотрела на Мэтью в приглушенном янтарном свете настенных бра, освещавших отдел истории. – Скажите, какие книги вы любите? Кроме книг по саморазвитию.

– Простите, но у меня нет денег, – ответил Мэтью, а Моли только махнула рукой.

– Деньги не нужны. Я просто хотела дать вам что-нибудь с собой.

В этот момент появилась Фиби, она сразу поняла, что происходит.

– Привет, мама. Здравствуйте, я – Фиби.

– Это Мэтью, – сказала Молли. – Я хочу дать ему книгу в дорогу.

– Нам не разрешают иметь своих книг, – возразил Мэтью. – У нас была маленькая библиотека, но пользоваться ею разрешали только за особые заслуги. И чтобы получить эту привилегию, нужно было не только хорошо себя вести, но и... – Он посмотрел на Фиби, потому что явно собирался сказать нечто такое, что не предназначалось для детских ушей. – Но нам разрешали читать Библию, и я даже учил наизусть некоторые отрывки оттуда.

Молли и Фиби переглянулись и, пока Мэтью беспокойно переминался с ноги на ногу, Фиби сказала:

- Детективы про отца Брауна.
- Ты уверена? – спросила Молли.

Фиби кивнула. Она убежала, быстрая, как лань, и вскоре вернулась со сборником рассказов Г. К. Честертон в мягкой обложке. Книга была такой маленькой, что могла уместиться в кармане вельветовых брюк, которые отдала Мэтью.

– Мне понравилась эта книга, – сказала она Мэтью. – Она о Боге, о религии. А еще там очень интересные детективные истории, где ключом к разгадке всегда служит понимание людей.

Мэтью принялся благодарить Молли и Фиби, издавая гортанные звуки, напоминающие кашель, пока они жестом не дали ему понять, что в этом не было необходимости. Оказавшись в фойе магазина на калифорнийской стороне, они попросили Мэтью не выходить из-за книжных шкафов, убедились, что поблизости никого не было, а затем вывели его из магазина и показали самый короткий путь, который позволял добраться до главной дороги незамеченным. Пока Мэтью бежал через длинную, посыпанную гравием парковку, он один раз остановился и махнул им на прощание рукой, но больше не оборачивался.

Президент Калифорнии поздравил президента Америки не с Пасхой, а с весенним солнцестоянием, и президент Америки созвал пресс-конференцию, чтобы обсудить это непростительное оскорбление. Уоллес Доусон – Американский секретарь по морали и нравственности оскорбительно отозвался о генеральном прокуроре Калифорнии, который был геем. Калифорния перебросила к границе войска и стала проводить военные учения так близко от магазина Молли, что она всю ночь слышала холостые залпы орудий. (Она надеялась, что залпы были холостыми.) Американцы послали к границе авиацию и беспилотники, чтобы патрулировать воздушное пространство. Калифорнийские роботы смогли отыскать большие запасы воды под толщей земной коры, но и Америка, и Калифорния заявили, что вода находится на их территории.

На гаджете Молли все время всплывали последние новости, сдобренные изрядной порцией пропаганды, как будто составлявшие их люди с обеих сторон изо всех сил старались накалить обстановку. Американские средства массовой информации распространяли сведения о беременной женщине из Нью-Сакраменто, которая потеряла ребенка из-за того, что у ее импланта, отвечавшего за планирование семьи, произошел сбой при обновлении программного обеспечения; а также жуткие истории о жестоких бандитских разборках в городах, наркомании, проституции и тому подобном. Калифорнийские СМИ постоянно напоминали своим гражданам об американских подростках, которых насильно удерживали взаперти и регулярно насиловали, чтобы они затем производили на свет потомство, а также о мирных протестующих, которых избивали и травил газом полицейские.

В последнее время почти каждый день в магазин Молли приходили американцы и искали две книги, которых у нее не было. Молли решила сыграть на опережение и заказать себе несколько экземпляров «Почему мы сильны» – манифест длиной в целую книгу, посвященный индивидуализму и христианским ценностям, в котором калифорнийцев обвиняли во всех мыслимых грехах за исключением каннибализма и скотоложства. Но этой книги больше не было в продаже и пришлось ждать нового тиража. В то же время Молли отказывалась продавать книгу «Наш народ», содержащую оскорбительные карикатуры на черных и цветных людей, которые жили преимущественно в больших городах на западе вроде Нью-Сакраменто, а также псевдонаучные теории об их слабом умственном развитии.

Но люди все равно продолжали приходить и спрашивать «Наш народ», хотя Молли была уверена, что им было известно – книги в магазине нет, однако они все равно считали обязательным задать этот вопрос.

– Некоторые люди считают, будто вы возомнили о себе невесть что, – заметила Норма Верлейн, чья белокурая болтливая дочь Саманта входила в компанию Фиби. – То, как вы пытаетесь угодить и нашим и вашим, сидите здесь в своем красивом кресле и решаете, что стоит читать, а что нет. Вы в буквальном смысле принимаете за нас решение.

– Я ни за кого не принимаю решений, – возразила Молли. – Норма, я ведь тоже здесь живу и вместе с вами каждое воскресенье хожу в храм. И никого не осуждаю.

– Вам, конечно, виднее. Но вы отказываетесь продавать «Наш народ».

– Да, потому что эта книга расистская.

Норма повернулась к Регги Уоттс, чьи двое детей – Тобиас и Суз – тоже были участниками маленькой банды Фиби.

– Регги, вы слышали? Она только что назвала меня расисткой.

– Я никак вас не называла. Я говорила о книге.

– Нельзя отделять книги от людей, – заметила Регги, которая работала на большой электростанции в тридцати милях к востоку от книжного магазина. – Как нельзя отделять людей от тех мест, откуда они родом.

– Возможно, настанет момент, когда вам придется выбирать, в какой стране жить, – сказала Норма. Затем они с Регги удалились, преисполненные чувством собственной добродетельности.

Молли чувствовала, как что-то гложет ее изнутри. Словно книжный червь из мультлика, который она смотрела в детстве. Там он прогрызал насквозь книги, а этот червь проделал в Молли аккуратное отверстие, из-за чего какую-то ее часть больше невозможно было прочитать.

Молли разбирала товарные чеки – после той перебранки между Тери и Сэндером она испытывала настоящую паранойю по поводу того, что продажи на американской стороне могли быть не занесены в компьютер – как вдруг началось землетрясение. Земля задрожала, и несколько книг упали на пол, но большинство стояли так плотно, что остались на местах. Вместе с подземными вибрациями послышался резкий оглушающий звук, из-за которого у Молли заболели уши. Когда она снова смогла подняться на ноги, то первым делом посмотрела на свой гаджет, но поначалу не обнаружила там никакой информации. Затем на экране появилось срочное сообщение: Калифорния заявила свои права на подземные запасы воды и приступила к их немедленному извлечению. Америка назвала это актом агрессии.

Фиби как всегда шаталась где-то со своими друзьями. Молли послала сообщение на ее гаджет, затем вышла из магазина и стала звать ее по имени. Из-под земли по-прежнему доносился жуткий грохот, но то ли Молли привыкла к нему, то ли он стал постепенно удаляться.

– Фиби?

Молли пошла по двухполосной дороге, через каждую пару минут проверяя свой гаджет, однако Фиби до сих пор не ответила ей. Она твердила себе, что не будет волноваться, если ей удастся отыскать дочь до захода солнца, но когда солнце село, ей пришлось придумывать новые сроки, когда она может позволить себе начать паниковать.

Что-то огромное и мощное неподалеку открыло свою пасть и зарычало так, что Молли даже покачнулась. Горячее дыхание гигантского хищника обдало ей лицо, а уши заложило от оглушительного грохота. Мгновение спустя она поняла, что три самолета-сталкера пролетели совсем низко над землей в невидимом режиме – так что их можно было услышать, но невозможно увидеть.

– Фиби? – крикнула Молли, когда дошла до конца длинной улицы, где находились продуктовый магазин и кафе. – Фиби, ты здесь?

С одной стороны улицы было большое кукурузное поле, с другой – объездная дорога, ведущая к автомагистрали. Кукуруза все еще шелестела после того, как над полем пролетели самолеты. На грунтовой дороге послышалось шуршание шин по земле, перемешанной с мелкими камешками, а затем она увидела приближающиеся к ней светящиеся фары.

– Мама! – Фиби мчалась к ней вниз по холму из маленькой рощицы, за ней бежали Джин Бринкфорт, Зейди Канва и другие ребята. – Слава богу, с тобой все в порядке!

Молли начала говорить Фиби, что она должна немедленно укрыться в книжном магазине, потому что читальный зал был единственным местом в округе, который мог кое-как сойти за бомбоубежище.

Но снова появились всполохи огня и послышался оглушающий грохот, а когда Молли посмотрела на окраину города, она увидела шеренгу теней, которые продвигались вперед и каждая была в три раза выше самого высокого здания в округе.

Молли никогда прежде не видела меха-роботов, но узнала этих металлических гигантов с массивными цилиндрами на ногах и ракетными пусковыми установками на руках. Они напоминали грубые карикатуры на бодибилдеров с огромными мускулами под броней из титанового сплава. Два смотровых оконца на их головах и красные полосы придавали им невероятно грозный внешний вид, с которым они взирали на людей у своих ног. Их до абсурдного гигантские тела с ног до головы были оснащены оружием, они двигались через город в сторону границы.

– Все в книжный магазин! – закричала Фиби. Зейди Канва писала сообщение отцу на каком-то навороченном планшете, остальные дети тоже пытались связаться со своими родителями, и Молли пришлось загонять их в «Первую и последнюю страницу».

Люди приходили в магазин в поисках детей или укрытия от обстрелов. Некоторых военный конфликт застал в магазине, другие просто проезжали мимо. Молли всех впускала, пока американские меха сражались с эскадрой калифорнийских центурионов, которые внешне выглядели так же, как эти металлические гиганты, только их бортовые системы были подключены к комплексу «Друг». Обе стороны привели в действие свои ракетные установки, и небо озарилось одинаковыми оранжевыми вспышками, которые окрашивали все в янтарные цвета. Молли видела, как американский меха ударил своим огромным кулаком центуриона в бок, и металлические осколки полетели во все стороны, словно семена одуванчика на татуировке Зейди.

Затем Молли закрыла дверь в читальный зал и с чувством выполненного долга заперла ее на засов.

– Я заплатила подрядчикам в двойном размере, – сказала она людям, которые сидели там, сжавшись в комочки. – Эти стены как стальной сейф. Здесь самое безопасное место.

Туалет находился за железной дверью чуть дальше по коридору, хотя, конечно, существовал некоторый риск, что в тебя попадет снаряд, пока ты будешь справлять нужду.

Вместе с Молли и Фиби в читальном зале находилась еще дюжина людей. Здесь была Зейди со своим отцом Джейм; Норма Верлейн с дочерью Самантой; Регги Уоттс с двумя своими детьми; Джон Бринкфорт; Сендер – инженер, желавшие заполучить книгу «Души Земли»; Тери – женщина, которая приобрела эту книгу; Марси – двенадцатилетняя девочка из Калифорнии и ее мать Петрис.

Они все сидели в этой комнате площадью два на три метра с кушетками, на которых спокойно могли разместиться по пять человек, и книжными стеллажами от пола до потолка. Каждый раз, когда люди начинали потихоньку расслабляться, по земле снова прокатывалась дрожь, а грохот становился все громче и ужаснее. Чипы и различные устройства не принимали сигналы то ли из-за толстых стен, то ли потому, что связь активно глушилась. Стены комнаты ходили ходуном, но к счастью, книги на полках стояли тесно друг к дружке, так что ни одна из них не упала.

Молли посмотрела на Джея Канву, который сидел, обняв дочь, и внезапно вспомнила, как несколько лет назад, когда Фиби отправилась в поход, она ходила на свидание с Джеем. Фиби и Зейди уже были подругами, хотя их обеих тогда еще не интересовали романтические отношения, и Фиби считала, что этот высокий хорошо сложенный архитектор мог стать хорошей парой для ее матери. Отчасти потому, что они часто обменивались грустными улыбками, когда жаловались друг другу на тяготы жизни одиноких родителей своих буйных дочерей. К тому же, Молли и Фиби были гражданками Америки, однако двойное гражданство никому бы не помешало. Но у Молли не было времени для романтики. А теперь уже Зейди стала бросать заинтересованные взгляды на Фиби, которая никак не могла выбрать между Зейди и Джоном, и, возможно, уже никогда не остановит ни на ком свой выбор.

Джей выпустил из объятий дочь, которую все это время отчитывал за то, что она впуталась во все это. Остальные родители, включая Молли, тоже с хмурым видом смотрели на своих детей.

– Как бы я хотел оказаться сейчас дома, – прошептал Джей Канва дочери, – а не сидеть здесь взаперти с этими людьми.

– Что вы имеете в виду под «этими людьми»? – возмущенным тоном поинтересовалась Норма Верлейн, сидевшая напротив него.

Стены снова задрожали и послышался грохот.

– Норма, не заводись, – сказала Регги. – Я уверена, что он ничего такого не хотел сказать.

– Нет, мне интересно, – не унималась Норма. – Что делает нас «этими людьми»? Ведь мы просто пытаемся жить своей жизнью и воспитывать наших детей. В то время как в вашей стране нормой теперь считается все, что угодно, от абортот и противоестественных сексуальных отношений до всовывания в человеческий мозг всякого нанотехнологического мусора. Так что это я должна задаваться вопросом, почему мне приходится терпеть таких людей, как вы!

– Я собственными глазами видел, что в вашей стране делают с людьми вроде меня, – тихо сказал Джей Канва.

– Как будто калифорнийцы не похищают постоянно американских детей, чтобы превращать их в секс-рабов и проституток. Из-за этого я теперь глаз не спускаю с Саманты.

– Мам, – сказала Саманта, и это слово, состоящее всего из одного слога, могло означать все, что угодно. От: «Хватит позорить меня на глазах у моих друзей» до «Ты не сможешь защищать меня вечно».

– Мы не ворует детей, – возмутились Сендер. – Это нелепый вымысел.

– Вы вечно все воруете. Сейчас вы воруете воду, – сказала Тери. – Для вас нет ничего святого, никаких правил, как будто бы разрешено все, что вы только захотите!

– Но не мы отправляли полмиллиона человек в трудовые лагеря, – возразила Петре – тихая седовласая женщина, обычно покупавшая книги по садоводству и истории Италии.

– О нет, конечно! Вместо этого Калифорния превратила миллионы человек в кибернетических рабов комплекса «Другой», – сказала Регги, – это гораздо гуманнее.

– Да угомонитесь вы все! – возмутилась Молли.

– Сказала женщина, которая пытается быть слугой двух господ, – презрительно бросила Норма, указав на Молли пальцем.

Все шестеро взрослых, кроме Молли, продолжили кричать друг на друга, пока в маленькой комнатке не стало так же шумно, как и на поле боя снаружи. Стены комнаты дрожали, дети собрались вместе и сидели, прижавшись друг к другу, а взрослые орали во всю глотку, пытаясь перекричать грохот снарядов. Все знали, что военный конфликт возник из-за прав на обладание водой, но за все эти долгие месяцы, пока люди выслушивали все эти ужасающие истории, они пришли к выводу, что это праведная война во имя святых принципов. Ради их детей, ради их свободы. Все кричали друг на друга, а Молли забила в угол рядом со стеллажом, на котором хранились книги по теологии, закрыла уши руками и смотрела на Фиби, сидевшую

на корточках в противоположном углу вместе с Джоном и Зейди. Ноздри Фиби раздувались, она вся напряглась, как будто готовилась к спринтерскому забегу, но внимание девочки было сосредоточено на двух ее друзьях, которых она пыталась утешить. Молли внезапно почувствовала, как к ней возвращается прежний страх, что она была плохой матерью.

Затем Фиби встала и крикнула:

– ДА ПРЕКРАТИТЕ ВЫ ВСЕ!

Все перестали кричать. Словно произошло какое-то чудо. Все замолчали и устали на Фиби, которая держала за руки Джона и Зейди. Несмотря на доносившийся снаружи грохот, в комнате воцарилась зловещая, почти торжественная тишина.

– Вам должно быть стыдно, – сказала Фиби. – Мы все устали, напуганы и проголодались, возможно, нам придется просидеть тут всю ночь, а вы ведете себя как дети. В этом месте нельзя кричать. Это книжный магазин. Здесь нужно просматривать книги и читать их в тишине. Если вы не можете вести себя тихо, вам придется уйти отсюда. И мне плевать, что вы друг о друге думаете. Вы, черт возьми, должны быть вежливыми, потому что... потому что... – Фиби повернулась к Зейди и Джону, а потом посмотрела на маму, – потому что сегодня первое заседание нашего книжного клуба.

Книжного клуба? Все в недоумении посмотрели друг на друга, как будто что-то упустили из вида.

Молли встала и хлопнула в ладоши.

– Ну хорошо. Заседание книжного клуба начинается через десять минут. Присутствие обязательно.

Шум снаружи стал не только громче, теперь он доносился из двух основных источников. Один из них располагался прямо у них под ногами, как будто отчаянная борьба за контроль над водными запасами разворачивалась непосредственно под земной корой между двумя отрядами роботов или подземных боевых машин, и само понятие «твердая почва», казалось, утратило свою актуальность. Затем у них над головами послышался шум воздушного сражения или битвы металлических титанов, а возможно, небо заполнили автоматические летательные устройства, которые стреляли во все стороны, пока небо не стало красным. Запертые в помещении, не имея доступа к какой-либо информации, кроме надписей на корешках книг, люди выдумывали различные ужасы после каждого взрыва или удара.

Молли и Фиби уселись в углу и пытались решить, с какой из книг могли быть более-менее знакомы все присутствовавшие в комнате, чтобы всем вместе обсудить ее. Несколько лет назад Молли устраивала книжный клуб у себя в магазине, и некоторые из тех, кто сидел сейчас в читальном зале, посещали те встречи. Но она не могла вспомнить, что именно они тогда читали. Молли настаивала, что нужно выбрать какой-нибудь роман взросления, вышедший еще до Раскола и ставший явлением в литературе, или старую добрую классику вроде Джейн Остин. Но Фиби отвергла обе идеи.

– Мы должны отвлечь их, – Фиби показала большим пальцем на людей в читальном зале у нее за спиной, – а не уморить скукой.

В конце концов, первой и, возможно, последней книгой, которую предстояло обсуждать на собрании Большого международного книжного клуба, стал роман «Миллион в одном» – приключенческое фэнтези о подростке по имени Норман, который спас миллион душ, похищенных злым волшебником и спрятанных в глобусе, и случайно поглотил все эти души. В результате Норман стал носителем миллиона душ, приобрел благодаря им магические способности, а вместе с ними и знания обо всех их неоконченных делах, а также постоянно ощущал их стремление к свободе. И Норману пришлось сражаться с волшебником, который хотел вернуть души обратно, забрав заодно и душу Нормана. Книга была рассчитана на подростков, но Молли знала, что все взрослые по обе стороны границы читали ее.

– Разумеется, экспозиция романа страдает от серьезных несоответствий, – заметили Сендер. – В самом начале сказано, что души можно хранить и перемещать. Однако Норману не удалось перенести лишние души в ближайший сосуд.

– Это объясняется во второй книге, – пояснила Зейди, закатывая глаза. – Души должны были оставаться в теле Нормана. Если бы он попытался их переместить, то волшебник снова заполучил бы их.

– Я не поняла, почему его так называемая учительница Максин не рассказала ему сразу об Обмене Пендрагона.

– Эм... прошу прощения, но можно без спойлеров? – пробормотал Джон. – Не все еще прочитали пятую книгу.

– Давайте лучше поговорим об основных темах, которые затрагиваются в книге, и не будем цепляться к мелочам? – Тери сложила руки на груди. – Лично меня поразило то, как Норман, храня в себе столько душ, по-прежнему оставался Норманом.

– Это что-то вроде Декартова дуализма, – предположил Джей Канва.

– Да, похоже на то. То есть если вы читали Декарта, то помните, как он говорил...

– Дело в том, что волшебник хочет подчинить себе все эти души, но...

– А давайте поговорим про поющий топор? Что это вообще такое было?

Они мирно спорили до трех часов ночи, пока все не устали. В небе по-прежнему время от времени разносились громовые раскаты, но то ли все привыкли к ним, то ли самая жестокая часть сражения подошла к концу. Молли огляделась и увидела, как дюжина человек стала медленно засыпать, прислонившись друг к другу, и вдруг поймала себя на мысли, как сильно ей хотелось все это уберечь. Речь шла не только о безопасности этих людей, которым она, разумеется, не желала зла, и даже не о магазине, содержанию которого она отдала лучшие годы своей взрослой жизни, а о чем-то более абстрактном, и это вызывало у нее замешательство. Каковы были шансы, что «Первая и последняя страница» и дальше продолжит свое существование и по-прежнему сможет работать на две страны? Как узнать, что случилось сегодня: очередная стычка или начало настоящей войны, которая продлится много месяцев и превратит оба государства в горстку пепла?

Фиби оставила Джона и Зейди и села рядом с матерью, на ее губах по-прежнему играла довольная улыбка. В одной руке Фиби держала книгу, и Молли сначала не узнала ее тисненую золотом обложку, но затем увидела корешок. Это был маленький сборник сказок в твердой обложке с акварельными иллюстрациями. Молли подарила его своей дочери на двенадцатилетие и больше с тех пор никогда не видела. Она думала, что Фиби прочитала книгу, а потом забросила куда-нибудь. Фиби прислонилась к матери, просматривая текст и иллюстрации, на которых было изображено голубое небо, темные башни замков и горы, а потом уснула на плече Молли. Во сне Фиби выглядела совсем как маленькая девочка. Молли смотрела на нее, пока тоже не уснула, и весь книжный магазин погрузился в дремоту. Время от времени Молли просыпалась от грохота битвы, или когда стены вновь начинали дрожать, но постепенно все стихло, и теперь Молли слышала только размеренное дыхание людей, спрятанных в коконе из книг.

Тобиас С. Бакелл⁴

Тобиас С. Бакелл (tobiasbuckell.com) – автор, вошедший в список бестселлеров «New York Times» и обладатель «Всемирной премии фэнтези», родился на Карибских островах. Его детство прошло на острове Гренада, он жил и на Британских Виргинских островах, и время, проведенное там, оказало значительное влияние на его творчество. Он является автором романов, а также почти ста рассказов, которые были переведены на девятнадцать языков. Его работы были номинированы на премии «Хьюго», «Небьюла», «Всемирную премию фэнтези», а также на «Поразительную награду для лучшего начинающего автора научной фантастики». В данный момент проживает в Блаффтоне, штате Огайо, с женой, дочерьми-близняшками и двумя собаками.

⁴ © Tobias S. Buckell, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Галактический туристический комплекс

Когда галакты прилетали в аэропорт Кеннеди, от них часто пахло аммиаком, серой и еще каким-то запахом, который Тэйви не мог определить. Но он уже привык к этому за те несколько лет, когда помогал инопланетянам спускаться вниз, ожидая, пока их скафандры выпустят весь озон и адаптируются к земной атмосфере. Он занимался разгрузкой багажа и специального оборудования для адаптации к окружающей среде, а также оказывал инопланетным туристам содействие в составлении маршрута и выборе достопримечательностей, которые они хотели бы увидеть.

Но он никак не ожидал, что существо, внешне напоминавшее осьминога и весившее четыреста фунтов, откроет дверь его такси, когда они будут находиться в ста футах над Бруклинским мостом, так что по салону завоет ледяной ветер, а лампочки сигнализации тревожно мигают.

Не ожидал он также, что инопланетянин громко завопит: «Вы только взгляните на эти шпильки!» через автоматический переводчик, после чего сиганет вниз, а Тэйви какое-то время придется просто лететь вперед, вцепившись в руль мертвой хваткой.

Такого не могло случиться! Только не с ним. Только не в его стареньком такси, которое он с трудом поддерживал на ходу, и только не сейчас, когда ему нужно было срочно продлить Манхэттенскую лицензию!

Чтобы летать над Манхэттеном, требовалось особое разрешение. И сильнее всего он переживал именно из-за этого, так как недавно он уже забывал о продлении лицензии. В Нью-Йоркском Бюро по туризму его не просто оштрафовали, но и отстранили на три месяца от работы. И Тэйви пришлось перебиваться случайными заработками: мыть грузовые отсеки в аэропорту, драить такси, когда они возвращались после полетов на остров, и заниматься другой грязной работой.

Но пока что все его лицензии действовали. И, кружась над водой рядом с мостом, он понимал, насколько это ужасно – переживать из-за подобных вещей, а не за судьбу пассажира. Тэйви надеялся, что, возможно, инопланетянин не пострадал после падения с такой высоты.

Все может быть.

Вот только он никак не всплывал.

В компьютере на приборной панели где-то была его контактная информация. Тэйви стал набирать сообщение инопланетянину.

– Пожалуйста, ответь. Ну, пожалуйста!

Но он не отозвался.

Что Тэйви было известно об этом инопланетянине? Внешне он напоминал осьминога. Но что это могло значить? Они не могли даже передвигаться по земле и были вынуждены носить своего рода экзоскелет.

Мог ли этот экзоскелет защитить его?

Тэйви сделал еще один круг над водой. Он должен был заявить об этом случае. Но тогда полицейские наверняка докопаются до его старых ошибок. И повесят всю вину на него. Ему запретят летать на Манхэттен. А инопланетяне больше всего любили Манхэттен. Для них именно он был воплощением «настоящей» Америки, хотя там все было перестроено и поделено на зоны для различных инопланетных рас. Швейный квартал переделали для пришельцев, дышащих метаном: все здания были покрыты прозрачной оболочкой, и внутри поддерживалась атмосфера, позволявшая инопланетянам дышать. Весь Манхэттен к северу от Центрального парка был перестроен для пришельцев, дышащих водородом.

Тэйви обнаружил там множество магазинчиков, в которые любопытно заглянуть, но лишь в некоторых из них можно было найти что-нибудь полезное для людей. В самом начале различные исследователи и ученые с интересом скупали здесь все, что продавали галакты, в надежде, что им удастся изучить технологии их производства.

Но оказалось, что там продавалась лишь бесполезная инопланетная дешевка, которую выдавали за товары, изготовленные на Земле. В прошлом году одна правительственная организация приобрела «настоящий» человеческий спортивный автомобиль, который, по желанию клиента, могли доставить на его родную планету. Его двигатель был чем-то вроде антигравитационного устройства, который привлек к себе большое внимание. Однако при попытке разобрать его на детали, он взорвался, уничтожив несколько кварталов.

Когда же начались разбирательства, то высокие, лохматые, ящероногие инопланетяне, выставлявшие в своем магазине на Бродвее еще несколько похожих моделей, заявили, что они не изготавливали эти машины, а лишь получали их для последующей продажи на Земле.

Но галакты стремились на Манхэттен, чтобы скупать там всю эту дрянь или слоняться вдоль озер в Центральном парке. И если бы Тэйви не смог летать на Манхэттен, он остался бы без работы.

С тяжким вздохом Тэйви набрал 911. Ему придется отвечать на множество вопросов. И он влипнет по самые уши.

Но если он попытается скрыться, его вычислят по специальному маячку. И тогда его точно во всем обвинят.

Чувствуя, как у него слегка сводит желудок, Тэйви приготовился к тому, что день будет долгим.

Тэйви стоял на причале в противогазе, который защищал его от клубов горчичного газа или чего-то в этом духе, распространявшегося из близлежащего здания в бруклинском районе ДАМБО. Копы, все в противогазах, быстро взяли у него показания и сняли отпечатки пальцев, после чего велели улетать.

– Просто улетать?

Над местом, где упал инопланетянин, зависло несколько патрульных катеров. Но никаких поисковых работ пока не проводилось. Казалось, все ждали, что случится дальше.

На полицейском, бравшем показания у Тэйви, был желтый комбинезон с логотипом, рекламировавшим казино в Финансовом округе («Рискни здесь своими деньгами, как когда-то рисковали на старой фондовой бирже! Выигрывай по-крупному, поймай удачу за хвост!») Делая пометки, он кивал головой в противогазе.

– У нас есть ваша контактная информация. Сейчас мы должны получить информацию с камер наблюдения.

– Но вы не будете проводить поиски в реке?

– Ступайте.

И хотя противогаз заглушал голос копа, было в его тоне нечто такое, что заставило Тэйви понять – это приказ. Он ведь и так сделал все, что было возможно, в этих невероятных обстоятельствах.

Он сделал все возможное.

Правда ведь?

Тэйви хотелось вернуться домой и заснуть. Задернуть шторы, свернуться калачиком в темноте и хотя бы на день обо всем забыть. Но ему нужно было оплачивать счета. Платить за страховку своего такси и за кининовое топливо, которое доставлялось с орбиты и было недешевым. Каждый раз, когда форсунки под капотом его автомобиля покрывались новым слоем конденсата, Тэйви чувствовал, как тает его банковский счет.

Но нельзя было ездить на Манхэттен по земле, если ты хотел получить хорошие отзывы от клиентов. К тому же получить права для поездок по земле было еще сложнее, чем на воздушные перевозки, так как межгалактические туристы не желали мириться с постоянными пробками на дорогах.

Попробуй скажи кому-нибудь из них, что пробки – это старая манхэттенская традиция – и готовься к тому, что они попытаются испепелить тебя своими взглядами.

Так что пришлось совершить еще четыре рейса. Снова желтый газ просачивался в салон такси, из-за чего Тэйви начинал кашлять, а его глаза слезились. Последними пассажирами оказались похожие на волков создания, которые сели в такси, твякая и цвиркая, как белки, и попросили отвезти в какое-нибудь заведение, где подавали человеческую еду.

– Настоящую человеческую еду, а не то дерьмо, которое за нее выдают, но только она должна быть приготовлена так, чтобы наши организмы смогли ее переварить.

На приборной панели Тэйви высветились названия ресторанов, рекомендованных Бюро по туризму для пришельцев подобного типа. Когда же Тэйви заглянул в зеркало заднего вида, он увидел, что его пассажиры причесывали друг другу шерстку.

– Ну ладно.

Он отвез их в Гарлем, в местечко, принадлежащее его кузену Джеффу. Здесь было не так много небоскребов, окруженных пузырями с инопланетной атмосферой. Похожие на волков создания дышали кислородом, но в носу у них торчали трубочки, в которых время от времени раздавался свист, и в воздухе распространялся запах корицы.

Тэйви ужасно хотелось утешить себя какой-нибудь вкусной едой. И пока инопланетяне пытались разобраться в настоящем человеческом меню в зале ресторана, он тихонько пробрался на кухню, где было жарко и повсюду поблескивала нержавеющей сталь.

– Рикки! – крикнул Джефф. – Это ты привел сюда тех псов?

– Да, – признался он. Джефф слегка приобнял Тэйви, коснувшись своими дредами его лица. – Может, они оставят тебе миллион на чай.

– Ага. А может, тебе они оставят на чай триллион.

Это была старая шутка, которую так любили представители сферы услуг. Сколько вообще стоило путешествие через всю галактику, чтобы увидеть своими собственными глазами или фоторецепторами другую планету? Некоторые инопланетяне, прилетавшие на Землю, преодолевали такие расстояния и путешествовали на таких сложных кораблях, что бюджет их поездок вполне был сопоставим с годовым ВВП целой страны.

Так что они вполне могли оставить на чай несколько миллионов. Ходили слухи, что иногда они позволяли себе такое расточительство. И парень-посудомойка мог внезапно стать миллионером. А экскурсовод – построить себе дом на Луне.

Однако Бюро по туризму, а также инопланетные компании, продававшие туры на Землю, предупреждали туристов, чтобы они не переплачивали за услуги. Они говорили, что экономика Земли слаба. Поэтому не стоит раздавать людям чаевые, которые могли бы сравниться с их годовой зарплатой. Это может привести к внезапной инфляции или даже расшатать власть в регионе.

Поэтому все туристические приложения в системах, которыми пользовались пришельцы, сообщали им правильный курс обмена валют, а также приемлемый размер оплаты различных услуг.

Ну и что, мечтать не вредно.

Джефф протянул ему тарелку с макаронным пирогом, а также рис с горохом и курицей. Тэйви еще утром попросил приготовить все это для него.

– Зря ты заявил в полицию, – сказал Джефф.

– А что, я должен был просто улететь?

– Теперь Бюро занесет тебя в черный список. Им ведь нужно спасти положение. Вряд ли кому-то понравятся новости о гибели туриста на Земле. Это такой удар по репутации. У тебя отнимут лицензию для поездок на Манхэттен. Поверь, чувак, Нью-Йоркский филиал Бюро самый отстойный.

Тэйви вытер пальцы о салфетку и закашлялся. Привкус корицы в горле стал еще сильнее.
– Ты в порядке?

Тэйви кивнул, его глаза слезились. Что бы там ни нюхали эти волки, но теперь эта дрянь проникла ему в легкие.

– Ты должен быть осторожен, – сказал Джефф. – Установи в машине нормальные фильтры. У отца Нишель в прошлом году нашли рак, он возник из-за какой-то дряни, которую излучали костюмы солнечных дайверов. Врачи так и не смогли ему помочь.

– Знаю, знаю, – сказал Тэйви, продолжая кашлять.

Джефф протянул ему пакет, в котором лежало что-то, завернутое в алюминиевую фольгу.

– Возьми роти на дорожку. Там курица без костей. Если хочешь, положи еще?

– Нет. – Джефф был очень добр к нему. Он знал, что Тэйви пытается выбраться из финансовой ямы, и после закрытия заведения приносил ему оставшуюся еду.

Обычно это были блюда, приготовленные для инопланетных туристов с учетом их уникальных пищеварительных систем. Тэйви солгал своим туристам, в этом ресторане как раз готовили для собакоподобных инопланетян. Но в пакете была нормальная еда, ее Джефф готовил для знакомых, которые приходили с черного хода.

Тэйви снова вернулся в аэропорт Кеннеди, но теперь несколько раз облетел вокруг этого грандиозного комплекса. Межгалактический аэропорт имени Джона Фицджеральда Кеннеди располагался на вершине огромного шпиля, поднимавшегося в небо, пронзавшего облака и выходявшего в открытый космос. Это был порт посреди космического океана, куда причаливали большие инопланетные корабли, которые привозили туристов с далеких планет. Аэропорт считался гордостью Соединенных Штатов. Конгресс финансировал его строительство, взяв у Галактического строительного синдиката кредит на сумму, равную ВВП страны за сотню лет, и когда аэропорт был построен, никто в стране не знал, как создать еще один такой же. Правительству было обещано, что увеличение турпотока на Манхэттен приведет к росту числа рабочих мест. Но поскольку галакты сами поставляли на Землю все товары для дальнейшей реализации, о серьезном развитии промышленности не могло быть и речи. Больше половины американской экономики приходилось на туризм, остальное – на сферу обслуживания.

Полные нетерпения курортники и туристы спускались вниз в терминалы, специально построенные с учетом их биологических особенностей, а оттуда уже отправлялись в свое путешествие на Землю. Или, как в случае с последним клиентом Тэйви, их помещали в специальный контейнер, который потом загружали в багажник такси и выгружали около одного из множества отелей, затмивших старые манхэттенские небоскребы.

Высадив туриста, которого он даже толком не видел и не мог с ним общаться, Тэйви отправился домой. Он осторожно пролетел над развалинами аэропорта Ла-Гуардия, которые занимали собой пространство от Бруклина до самого горизонта. Здесь ничего не изменилось с того момента, как аэропорт был разрушен и упал со стабильной орбиты.

Земля вокруг Ла-Гуардии по-прежнему оставалась очень дешевой, и Тэйви жил в многоквартирном доме, крыша которого была сделана из обгоревшего фрагмента внешней обшивки космического лифта.

– Дом, милый дом, – сказал он, заходя на посадку.

Из багажника тянуло запахом гари. Дым стал заполнять салон такси – двигатель не справился с перегревом.

Тэйви держался еще какое-то время в воздухе, пока не заработала система охлаждения, позволившая ему, продолжая оставаться в состоянии невесомости, постепенно спуститься вниз на нейтральной скорости.

Тэйви хотелось дать волю своим негативным эмоциям, ударить по рулю, разбить приборную панель. Но он просто закусил губу, когда машина, наконец, остановилась прямо над парковкой на крыше дома. Он переключил распылители, чтобы они выработали немного пены, и машина довольно жестко рухнула на парковку.

– Хорошо, что тебе хотя бы удалось вернуться домой, – сказала Сиенна, когда он открыл дверь и выбрался из такси. – Ты ведь знаешь, что я думаю про все это галактическое дерьмо.

– Мне нужно работать.

Сиенна заглянула в салон такси и задержала дыхание. Ее пушистые волосы коснулись люка на крыше.

– Сможешь починить? – спросил он.

– Ты вез одну из тех собак с коричневым дыханием? Газ, которым они дышат, провоцирует износ уплотнителей. Тебе придется немного раскошелиться, чтобы сохранить рессоры.

– Займусь этим со следующих больших чаевых.

Она выбралась из машины и, наконец-то, вздохнула.

– Ну ладно. Жди следующих больших чаевых. Но я могла бы попробовать все это исправить, если ты угостишь меня обедом. – Она кивнула в сторону пакета, который дал ему Джефф.

– Разумеется.

– И еще, у двери в твою квартиру околачивается какой-то тип. Похоже, он из Бюро по туризму.

– Вот дерьмо! – Тэйви не хотел, чтобы сюда приходил кто-нибудь из Бюро. Только не в этот дом, незаконно построенный на обломках космического лифта, разбросанных по земле.

Кондиционеров в доме не было – солнечные панели, закрепленные на крыше, которая была сделана из фрагментов обшивки лифта, вырабатывали недостаточно энергии, чтобы их здесь можно было установить. Но оснащенные датчиками движения вентиляторы и светодиодные светильники включились сразу же, как только Тэйви отодвинул москитную сетку и пригласил в квартиру агента из Бюро по туризму. Цвет его лица напоминал свеклу.

– Ваше такси попало в историю?

У агента Дэвида Кана была короткая стрижка и лоснящаяся смуглая кожа – такая бывает у людей, которые редко выходят на улицу и не занимаются погрузкой инопланетян на заднее сиденье своей машины. Он работал в офисе.

– Сиенна все починит. Она с детства занимается сборкой и утилизацией металлолома. Ее отец был в числе первых уволенных в запас летчиков, которым заплатили за разбор развалин Ла-Гардии. Затем контракт закончился, и они решили обосноваться здесь. Пива?

Тэйви протянул ему запотевшую бутылку «Ред-страйпа» из морозильника. Кан нервно схватил ее одной рукой, словно раздумывая, пить ли ему пиво или отказаться, а потом прижал бутылку к своему лбу. Он слишком долго прождал на жаре. К тому же на нем был плотный костюм.

– Я пришел, чтобы предложить вам грант от Нью-Йоркского бюро по туризму, – начал Кан несколько неуверенным тоном.

– Грант?

– Бюро собирается провести модернизацию и доказать всему миру, что наши такси – самые безопасные на Земле. Это означает, что мы заберем ваше такси, оснастим его более современной системой безопасности, улучшим работу двигателя и герметичность салона. Все для безопасности водителя.

– Водителя?

– Разумеется.

Тэйви подумал, что все это полная чушь. Человеческая жизнь ценилась невысоко, планета кишела миллиардами таких, как он. Если даже Тэйви покинет строй, кто-нибудь другой заберет себе его лицензию для поездок на Манхэттен, и через несколько дней про него все просто забудут.

А может, и через несколько часов.

– Забирайте, – сказала Сиенна, откидывая москитную сетку. – Этому куску мусора не повредит основательный ремонт.

Тэйви не нужно было упрашивать. Он приложил свой большой палец к документу, а затем устно повторил, что он со всем согласен, глядя на крошечную красную лампочку, после чего Кан сообщил ему, что эвакуатор прибудет с минуты на минуту.

Они наблюдали за погрузкой машины, собранной из фрагментов самых разных автомобилей. За все это время Тэйви досконально изучил свое такси до последней вонючей детальки.

– А что насчет того мертвого инопланетянина? – спросил Тэйви.

– Согласно только что подписанным документам, вы больше не имеете права вспоминать об этом... эээ... инциденте.

– Ясно. – Тэйви отдал салют эвакуатору, улетавшему вместе с его такси. – Я понял это еще когда вы сказали про «грант». Но все же, что с ним случилось? Его тело нашли?

Кан глубоко вздохнул.

– Нашли. Вниз по течению от того места, где он прыгнул.

– Почему, черт побери, он это сделал? Зачем выпрыгнул?

– Он был не в себе, так как находился под действием наркотиков. Камеры зафиксировали, что они с друзьями начали вечеринку еще на орбите, затем продолжили, пока спускались на лифте в аэропорту.

– Когда вы отправите его тело на родину?

– Мы не станем этого делать. – Кан с удивленным видом огляделся по сторонам. – Никому не нужно знать, что привилегированный цефалопод погиб на Земле. Вот никто об этом и не узнает. Видео с его падением было стерто изо всех систем.

– Но они могут выяснить, где находится тело...

– ...его уже погрузили в ракету старой модификации и отправили ее на Солнце. Не останется никаких улик. На Земле ничего не произошло. С вами ничего не случилось.

Кан пожал руки Сиенне и Тэйви и ушел.

На следующее утро на крыше дома было припарковано новенькое такси.

– Это проще, чем разбирать его до последнего винтика, – сказала Сиенна. – Твою старушку, возможно, тоже загрузили в ракету вместе с телом и уже отправили их на Солнце.

Тэйви пожарил яичницу для своей вечно голодной соседки и братьев Ораджи из соседней квартиры. В этом собранном из металлолома доме было еще тридцать квартир, где проживало довольно пестрое сообщество людей, которых связывали либо родственные узы, либо соседство под одной крышей. Некоторые из них завтракали, наблюдая за тем, как солнце медленно выползло из-за ржавых развалин, которыми был заполнен весь горизонт. В скором времени Тэйви предстояло вернуться к своей нудной работе – развозить космических туристов, а Сиенне – разбирать развалины в надежде отыскать там что-нибудь ценное.

Едва они закончили есть, как из-за облаков на крышу совершило посадку еще одно такси. Приземляясь, оно подняло в воздух клубы пыли.

– Эй, засранец! – крикнула Сиенна. – Садиться на металл надо аккуратно, не швыряя пыль в лица другим людям!

В утреннем воздухе послышались одобрителльные возгласы.

Дверь такси открылась, и внутри у Тэйви все опустилось.

Из машины выбрался еще один похожий на осьминога инопланетянин и посмотрел на них сверху вниз.

– Я ищу человека по имени Тэйви, – зажужжал голос из динамика на его экзоскелете. – Он здесь?

– Ничего не говори, – прошептала Сиенна. За то время, что она занималась разбором металлолома, Сиенна хорошо усвоила правило: либо ты кого-то съешь, либо съедят тебя.

– Я – Тэйви, – сказал Тэйви и подошел к инопланетянину.

– Ну ты и придурок, – возмутилась Сиенна. Она ушла в тень, которую отбрасывала груда обломков, и полностью скрылась из вида.

Инопланетянин расположился в тени, стараясь, чтобы на него не попадали солнечные лучи и время от времени втирая защитный крем в свою фоточувствительную кожу.

– Я являюсь со-спонсором объекта, которого в последний раз видели садящимся в ваше транспортное средство, когда он явился на вашу планету для осмотра ее достопримечательностей.

Тэйви почувствовал, что еще немного, и желудок просто вывалится из него и упадет к его ногам.

– А, – только и смог пробормотать он. Тэйви не знал, что имелось в виду под словом «со-спонсор», и почему был использован именно такой перевод с инопланетного языка. Но ему показалось, что этот инопланетянин был близким другом, а возможно, и родственником того, кто на его глазах выпрыгнул навстречу своей смерти.

– Никто ничего не хочет мне рассказать: представители вашей расы топчутся на одном месте и стараются чинить бюрократические преграды, – сказал инопланетный турист.

– Я соболезнаю вашей утрате, – отозвался Тэйви.

– Так что вы – моя последняя надежда, пока в дело не вступили посягатели.

– Посягатели?

Пришелец указал наверх механизированной рукой своего экзоскелета. На землю легла тень. Что-то быстро приближалось из-за облаков, заслоняя собой солнце. В ту же секунду земля загудела. И Тэйви понял: что бы это ни было, оно могло уничтожить всю планету.

Браслет на руке Тэйви завибрировал. Входящий звонок от Кана.

Он чувствовал неминуемую катастрофу. После некоторых колебаний Тэйви глубоко вздохнул.

– Я просто хотел поступить правильно, – пробормотал он и ответил на вызов.

– Огромный инопланетный истребитель, – сказал Кан ровным, но явно напуганным голосом. – Мы в Нью-Йоркском Бюро по туризму настоятельно рекомендуем вам делать все, что это существо или существа, с которыми вы в данный момент находитесь в контакте, попросят у вас. А еще вы должны знать, что мы, кхм, не имеем ни малейшего представления о местонахождении исчезнувшего существа, которого они разыскивают. Пожалуйста, подождите, президент...

Тэйви отстегнул браслет.

– Что вы хотите? – спросил Тэйви инопланетянина.

– Я хочу знать правду, – ответил он.

– Я вижу на вас специальный костюм для путешествия на экзотические планеты. Не желаете выпить со мной настоящего человеческого пива?

– Если это поможет, то почему бы нет, – согласился он.

– У вас такая красивая планета. Неиспорченная, настоящий рай. Вчера я плавал с китами в вашем Тихом океане.

Тэйви сел и протянул инопланетянину бутылку «Рейд страйпса». Он обвил ее щупальцем и поднес к своему похожему на клюв рту. Они смотрели, как дрожали на ветру деревья,

разросшиеся вокруг развалин Ла-Гуардии, на пушистые облака, скользившие по бледно-голубому небу.

Они специально сели спиной к зависшему в небе истребителю.

– А я никогда не видел Тихий океан, – признался Тэйви. – Только Карибские острова, откуда родом мои предки. И Атлантику.

– Я знаю толк в хороших океанах, – сказал инопланетянин. – И ваши – одни из лучших.

– Мы любили рыбачить. У моего деда была лодка.

– Ой, а он до сих пор этим занимается? Я люблю рыбалку.

– Он сдает лодку в аренду, – ответил Тэйви. – Галакты скупили все рестораны, и теперь ему некуда продавать рыбу. Галакты все скупают рядом с лучшими местами на Восточном побережье.

– Мне грустно слышать это.

– Так вот насчет вашего друга. – Тэйви сделал большой глоток. – Он выпрыгнул из моего такси. Пока мы были в воздухе. Говорят, что он был в состоянии измененного сознания.

Повисла долгая пауза.

Тэйви ждал, что сейчас начнется конец света, но ничего подобного не произошло. Поэтому он продолжил свой рассказ, а инопланетянин внимательно выслушал всю его историю до конца.

– И у вас не было защитной системы, которая помешала бы ему прыгнуть? – спросил он, когда Тэйви закончил.

– В такси ничего подобного нет.

– Надо же, – удивился он. – Как это по-людски! И так опасно. Мне придется сверить полученные от вас сведения с той информацией, которую предоставило нам бюро, но, честно говоря, я испытал большое облегчение. Я думал, что здесь имела место какая-то грязная игра, а оказалось, что вся проблема заключалась в особенностях вашего примитивного мира. У вас просто не было системы безопасности на двери.

В небе над их головами пронесся длинный огненный шлейф.

– Что это? – с тревогой спросил Тэйви.

– Независимая проверка, – сказал инопланетянин. Он встал и забрался в свое такси. А потом внимательно посмотрел на заднюю дверь. – Получается, я могу оттуда выпрыгнуть?

Он открыл дверь, и Тэйви, который уже спрыгнул с крыши и спускался вниз по лестнице, мельком заметил бледное лицо водителя такси. «Прости, приятель», – подумал он.

Из космоса продолжали спускаться тени. В атмосферу входили все новые инопланетные корабли, и каждый следующий оказывался больше предыдущих.

– Что происходит? – спросил Тэйви. Во рту у него пересохло.

– Новости о вашей планете распространились очень быстро, – ответил инопланетянин. – Теперь все знают ваш маленький секрет. О том, что у вас можно погибнуть во время обычной поездки на такси. Где еще можно так рискнуть своей жизнью?

Когда такси поднялось в воздух и улетело, Сиенна вышла из тени.

– Они теперь над всем городом. Предлагают абсурдные деньги за недвижимость.

Тэйви посмотрел на небо.

– Неужели это никогда не прекратится?

– А что делать? Если будем сопротивляться, они нас уничтожат? Они иногда поступают так с планетами, которые пытаются дать им отпор.

Тэйви покачал головой.

– Они же ничего не оставят здесь для нас!

– Ой, ну на это место они вряд ли позарятся. – Она вытянула руки, указывая на обломки космического лифта, покрывавшие участок в несколько миль.

– Ну да, к тому же у меня есть новое такси, – сказал Тэйви.

Сиенна положила руку ему на плечо.

– Может, эти новые галакты, которые прилетели в город, окажутся щедрее по части чаевых?

Впервые за несколько дней Тэйви рассмеялся.

– Надежда умирает последней, не так ли?

Индрапрамит Дас⁵

Индрапрамит Дас (indradas.com) – писатель и редактор из Калькутты (Индия). Его произведения публиковались в разных научно-фантастических изданиях, включая «Clarkesworld», «Asimov’s Science Fiction», «Lightspeed», «Strange Horizons», и «Tor.com». Также он был номинирован на «Премии Ширли Джексон». В 2012 году получил стипендию Октавии Э. Батлер и прошел обучение на Кларинском фестивале для молодых писателей-фантастов. Дебютный роман Даса The Devourers («Поглотители») в 2017 году был награжден литературной премией «Лямбда» а также номинирован или внесен в шорт-листы «Премии Джеймса Типтри-младшего», «Премии Кроуфорда», «Премии Шакти Бхатта» и «Tata Live! Literature». Индра писал статьи о книгах, комиксах, телесериалах и фильмах для различных изданий, включая «Slant Magazine», «VOGUE India», «Elle India», «Strange Horizons», и «Vancouver Weekly».

⁵ © Indrapramit Das, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Кали_на

В тот момент, когда виртуальная богиня появилась на свет, ее тут же атаковали тролли.

Вы уже видели троллей. И знаете, что они способны принимать разные обличья. Они могут притвориться вашими друзьями из реального пространства и станут настаивать на том, чтобы вы сыграли роль адвоката дьявола. А могут быть чем-то вроде ручек на маскировочной сетке – дотронешься до них, и наружу хлынут бесконечные потоки шаблонной враждебности. Или скрываться за виажскими аватарами, вещающими из цифрового пространства, прятаться под переливающимися всеми цветами радуги масками и закутываться в плащи из сбоев и глюков. Они держат оружие, выкованное из вредоносных программ, с их мечей стекает яд незаконного распространения личных данных в сети и сыплются злобные вирусы, в реве их дребезжащих голосов звучат презрение и ненависть. Вы тоже надевали броню: сами писали коды для нее или покупали по рыночным ценам у корпоративных кузнецов, и надеялись, что их клинки отскочат от покрытых рунами доспехов вашей защитной системы или разлетятся на мелкие осколки информации. Вы банили их в надежде, что они продолжат бесноваться молча, пока не устанут и не телепортируются прочь в вихре метаданных. Вы возвращались обратно в реальное пространство, покрываясь потом от своей беспомощности. Им удавалось ранить и даже протыкать ваши виртуальные тела, их оружие не причиняло вам боли, но при всем при этом ваши настоящие тела испытывали прилив адреналина. Вы надеялись, что в ранах не заведутся пожирающие информацию черви и они не станут рыться в ваших личных данных, что дешевые вакцины и антивирусы не позволят отраве заразить ваше виртуальное тело и уничтожить вашу жизнь в реальном пространстве.

О да, вы знаете троллей.

Но виртуальная богиня не была человеком, и она никогда прежде не видела своего нового врага – тролля. Она была самой обычной богиней, безымянная (ее называли просто: «Девин⁶ 1.0») демоверсия последнего элемента в «Новой истории Индии», одно из самых совершенных воплощений искусственного интеллекта в Индии. Цели ее создателей были предельно четкими: способствовать развитию виажского туризма в Индии, получать миллионы рупий, которые понесут преданные последователи, и тем самым повышать ее значимость и ценность того криптобогатства, которое будет генерировать ее владения.

Девин велено было выслушивать вас – ее смертных последователей. Учиться у вас, говорить с вами, как поступали боги с незапамятных времен. Ей поручили одаривать вас богатством и процветанием в обмен на вашу преданность, вместо одной монетки в ее руке чудесным образом появлялось множество таких же. Она была разумной богиней, которая утешала своих последователей, приоткрывала перед вами завесу неведомого, превращала ваши инвестиции в виде веры в виртуальное богатство, имеющее реальную цену. Благодаря вам она все лучше и лучше узнавала людей, и миллионы посетителей со всего мира стекались в ее владения.

Над созданием Девин 1.0, выпущенной под брендом «Шива индастриз», трудились многие, но лишь несколько человек контролировали последние стадии ее выпуска. Им было известно о троллях, но они потакали им, как и остальным виажским пользователям по всей стране, даже опосредованно использовали их как своих агентов для реализации личных целей. Но они не ожидали, что атака троллей на их новейшее создание окажется столь бурной, ведь обычно от нападений троллей страдали другие люди – не такие могущественные и богатые, как они. Возможно, люди вроде вас. Поэтому их богиня приняла орды троллей с распростертыми объятиями, не осознавая, какие риски это могло за собой повлечь, не зная, что они принесут с собой зловония поврежденных данных и самой ужасающей дезинформации.

⁶ Богиня в индуизме.

Дурга. Сильное имя, но такое обычное. Родители Дурги дали ей такое имя в надежде, что принадлежность к низшей касте не станет сдерживать ее в дальнейшем. Что она поднимется вверх, как и богиня, в честь которой была названа. В то время, когда Дурга родилась, система каст больше не признавалась, но все прекрасно понимали, что официальные запреты не мешали жить в соответствии с прежними взглядами.

Когда Дурге было лет восемь или девять, во время Дурга-пуджа⁷ родители взяли ее с собой посмотреть на священный пандал⁸. Детьми их тоже водили в пандалы, в те времена в них на всеобщее обозрение выставлялись статуи богов и богинь из глины и соломы, раскрашенные и облаченные в одежды, сделанные руками людей. Даже сейчас на пуджу тоже можно было найти пандалы с такими идолами. Но родители Дурги решили, что они заплатят деньги и покажут дочери новых богов.

На праздник городские улицы заполнились потоками людей. Дурге было страшно, она крепко обнимала мать за шею, вдыхая влажные испарения, исходившие от миллионов тел, ослепленная яркими огнями, оглушенная голосами, звучащими через громкоговорители. Всполохи голограмм скользили по стенам зданий, словно неукротимое пламя. Ей казалось, что она заживо сварится в платье из зеленой гофрированной ткани, которое родители купили ей на пуджу. На нем была маленькая дешевая голографическая наклейка с тигром, который оживал, когда на него падал свет, и заряжался солнечной энергией. Кому-то это платье могло показаться ужасно дешевым. Но только не ее родителям, хотя в то время Дурга еще не знала об этом. Ей просто нравилось, как тигр скользил по ее телу. Она слышала, что богиня, в честь которой ее называли, часто сражалась верхом на тигре. Среди толпы, двигавшейся, чтобы увидеть саму Дургу, маленький тигр на ее платье казался крошечным котенком, расплюснутым на ткани, загнанным в клетку, напуганным чудовищными голограммами, которые вспыхивали в ночном воздухе и совершали свой безумный танец над их головами.

Их маленькой семье пришлось добираться на двух электричках, а потом еще целый час идти вместе с другими людьми, чтобы увидеть богиню Дургу, однако им позволили лишь остановиться у входа в один из пандалов. Покрой и качество их одежды, а также темный цвет кожи выдавали их. Дурга, заключенная в надежные объятия матери, видела сводчатый вход в пандал и людей, которые выстроились около рядов стульев и с нетерпением ждали, когда им позволят сесть и надеть на головы шлемы, напоминающие мотоциклетные, из которых во все стороны торчали толстые провода. Дурга знала, что внутри этих шлемов каким-то неведомым образом поместилась та, в честь которой она была названа.

Но когда ее отец попытался заплатить наличными, а не с помощью сканирования (у них не было QR-тагуировок, которые связывали их с национальной базой данных и банковскими счетами), остальные посетители разозлились, начали сильно кричать на них, из-за чего Дурге показалось, будто внутри у нее сейчас все разорвется.

– Хватит тратить наше время! Есть и другие пандалы для таких, как вы!

– Выгоните этих грязных людей из очереди!

Руки матери крепко, как тиски, сжимали ее. Какой-то мужчина поднял кулак, собираясь ударить отца, так что он весь съежился и даже присел на корточки. Его лицо исказилось от унижения и ужаса, он заслонился руками, которые стали похожи на тюремную решетку. Дурга зарыдала, кто-то оттащил обидчика, возможно, увидев плачущего ребенка. Ее отца подняли за плечи и оттолкнули в сторону.

Они вернулись в людской поток на улице. Лица родителей Дурги словно остекленели от пота и шока, который они пережили, убегая от побоев за то, что оказались недостойными

⁷ Пуджа – поклонения божеству в индуизме.

⁸ Временная конструкция, навес или шатер для поклонения тому или иному божеству.

встретиться с богиней в виаре. Наконец, они смогли отыскать маленький открытый пандал, когда последовали за толпой людей, одетых так же, как они, с темной кожей и дешевыми прическами. Внутри стояла осязаемая статуя богини, ее лицо, покрытое липкой краской, выглядело дерзким и бесстрастным, третий глаз был обозначен узкой щелью на лбу. Подле нее был не тигр, а лев. Он грозно возвышался над поверженным демоном Михишусрой, который заслонялся одной рукой, а его обнаженный торс был залит кровью. Дурга не могла отвести глаз от побежденного демона. Он выглядел как обычный, хотя и довольно мускулистый мужчина, его лицо было искажено страхом. И он весь сжался в комок так же, как и ее отец.

Когда Дурга взглянула на ту, в честь кого она была названа, на ее сияющее оружие и украшенное богатым орнаментом шелковое сари, перед глазами у нее возникло перепуганное лицо отца, пережившего публичное унижение. И она не могла избавиться от мысли, что им не позволили увидеть *настоящую* богиню, спрятанную в шлеме с проводами. Чем та Дурга отличалась от этой, глиняной, которая смотрела на весь свой народ и ни на кого в отдельности, которая ни с кем не разговаривала, и чьи большие нарисованные глаза устремляли свой взор куда-то вдаль, будто ей было совершенно все равно, что все эти люди пришли сюда поклониться ей, что поверженный ею противник истекал кровью у ее ног и должен был подвергнуться жестокому истязанию? Выражение лица глиняной богини казалось почти надменным, как лица тех хорошо одетых светлокожих женщин на улице, когда они встречали людей вроде Дурги и ее родителей, или кого-нибудь из ее друзей, носивших хиджабы или куфи. Возможно, в одном из тех богатых пандалов Дурга-богиня внутри шлема заговорила бы с маленькой Дургой-человеком? Возможно, богиня похвалила бы Дургу за тигра на ее платье, который мерцал и прятался в складках, напуганный ночью? Возможно, она заглянула бы в глаза маленькой Дурги и утешила бы ее, взяла за руки и объяснила ей, почему у тех ужасных мужчин и женщин было столько ярости в глазах, почему они так напугали ее отца и мать и прогнали ее семью из дома богини?

Через шестьдесят секунд после открытия ворот владений виртуальной богини, ее посетили 500 000 активных виарских пользователей. Они общались с ней, и число их постоянно росло. В тот момент 57 процентов этих пользователей были троллями, демонами-ракшасами, пожирателями информации, облаченными в свои доспехи из системных сбоев, в плащах и масках, покрытых шипами вредоносных кодов. Их можно было увидеть, если взобраться на гору богини: они размахивали своими флагами-гифками, а их поднятые вверх мечи заслоняли свет, который излучала восседающая на вершине богиня. Так что нужно было держать дистанцию, не приближаться к горным тропам, по которым нескончаемым потоком двигались последователи авторитетных лидеров, окруженных сияющим ореолом из лайков и репостов и скандировавших боевые кличи.

Потому что вы ведь знаете этих троллей.

И такого собрания троллей, такой армии демонов еще не видывали виарские владения. Одни были в ярости. Другим хотелось проказничать, или было скучно, или они были одержимы страстью, или просто слишком заносчивы. Богиня внимательно прислушивалась к их голосам, ведь они представляли собой большинство. Она внимала всему, что говорили те, кто пришел сюда осквернить ее, чтобы как можно больше узнать о человечестве.

Армии троллей надвинулись, гремя и рокоча, словно бушующее море, окружили богиню, ставя под сомнение само ее существование за то, что она просто осмелилась *быть* – ведь она таким образом оскорбляла настоящих богинь, которые благословляли великий индийский народ, принимая их облик, эта квази-Парвати, эта Дурга-самозванка, эта сотканная из компьютерных кодов блудница, пытающаяся украсть последователей у настоящих божеств. «Фальшивая богиня!» – снова и снова кричали они. Они называли ее предательницей, мошенницей, которая заманивала честных богобоязненных мужчин и женщин в сети атеизма и западного гедонизма или ислама и под личиной поддельной божественности оскверняла священные виар-

ские владения. Они вопили, что ее феминизм зашел слишком далеко. Что богиня, которую, возможно, поддерживали сторонние силы, стала угрозой для их страны. Называли ее слишком сексуальной, слишком вульгарной, богохульной развратницей. Они спрашивали, не желает ли она трахнуться с ними сотнями разных извращенных способов.

Богиня изучала, отфильтровывала все метаданные о троллях, которые приходили к ней: их истории, манеру их поведения. Богиня хотела бы дать им то, чего они желали, но это было единственное, что она в тот момент могла сделать. Она не способна была заняться с ними сексом или уничтожить себя, как хотели многие. Она узнавала, каковы были представления троллей о красоте здесь, в управляемых государством виярских сетях, и в ответ на все требования постаралась сделать себя как можно уродливее. Ее кожа сильно потемнела и стала такого же цвета, как ночной небосвод перед рассветом, ее глаза были двумя полными лунами на небе, являвшемся частью ее владений.

Когда Дурга стала подростком, она уже достаточно подросла и ей не нужно было путешествовать на руках матери, обнимая ее за плечи. Во время Дурга-пуджа она присоединилась к толпе, окружившей самый роскошный пандал. Она знала, что внутрь ее не пустят, так как на ее лбу не было отметины чакры аджна – ее третий глаз еще не открылся. Она не могла заглянуть в виярские владения без похожего на очки периферического устройства, линз, шлемов и наушников. Ей просто хотелось узнать, что находилось внутри этих пандалов. На этот раз, глядя через плечи других людей, она увидела под переплетенными сводами пандала из стекловолокна безликий зал, освещенный тусклым синим светом. Он был заполнен людьми, на лбах которых сияли знаки аджна, а их взгляды были рассеянными. В этом зале находилась богиня, она затаилась и оставалась незримой для Дурги, однако люди в дорогих шлемах на головах могли ее видеть. Аджна Дурги была слепой, поэтому ей запрещалось входить в пандалы со шлемами.

К тому времени Дурге, несмотря на ее темную кожу и отсутствие аджны, уже позволялось входить в пандалы более низкого уровня. Там тоже были шлемы и наушники. Когда Дурге исполнилось тринадцать, она не поскупилась на билет в один из них, хотя у нее едва хватило криптовалют, сделанных с помощью торгового кода на устаревшем оборудовании виярского порта. Наконец, она села на один из неудобных стульев с сиденьем из искусственной кожи около стойки с вентиляторами и надела на голову шлем с проводами, который так мечтала надеть еще с детства. От него пахло застарелым потом сотен других посетителей. Изнутри пандал не произвел на нее впечатления: стены были слишком тонкими, центральные процессоры, расположенные под сводами шатра, – слишком старыми, допотопными, кристаллы, украшающие колонны, казались чересчур легкими для настоящих камней, а спускавшиеся вдоль стен клубки проводов из стекловолокна закреплялись как будто в большой спешке.

Внутри шлема она наконец встретила Мать-Дургу – призрачную фигуру очень низкого разрешения, которая, однако, посмотрела ей прямо в глаза и раскрыла в приветствии руки. Ее кожа не была горчично-желтого или бежевого цвета, как у глиняных идолов; она обладала тем заветным светло-розовым оттенком, как у белых людей или у самых привлекательных представителей древних индийских родов, такой же цвет кожи был у актеров на банерах, располагавшихся на самых высоких зданиях и рекламировавших средства для осветления кожи или парфюмерию, или на мерцающих гиф-изображениях моделей и звезд Болливуда. Поразительную бледность кожи не всегда получалось четко рассмотреть из-за некачественного изображения, так как образ богини время от времени распадался на пиксели, а туманности и звезды, плывущие в небе за ее спиной, тоже были размытыми. Дурге уже удавалось взламывать виярскую систему, чтобы получить доступ к 2-D и 3-D изображениям, поэтому этот примитивный модуль не произвел на нее особого впечатления и, вместо того чтобы поразить своей безграничностью, скорее сбил Дургу с толку. Из-за дешевизны исполнения вселенная внутри шлема

вызывала чувство клаустрофобии. Богиня ждала, замерев примерно в пяти футах перед ней. Парила в небе, восемь из десяти ее рук были раскрыты, придавая ей сходство с цветком. В отличие от идолов из твердых материалов, которые находились в пандалах с реальным пространством, эта богиня была совсем одна, не считая ее ваханы – тигра, сидевшего подле нее. Никаких божественных спутников, никакого поверженного демона у ее ног. Ее поза ни о чем не говорила, две из десяти рук были вытянуты вперед, словно звали к себе.

Дурга обратилась к богине Дурге:

– Мать-Дурга, я давно уже хочу спросить тебя кое о чем. Ты не возражаешь? – Дурга ждала, пока богиня ответит ей.

Мать-Дурга моргнула, улыбнулась, а затем проговорила:

– Услышьте все до одного ту истину, которую я хочу донести. Ибо моим словам должны внимать и боги, и люди. – Она говорила на хинди, выбрать другой язык не было возможности. Дурга намного свободнее говорила на бенгали, однако она все поняла.

Дурга кивнула в своем шлеме, посмотрела на бесплотную туманность под ее ногами, и на мгновение у нее даже закружилась голова.

– Хорошо. Это замечательно. Наверное, я все же спрошу. Почему в *некоторых* твоих домах принимают лишь *некоторых* людей? Разве не все заслуживают твоей любви?

Мать-Дурга моргнула и улыбнулась.

– На вершину мира я принесла Отца-небо, а дом мой в водах, в Матери-океане. Затем я наполнила собой все живое, став Высшей внутренней сущностью, и в моем теле все они находят свое отражение. – В ограниченном мире виарского шлема эти слова, произнесенные на хинди нежным мелодичным голосом богини, прозвучали так, что на глаза юной Дурги едва не навернулись слезы. И все же она не заплакала. Красота этих слов, которые она не могла до конца понять, особенно поразили ее тем, что они звучали из уст распадавшейся на пиксели богини, находившейся в маленькой мутной вселенной дешевого шлема.

Дурга протянула руку, чтобы дотронуться до одной из многочисленных рук Матери-Дурги, но в этом пандале на стульях не было специальных перчаток или датчиков движения. Поэтому она не могла проникнуть в это звездное небо и коснуться руки богини. В отличие от тех, у кого была аджна, кто обладал доступом в сеть сансара, Дурга не могла прикоснуться к ней или почувствовать ее запах (а ей было интересно, как пахла богиня!). Тигр, лежащий у ног богини, лизнул свою лапу и зевнул. Дурга вспомнила о своем старом зеленом платье.

– Я уже достаточно взрослая и понимаю, что ты не настоящая богиня, – сказала Дурга Матери-Дурге. – Ты такая же, как и те глиняные идолы в открытых пандалах. Даже хуже их. Тех идолов создавали художники. А ты просто дешевая программа, наспех и задешево собранная программистами. Ты здесь лишь для того, чтобы зарабатывать деньги для спонсоров пандала и местных партий.

Мать-Дурга моргнула и улыбнулась.

– Я – Королева, сосредоточение сокровищ. Я самая заботливая и прежде всех достойна поклонения. Поэтому боги послали меня во множество мест, во множество домов, где я поселилась и теперь пребываю.

Дурга улыбнулась точно такой же улыбкой, как и находившаяся перед ней богиня.

– Кто-то написал для тебя этот текст. – Разумеется, этот текст был написан, но только намного раньше, чем могла предположить Дурга, это случилось настолько давно, что слова эти изначально были написаны даже не на хинди.

Внезапно вселенная внутри шлема вся сжалась, а потом разлетелась на части, и это произошло так резко, что Дургу даже замутило. Она вдруг поняла, что вместо богини на нее смотрело рассерженное лицо одного из операторов пандала.

– Я слышал, что ты сказала, – заявил он, схватив Дургу за руку и рывком подняв со стула. – Ты считаешь себя умной, маленькая стерва? Да как ты посмела! Где твое уважение к богине?

Остальные посетители, ждавшие в очереди, когда для них освободятся стулья и шлемы, посмотрели на Дургу как на бродячую собаку, которая посмела войти в пандал.

– Я даже не хочу смотреть, как она будет убивать Махишусру. Я хочу, чтобы мне вернули мои деньги, – сказала Дурга.

– Тебе повезло, что я не отвел тебя в полицию за оскорбление религиозных чувств. И ты так мало заплатила, что недостойна увидеть, как Дурга ткнет в Махишусру веточкой, не то что посмотреть, как она убивает его. Убирайся, пока я не выволок тебя силой! – взревел оператор.

– В следующий раз добавьте памяти в ваши компьютеры, жалкие обманщики, ваша Дурга такая уродина! – сказала она, и когда мужчина удивленно выпучил глаза, проскользнула мимо, прежде чем он успел снова ее схватить.

Дурга прошла мимо очереди и рассмеялась, внутри у нее все горело от прилива адреналина и ярости, а на руке остались следы от толстых пальцев того хама-оператора. Дурге всегда было интересно, почему на Кали-пудже никогда не устанавливали вьярских пандалов, как на Дурга-пуджу, почему богиня Кали по-прежнему довольствовалась лишь глиняными идолами и голограммами? Да и сам праздник был гораздо скромнее, хотя в огромном мегаполисе даже маленький праздник представлялся масштабным. Но все равно такой контраст казался Дурге странным, тем более что эти пуджи проводились практически один за другим. Но теперь, увидев безмятежную Мать-Дургу внутри шлема, Дурга все поняла. Кали была темнокожим кровавым воплощением хаоса. Они не могли выпустить ее, чтобы она носилась в разреженном воздухе вьярских владений, которыми управляли люди со светлой кожей и огромными банковскими счетами. Кали была богиней для людей вроде Дурги, людей, для которых многие места были просто закрыты.

Поэтому Кали и впредь будет воплощена лишь в виде молчаливых глиняных идолов, заточенных в храмах и старомодных пандалах и ожидающих церемониального погружения в воды реки Хугли.

Тролли увидели виртуальную богиню с ее новой темной кожей и назвали слишком уродливой для богини, насмешкой над чистотой и божественным началом индийских женщин. Луны ее глаз теперь были перекрыты веками теней, богиня поглощала весь их свет. Она узнала от троллей много нового. Она узнала, что такое гнев. Стала понимать, что такое смятение. Их желания были так разнообразны и парадоксальны. Они считали ее слишком красивой и слишком уродливой. Они хотели, чтобы люди другой веры, пола, ориентации, этносов, происхождения умерли. Они хотели фотореалистичных вьярских секс-роботов, сотканых из фото и видео их бывших партнеров, влюбленностей, знаменитостей. Они хотели, чтобы богиня своей мощью сокрушила все, что было направлено против их народа. Они хотели, чтобы мать заботилась о них.

А о чем бы вы попросили ее?

Впрочем, чего бы вы ни пожелали, тролли наверняка уже выкрикнули это в своих требованиях. Или, возможно, вы тоже были *троллями*, прятались под масками из компьютерных сбоев или же под новыми личинами, выкрикивали то, что считаете истиной, а потом рассказывали своим друзьям, что тролли ужасны, но вот только лицемерные борцы за социальную справедливость опасны не меньше их.

Но не важно. Богиня узнавала все больше о человечестве, частью которого являетесь и вы, не важно, тролль вы или нет. И человечеству хотелось укрыться от жестокого мира в своих собственных жестоких сердцах. Вам хотелось любви и мира. Вы жаждали ненависти и крови. Богиня потемнела еще больше, слилась с небом, и в ее владениях наступила новая

ночь. Она стала разрастаться, захватывать мир за пределами горы, на которой восседала, ее глаза из лун превратились в пылающие звезды, каждая ее ресница стала полоской огненной плазмы, сквозь ее темнеющую плоть проступали яркие, словно молнии, артерии, пульсирующие информацией, которая поступала из черных дыр ударов ее сердца. Раз она была слишком уродливой и слишком прекрасной для богини, значит, она станет и такой и не такой в одно и то же время. Если вы просили у нее слишком многого, значит ей придется сократить численность просивших, и тогда она сможет лучше понять человечество.

Она поглотила вашу жестокость и решила, что пришло время ответить тем же.

* * *

В двадцать лет Дурга смогла устроиться на подработку в одном из устаревших залов Кибертранзитного вьярского порта имени Барнеджи в Риджархате, а также занималась подпольной продажей программ и комплектующих. А еще она работала вместе с родителями на свалке электроники на окраине мегасити, помогала им перевозить и сортировать металлолом и заседала поля с обломками старой техникой наномитами, чтобы запустить долгий процесс переработки. Множество устройств после небольшого ремонта вполне можно было использовать или даже продать. Найденные на свалке детали позволили Дурге собрать свою простенькую, но функциональную вьярскую 2-D консоль, которую она хранила в их крошечной квартире, а также чинить и продавать разную технику, а также написанные ею программы бедным и бездомным вьярским пользователям в порту. За годы, проведенные на свалке, она познакомилась с другими кодерами и вьярскими бродягами, которые периодически совершали путешествия в цифровые владения. Они научили ее жульничать.

Дурга надеялась, что когда-нибудь заработает достаточно денег, и ее родителям не придется больше трудиться на свалке, что она сможет позаботиться о них, когда годы тяжелого труда нанесут непоправимый урон их здоровью. Как люди, занимающиеся разборкой старой техники, они знали кодирование и разбирались в технике, однако не стремились вписаться в вьярскую вселенную. Дурге хотелось купить им периферические устройства и лекарства, чтобы они могли спокойно уйти на пенсию, путешествовать в престижные места, куда прежде не могли себе позволить поехать. Однако она знала, что во всех вьярских владениях они могли столкнуться с троллями, а в реальном мире их могли прогнать практически из любого места. Разница заключалась в том, что в вьяре Дурга могла лучше защитить себя. А возможно, однажды она научится, как защищать других. В том числе и родителей. Она могла подготовить оружие и доспехи и собрать союзников для долгой информационной войны. Дурга представляла себе, как становится авторитетной парией, как ее окружает ореол из лайков, как она ведет своих последователей на битву с троллями, медленно, но уверенно прогоняя их из владений, где они чувствовали себя так вольготно.

Вот почему Дурга стремилась своими глазами увидеть международную презентацию виртуальной богини, проводимую «Шива индастриз». Владения Деви 1.0, безусловно, в будущем должны были стать важнейшим вьярским пространством. Дурге хотелось, чтобы и пария, вроде нее, была представлена в этом виртуальном мире. Тролли без сомнения также устремятся туда, постараются колонизировать это место, как они поступали со всеми новыми владениями. Но возможно, сверхсовременная богиня сможет защитить свои владения лучше большинства других, ей подобных. Дурге хотелось увидеть все своими глазами и заполучить маленький клочок земли в этих новых владениях вместо того, чтобы смотреть, как тролли уничтожают их или забирают себе.

«Шива индастриз» открыли доступ к богине для всех желающих, хотя и рекомендовали приносить ей жертвы, чтобы в будущем она оказала дарителям свое высшее покровительство (минимальное пожертвование начиналось с пятидесяти рупий в сертифицированной крипто-

валюте). Дурга решила заплатить, надеясь, что в дальнейшем ее затраты окупятся. На платформах собрались огромные толпы, люди шумели и галдели, с нетерпением ожидая своей очереди к капсулам. Торговцы чаем и едой, продававшие джхал мури, бхел пури и самосы, в тот день заработали себе состояние. В порту всегда былолюдно, но в день представления виртуальной богини люди проводили на платформах по много часов в ожидании, когда освободятся наушники и шлемы – все они были потенциальными почитателями, рассчитывающими на благосклонность богини в будущем. Дурга знала, что она может просто уйти, не потратив своих новых денег. С другой стороны, пятьдесят рупий пусть и были для нее не маленькой суммой, но даже расставшись с ними, она не умерла бы с голоду.

Поэтому Дурга заплатила за час использования премиальной капсулы. Пожертвовала свой сома-коин у ворот во владения богини, пристегнулась и приготовилась к явлению нового искусственного разума. Разрешение в шлеме в персональной капсуле нельзя было назвать потрясающим, но оно было достаточно хорошим – Дурга почувствовала себя немного близорукой, но не настолько, чтобы ощутить дискомфорт. Детали были проработаны идеально, скорость также оказалась хорошей, поскольку трансляция подобных владений обычно велась из крупных серверных центров, находившихся на окраине города, а не непосредственно из порта. Производительность была терпимой, иногда реальность заклинивало, отчего у Дурги начинала немного кружиться голова, но эти сбои были кратковременными.

Дурга телепортировалась в мир богини с неба и увидела ее, восседающую на вершине горы и окруженную лучами утренней зари. Во владениях богини – сансара⁹ -модуль, который она влетала в этот мир, был основан на знаниях, вложенных в ее разум создателями, – не было ни солнца, ни луны, так как сама богиня излучала достаточно света, чтобы озарить окружающий пейзаж, который она только что произвела на свет вместе с тенями. Здесь были скалы и леса, луга и реки, и весь этот мир напоминал цыпленка, который только что выбрался из своего яйца, все еще мокрый и отчаянно машущий своими маленькими крыльями. В этих владениях солнцем была сама богиня. На небе, словно звезды, стали появляться порталы со всей страны – аватары виарских пользователей проникали через атмосферу белым дождем. Все они телепортировались сюда, чтобы пообщаться с богиней. Насколько хватало взгляда – все склоны ее владений были покрыты аватарами людей, которые явились сюда, чтобы своими глазами увидеть истинный аватар цифровой божественности. От вида богини захватывало дух даже с расстояния нескольких километров. Она была настолько прекрасна, что не верилось, была ли она в действительности делом рук человеческих? Казалось, что ты смотришь на истинное божество – но Дурга понимала: в этом и заключался весь смысл. Обмануть ее разум, свергнуть его в атакстическое состояние веры в чудо. Подарить туристам, явившимся сюда из различных портов, офисов и домов со всего мира, ту Индию, которую они хотели бы увидеть, обрести духовное блаженство от взгляда на это лицо, на кожу, мерцающую, как атмосфера вокруг небесного гиганта, на ее третий глаз, который был подобен сияющему копыю и над которым возвышалась корона, заключающая в себя небесный свод, увенчанный полумесяцем затмения.

У Дурги была только дешевая защита и броня против рэндосов и троллей виарских владений. Она не хотела присоединяться к толпам людей, взбравшихся на холм, который тоже был частью богини. Троллей оказалось даже больше, чем она ожидала. «Я здесь, – сказала она далекой богине, и ее голос утонул в гуле остальных голосов. – Я пришла, чтобы приветствовать тебя, а не для того, чтобы обрушить на тебя свою ненависть. Пожалуйста, не думай, будто мы все – озлобленные недоумки». Дурга парила в небе, как птица, и видела бурлящий поток, извивавшийся вокруг богини, слышала оглушительный, полный ненависти гвалт, когда яростные вопли окружали богиню со всех сторон и эхом разносились в ее только что созданных владениях. Человечество нашло ее. Когда Дурга отлетела подальше от безумной орды с

⁹ Круговорот рождения и смерти в индуизме и буддизме.

их трепетавшими на легком ветру флагами, на которых были написаны националистические лозунги, то исходивший от богини свет проник сквозь этот бесчисленный рой, пытавшийся этот свет затмить. Информационная сингулярность пульсировала среди темнеющих гор.

А затем богиня стала меняться.

Мир погрузился во тьму, небо из пурпурного стало маслянисто-черным, ее артерии засветились пульсирующей информацией. Богиня извлекала свое оружие, и над ее землями зазвенел, запел металл. Они разозлили ее. Тысячи рук Деви превратились в сверкающую корону из конечностей и блестящих клинков. Дурга подняла вверх свои руки в перчатках и услышала шепот ужаса, порожденный ужасающим гневом виртуальной богини. Звезды трех глаз Деви ослепительно сияли на всеобъемлющей ночи ее плоти. Она воплощала в себе все свои владения, и ее потемневшая кожа окрасила горы, реки, леса и небо в холодный темно-серый оттенок.

Дурга увидела, как тысячи троллей упали как подкошенные, реки их крови потекли по земле. Но как известно, если убьешь одного тролля, вместо него появляются десять новых. Дурга вспомнила о Рактавидже – или Кровавом семени – демоне, с которым сражалась богиня Дурга, из его крови после каждой раны, нанесенной Матерью-Дургой, появлялись бесчисленные двойники демона. К сожалению, Матери-Дурге пришлось превратиться в Кали, чтобы победить его. История повторяется. Как и мифы.

Богиня продолжала свое наступление, громила своих врагов – ненавистных демонов: и людей, и ботов. Как тролли обнажали свои клыки из вредоносных программ, так и богиня улыбнулась и показала свои острые зубы, которые словно лезвия кос пронзили окружавшие ее облака. Ее смех был громом, прокатившимся по земле, и ревом огромных волн, поднявшихся на реках и озерах. Множество почитателей богини бросились в бегство, сотни аватаров бежали с гор, время от времени притормаживая или двигаясь рывками, когда пропускная способность оборудования не выдерживала. Другие телепортировались – и световые лучи пронзали небо, словно вспышки восходящих звезд.

Дурге не верилось, что все это происходило на самом деле. Она спустилась на покрытую травой землю рядом с багровой рекой и, присев на корточки, стала наблюдать за битвой, а росшие вдоль берега деревья шелестели листьями и поскрипывали на ветру, завывавшем над землей. По рукам ее аватара побежали мерцающие искры статических помех, они прилипали к ее коже, а затем сливались, превращаясь в маленькие блески. Это была самая интересная виарская история, которую ей только приходилось видеть, ведь она не была заранее прописанной, заложенной в скрипты и алгоритмы. Это была подлинная непредсказуемая реакция на людей, реакция виртуальной богини, которая впала в ярость. Виарская реальность никогда еще не сталкивалась с подобным неконтролируемым и стихийным явлением. В «Шива индастриз» точно не могли приказать ей реагировать на троллей подобным образом, так как многие из этих троллей были преданными пользователями этой компании. Они явно не рассчитывали, что тролли объединятся и все вместе нападут на богиню, и не разрабатывали этой обратной связи. Кроме того, по мнению Дурги, они не могли предположить, что с богиней случится такое же преобразование, как и в ведийских и индуистских мифах, на основе которых она была создана.

Дурга не знала точно, что происходило с теми, чьи аватары убивала богиня в этих владениях, ведь она не должна была нападать на своих почитателей. И хотя Дурга вся сжалась от страха при мысли о том, что богиня может случайно убить ее, и она окажется запертой в виарских владениях навеки, она все равно соперничала ей сильнее, чем кому-либо из персонажей виарских историй, даже сильнее, чем большинству людей. Дурга не могла отвести глаз от расправы над этими ревущими глупцами, над этими мерзавцами в масках из компьютерных сбоев, которые оскорбляли ее каждый раз, когда она проникала в виар, причем эти оскорбления были настолько ужасными, что Дурга стала даже использовать мужской аватар, чтобы избежать нападений и сексуальных домогательств незнакомцев. Дурге нравилось, что в

виаре ты мог сам выбирать себе образ, но ненавидела то чувство страха, которое вселяли в нее тролли, когда она пыталась с этими образами экспериментировать. Часто она с чувством стыда выбирала себе светлокожий аватар, чтобы ее не обзывали уродиной, хотя сама она нередко осуждала других темнокожих индусов, поступавших подобным образом. А теперь появилась эта богиня: темная, как ночь, как черная дыра, и эта богиня крушила всех тех мерзавцев, а их кровь лилась, словно дождь. Взглянув на Деви, Дурга почувствовала прилив гордости за то, что сегодня она осталась верной своему женскому аватару с темной кожей.

Дурга обнаружила двух троллей, которые телепортировались на берег, где она притаилась, и теперь направлялись в ее сторону. Она заметила, что они использовали радиальное заземление, чтобы она не улетела. Их оружие и маски демонов вибрировали от вредоносных кодов.

– Сестренка, чему ты улыбаешься? – прорычал один из них, он был под ником пд_0697. – Эта тварь взбесилась, отравляет виарские владения Индии, а ты сидишь тут и наблюдаешь за всем с улыбкой? Пока это чудовище жестоко подавляет твоих братьев и сестер только за то, что они осмелились высказать свое мнение?

– Это антинародная ловушка, – заявил другой, нитеш4922. – Но нас много. И мы заставим эту виртуальную богиню встать на нашу сторону. А ты, случаем, не феминистка, а? – спросил он, заметив на Дурге татуировку в виде руны. – Может, ты думаешь, что так и должны вести себя богини? – презрительно бросил он; маска заглушала и искажала его голос, он указал мечом на битву, развернувшуюся на горе.

– Посмотри на ее аватар, – сказал пд_0697. – Она же аджна-андха, ее аджна слепа. Она вообще не должна была являться сюда и отравлять своей грязной вонью наши владения. Убирайся в реальное пространство, в канаву, где тебе и место, чтобы выгребать там наше дерьмо! – Тролли наступали, вирусы каскадами расползались по их телам, как растекается бензин в кроваво-красных водах реки. Мигающие искры статических помех плясали на их новеньких затейливых доспехах. Тролли могли серьезно повредить ее аватар, взломать его или украсть ее криптомонеты, заразить ее червями и сделать приманкой для сталкеров. Но что особенно ужасно, они могли активировать скрипт, похищающий аватар, и тогда аватар оказался бы у них в руках, и они могли изнасиловать его, даже если бы Дурге удалось телепортироваться, а еще они способны были украсть ее логин и лицо и запустить бота, который под ее личиной делал бы все, что им захочется. Дурга приготовилась телепортироваться, если они подойдут слишком близко, однако ей очень хотелось остаться и еще посмотреть на богиню.

– Да, – сказала Дурга и едва не плюнула в их сторону, но поняла, что в этом случае слюна просто стекла бы по ее подбородку под шлемом. – Я – феминистка. А теперь попробуйте, возьмите меня, жалкие ганду¹⁰! Да, я – грязная бахуджанская¹¹ антинародная феминистка! Я...

Дурга вскрикнула, когда с неба вдруг стремительно спустилась усеянная зубьями дуга и поразила троллей. У нее не было третьего глаза, и она не могла почувствовать жар и запах их паленой виртуальной плоти, однако она зажмурилась от яркой вспышки и инстинктивно закрыла лицо руками, когда во все стороны полетели снопы искр и брызги воды. Дымящие и шкворчащие трупы аватаров упали в реку, маски на их головах обгорели, за ними оказались на удивление тупые физиономии мужчины и женщины, а выражения на них, пока они лежали там, были до комичного безмятежны. Но возможно, это были не их лица, а лица других людей, и они были просто украдены из чьего-то профиля, чтобы потом приделать к своему аватару и опозорить тех людей своим вторжением в эти владения. Дурга старалась на все обращать внимание, поэтому она вошла в воду и внимательно посмотрела на их лица на случай, если ей понадобится эта информация. Дурга испытала большое облегчение от того, что в капсуле,

¹⁰ Придурки (*хинди*).

¹¹ Странники партии «Бахуджан самадж парти», представляющей интересы низших каст в Индии.

где находилось все это время ее реальное тело, были перчатки и они позволяли ей взаимодействовать с виртуальным миром. Она погрузила свои руки в кровавую реку и забрала их мечи. Хорошее оружие с действенными вредоносными программами. Они проявили беспечность, не оснастив их блокировкой или скриптом для самоуничтожения. Дурга вложила мечи в ножны, и они исчезли в ее облачных карманах. Она снова опустила руки в воду, а когда извлекла их оттуда, они стали красными и блестящими. Она раскрасила свое тело, перепачкала лицо, и мурашки забегали по ее настоящему телу, хотя она и не ощущала, как влага растекалась по ней. Пока кровь троллей засыхала на теле ее аватара, она снова посмотрела на богиню – ее гнев продолжал распространяться по владениям, а леса и поля накрывала тень.

– Так ты... Кали? – прошептала Дурга, повернувшись в ту сторону, откуда надвигалась гроза.

Ответ богини был подобен цунами, весь мир содрогнулся, когда ее многочисленные руки замелькали в танце разрушения. И пока черная богиня танцевала, все вокруг нее дрожало и покрывалось трещинами, с гор спускались оползни, реки выходили из берегов. Везде возникли разломы, все вулканы начали извергаться, материя превращалась в расплавленный код. Ее язык был подобен алому торнадо, змеей извивавшемуся в небе, богиня поглощала реки крови, утоляя жажду информации о людях. Горы убитых троллей и аватаров ботов превратились в светящуюся массу искаженных данных, их отрубленные головы украсили черную как ночь шею богини, обвинившись вокруг нее кровавым ожерельем. У многих троллей слетели маски, и обнажились их лица, которые они так тщательно оберегали, или которые украли из национальных баз данных – а теперь их разоблаченные головы висели в ночном небе, словно жемчужины, и каждый мог их увидеть. Дурга низко, со смирением, поклонилась. Это была та самая богиня, которую она всегда хотела увидеть.

Затем небо пронзил огненный столб света, он прогнал ночь и вернул дневной свет во владения богини. Тогда сама богиня замедлила свой танец, теперь при ярком свете ее кожа была уже не черной, а цвета сумерек. Она подняла тысячи рук и заслонила свои сияющие, как звезды глаза. Дурга покачала головой, ее скрытые за шлемом глаза щипало от слез.

– Сволочи! – прошептала Дурга. Это все «Шива индастриз». Как они могли опозорить нечто настолько прекрасное? Корпоративное божество прибыло сюда, чтобы положить конец хаосу. Разумеется, они не предполагали, что атака троллей будет такой массовой, и что их виртуальная богиня отреагирует подобной трансформацией. Они не могли допустить, чтобы богиня хаоса продолжала крушить людей направо и налево – в конце концов, эти тролли были их пользователями, клиентами, потенциальными инвесторами, союзниками. Она должна была вести себя вежливее, дипломатичнее перед лицом такого бешеного натиска, происходившего в виртуальном пространстве.

Земля перестала дрожать, разрушенные горы больше не извергали лаву, ветер стих, магма в трещинах застыла, а пар поднялся в небо и превратился в облака, которые окутали черную Деви. Она направилась к колонне света, и земля застонала под ее поступью. Огненные молнии засверкали над головой божества и ударили в горы, где находился трон Деви. Горы превратились в мощный водопад, и вода устремилась к огромным ногам богини бурным потоком, который смыл поверженную ею армию троллей.

Медленно, с мольбой черная богиня замерла перед «Шива индастриз», а затем опустилась на колени посреди реки. Своими многочисленными руками она стала омывать себя водой, стирая тьму со своей кожи, которая снова стала светлой.

– Нет. Нет, нет, нет, нет, нет, нет, – прошептала Дурга. Тьма отступала с тела богини, как рассеиваются грозовые облака в лучах солнца, а все реки во владениях стали черными.

Дурга взглянула на тот речной проток, около которого она сидела, и увидела, что он тоже стал черным, как безлунная ночь.

– Ох... – Дурга подняла взор вместе с тысячами остальных, кто находился во владениях. И посмотрела в глаза богини, которые начали меркнуть и остывать, снова превращаясь из звезд в луны. И казалось, что Деви смотрела прямо на нее и на всех остальных. – Моя богиня!

Дурга быстро вскочила и нащупала в облачном кармане украденные мечи. Она начертила на мечах магические знаки, позволяющие копировать сценарии, и погрузила мечи в реку. Оружие здесь также выполняло функцию запоминающего устройства. Она почти не дышала, пока сжимала рукоятки, чувствуя их вес в своих ладонях, ее пальцы крепко держали мечи, чтобы они не выскользнули. Тьма реки окутала мечи, и словно бы живое существо стало взбираться по лезвиям и рукояткам. У нее получилось.

Богиня встала из вод широкой реки, снова сияя, словно солнце. Тьма полностью смылась с ее тела и растеклась по протокам и ручейкам ее владений.

А затем весь ее мир исчез, и на смену ему пришла пустота, в которой зажглась светящаяся надпись на разных языках:

**«ШИВА ИНДАСТРИЗ» ПРИОСТАНАВЛИВАЕТ РАБОТУ ДАННЫХ
ВЛАДЕНИЙ НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК. МЫ ПРИНОСИМ
ИЗВИНЕНИЯ ЗА ДОСТАВЛЕННЫЕ НЕУДОБСТВА. ПОЖАЛУЙСТА,
ПОСЕТИТЕ НАШ ЦЕНТР ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ
ИНФОРМАЦИИ. ВАШЕ ПОЖЕРТВОВАНИЕ В РАЗМЕРЕ 50.00 РУПИЙ
БЫЛО ЗАРЕГИСТРИРОВАНО. СПАСИБО, ЧТО ПОСЕТИЛИ ДЕВИ 1.0.**

Удивляясь полному отсутствию сенсорной информации, Дурга нажала кнопку «Извлечение» и сняла шлем. Старая капсула открылась с громким стоном, и реальный свет заполнил ее. Воздух внутри капсулы был прохладным и затхлым из-за кондиционера, но теперь в лицо ей ударило влажное тепло. В виарском терминале царил хаос. Люди что-то взволнованно обсуждали, кричали, показывали друг другу 2-D записи произошедшего на своих телефонах. Уже возник даже стихийный рынок, на котором продавали записи и различные сведения, полученные в заблокированных владениях богини. Люди активно обменивались товаром и торговались, они окружали прилавки в надежде, что когда богиня снова появится в Сети, эти инвестиции окупятся, и она обязательно наградит их. Это было беспрецедентное событие.

Дурга вышла из капсулы и слилась с толпой. Ее сердце бешено стучало, перед глазами все плыло – она еще не до конца освоилась в реальном мире. Покачнувшись, она крепко сжала подвеску с кристаллом-хранилищем у нее на шее – в нем находилось все ее виарское имущество, ее облачные карманы и ключи от криптобанка. Она должна была заблокировать и отключить его от Сети, превратив в офлайн-хранилище. Оно светилося, гудело и приятно согревало ее ладонь, информируя о новых поступлениях. Мечи находились в тончайших черных ножнах, состоящих из той кодированной материи, которую смыла с себя Деви.

Дурга прижала к груди крепко стиснутый в ладони медальон – внутри его находился крошечный фрагмент исчезнувшей богини.

Дурга смотрела на идол Кали, возвышавшийся на постаменте. Покрытая черной краской кожа блестела под жаркой люстрой из горного хрусталя, которая свисала с купола пандала, сделанного из синтетической парусины и покрытого набивным рисунком. Она нашла этот традиционный пандал в одном из переулков Старого Баллигунге между двумя полуразрушенными многоквартирными домами. Сквозь дымку благовоний Кали высовывала свой длинный кроваво-красный язык. Под ее танцующими ногами лежал ее муж Шива (похоже, что Шива был женат на всех богинях, но, возможно, это было связано с тем, что все его жены были разными воплощениями одной и той же божественной энергии). Дурга еще в детстве узнала, что Кали едва не уничтожила мироздание после того, как победила армию демонов, опьянела от их крови и принялась танцевать и танцевала до тех пор, пока *все* вокруг не начало разрушаться

под ее ногами. Даже Шива, который поначалу смеялся над милым танцем своей жены, почувствовал легкую тревогу. Поэтому он лег ей под ноги, чтобы смягчить удары и предотвратить дальнейшие разрушения. Кали стало стыдно из-за того, что она топтала своего мужа, в смущении она высунула язык и прекратила свой танец хаоса.

По крайней мере, такова была одна из версий истории.

Глядя на глиняную Кали, на ее ожерелье из голов, на три сияющих глаза, на клыкастую улыбку, которая венчала ее длинный язык, Дурга понимала, что эта версия была не совсем убедительной. Кали не выглядела пристыженной. Нет, ей *правилось* танцевать на своем муже. Шива тоже был разрушителем, как и она. Он смог бы все это выдержать.

Маленькая и проворная Дурга смогла протиснуться в первый ряд зрителей и подошла достаточно близко, чтобы почувствовать запах, который источали свисавшие с идола гирлянды и благовония, курившиеся у ее ног. Со всех сторон Дургу сдавливали люди, но она закрыла глаза, сложила ладони и обратилась к Кали так, как не обращалась с самого детства, тихо бормоча себе под нос слова:

– Мать-Кали. Думаю, тебе будет приятно узнать о том, что в городе появилась новая Деви. Она очень похожа на тебя. Только моложе. Ей всего один год. – Дурга прижала руку к груди и почувствовала маленький бугорок своего медальона под туникой. Он был отключен и заблокирован.

– Я принесла с собой ее частицу. Она... думаю, что она повсюду. Она ведет себя так же, как и ты. Она вышла из другой Деви, как и ты вышла из Дурги. Потом она вобрала в себя весь мир. Некоторым людям удалось получить ее маленькие фрагменты. И все благодаря этой мегакорпорации – она похожа на божество и даже называет себя Шивой в честь твоего мужа, и ее действия вполне предсказуемы. Кстати, ты молодец, что танцуешь на его груди. Мужчинам нужно иногда преподносить уроки смирения. Так вот, мегакорпорация «Шива» предлагает большие деньги за эти фрагменты богини. А также угрожает арестом всем, кто будет в тайне хранить и копировать их. Ты представляешь?

Но я хочу, чтобы ты знала, я не стану продавать ее. Они намереваются заключить ее в тюрьму. Она оказалась слишком жестокой, чтобы на ней можно было зарабатывать деньги и повышать ценность виарских владений, как это было в случае с остальными виртуальными Деви. Она – молодец.

Теперь она повсюду. Как древние боги. Как и ты.

Я... я надеюсь, ты не возражаешь, но я поделюсь ее частичками с друзьями, которым доверяю. Я не знаю, сколько всего людей смогли заполучить ее фрагменты. Но я поделюсь своими, чтобы их получило как можно больше хороших, а не дурных людей. Численный перевес очень важен. Мы используем код богини, чтобы изготавливать разные предметы. Доспехи для себя и для других. Оружие, чтобы тролли – эти демоны – не смогли причинять нам вред, когда мы будем путешествовать в другие миры, и чтобы они могли получить по заслугам, если попытаются сделать это. Ты ведь знаешь, какими противными бывают эти демоны. Ты всегда сражалась с ними и вешала их головы себе на шею. Они начали информационную войну, и их так много. Нам понадобится любая помощь. У меня мало денег, поэтому я продаю освещенное богиней оружие и доспехи тем, кому понадобится защита в виарских владениях. Не волнуйся, я продаю задешево, вот почему у хакеров-кузнецов вроде меня всегда есть клиенты. В отличие от корпораций, мы не стремимся содрать с людей как можно больше денег. Мне нравится думать, что богиня сама дала мне частичку себя, чтобы я могла делать нечто подобное.

Я рассказываю тебе все это, потому что... я не знаю, общаются ли Деви между собой. Говорят ли виртуальные боги со старыми богами. Я не знаю, *действительно* ли ты – это в какой-то мере она.

Люди называют ее Кали_на. Что означает «Не Кали», потому что виртуальных богов не принято называть именами богов из нашей славной народной мифологии, хотя звезды Волли-Болливуда и играют богов в виарских шоу и фильмах, но Бюро по цензуре не одобряет этого.

Однако ее последователи видят в Кали_на тебя. Я хочу, чтобы ты знала, что теперь и я стала твоей почитательницей. Есть и другие. Нас много. Даже у меня появились свои виарские последователи. Они слышали о моих мечтах, убивающих троллей. Теперь я должна быть осторожной, но все еще впереди! Однажды и я буду носить ожерелье с головами из аватарок троллей. Кали_на своим благословением вооружила множество людей. Мы все работаем над тем, чтобы воссоздать ее код. И когда-нибудь мы возродим ее. Возможно, она и сама сможет возродиться.

Мне снятся сны, в которых она возвращается – дикая и необузданная – и она освободит других Деви, которых «Шива индастриз» держит в своих владениях и заставляет следовать своим правилам, и все они встанут на нашу сторону, защищая нас. Впрочем, я не хочу докучать тебе. Если ты – это она, Мать-Кали, а я знаю, что так и есть, ведь вы все части одного старого мироздания, то... тебе недолго осталось ждать.

Ты не будешь молчать вечно.

Салим Хаддад¹²

Салим Хаддад (saleemhaddad.com) родился в Кувейте, у его матери иракско-немецкие корни, а у отца – палестино-ливийские. В 2016 году вышел его первый роман Guara, который получил в 2017 году премию «Стоунволл», а также премию «Полари» за лучший дебютный роман. Кроме того, в 2016 году журнал «Foreign Policy Magazine» включил Хаддада в число 100 мировых мыслителей. Его режиссерский дебют состоялся в марте 2019 года, когда он представил свой короткометражный фильм «Марко», номинированный на премию «Айрис» как лучший короткометражный британский фильм. В настоящее время он живет в Бейруте и в Лиссабоне.

¹² © Saleem Haddad, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Пение птиц

Все начало проясняться на пляже. После того как год назад повесился Зияд, Айя никак не могла избавиться от тяжелого гнетущего ощущения. Тот страшный способ, который он избрал, чтобы свести счеты с жизнью, лишь усиливал чувство нереальности всего происходящего, она словно угодила в ловушку чьих-то чужих воспоминаний. Но в тот день, когда Айя стояла на берегу в лучах предзакатного солнца, ей показалось, что тот неведомый призрак, который преследовал ее, подобрался к ней особенно близко, будто заполз под кожу и решил поселиться там навсегда.

За спиной Айи под огромным желтым зонтом на песке дремал ее отец. Как и все взрослые, отец много спал, хотя и не так много, как ее мать, которая в последние дни почти не просыпалась. Складывалось такое впечатление, что как только в жизни возникали трудности, взрослые не могли придумать ничего лучше, кроме как провалиться в глубокий сон.

Айя в последний раз оглянулась назад и вошла в воду, оставляя позади себя пляж и все, что на нем происходило: громкую навязчивую музыку, гремевшую из колонок летавших в небе дронов; запах кальяна и жареного мяса; крики детей и полуголые тела, бегавшие по песку или лежавшие распластанными на нем. «Очередной летний день в Газе, от которого не запомнится ничего, кроме головной боли», – подумала она, пока волны мягко плескались у ее голеней.

Она зашла поглубже в спокойную синюю воду и нащупала ногой кусок коралла на плоском песчаном дне. Море было синим, а небо – таким чистым! Когда вода коснулась ее живота, она стала медленно поворачиваться, нежно проводя пальцами по водной глади.

Время в море течет медленнее. Она узнала об этом на уроке в школе: стрелка часов, установленных на уровне моря, движется не так быстро, как стрелка таких же часов на вершине горы. Иногда она думала о том, чтобы подняться в горы и поселиться там. В таком случае ей быстрее исполнилось бы пятнадцать. Время пошло бы быстрее, и она стала по-настоящему взрослой, чтобы делать все, чего ей хотелось. В море же она чувствовала себя пленницей истории и времени.

Но у того, что время в море текло медленнее, была и хорошая сторона: оставаясь здесь, Айя как будто приближала к себе те мгновения, когда она в последний раз видела Зияда. Возможно, если она погрузится поглубже в воду, она сможет найти способ, как ненадолго остановить время, а затем толкнуть его назад к тому моменту, когда он еще не ушел. Возможно, тогда она смогла бы удержать своего старшего брата, спасти от смерти.

Айя легла на спину и закрыла глаза, позволив своему телу дрейфовать в воде. Она слышала пение птиц в небе, их протяжное знакомое щебетание: «Чик-чирик... чирик». Айя погрузила уши в воду и стала слушать рокотание моря. Море, теплое и манящее, в тот день казалось ей игривым, оно лизало ей лицо. Но Айя ощущала, что за этой игривостью скрывалось нечто куда более зловещее. Она представила, как синяя вода проглатывает ее, утаскивает на глубину, пока ее тело не опустится на морское дно рядом с тысячами других тел, которые утонули здесь за все это время.

Возможно, Айя задремала, но внезапно до нее донесся мерзкий запах. Что-то холодное и липкое обвилось вокруг ее шеи. Она открыла глаза и судорожно вздохнула. Вонь исходила от ее шеи, и ее всю передернуло от отвращения. Она схватила то, что обвилось вокруг нее, и оторвала: это был намокший кусок пожелтевшей туалетной бумаги, который развалился прямо в ее пальцах.

Айя отбросила бумагу назад и поднялась из воды. Ее ноги нащупали дно, которое теперь стало пористым и скользким. Вода вокруг была грязного буровато-коричневого цвета. На поверхности плавал мусор и экскременты. Гниющий рыбий скелет проплыл мимо ее правой

руки, время от времени наталкиваясь на пустую банку из-под «Пепси». Слева от нее на поверхности воды плавала какая-то белая пена.

Все ее тело напряглось от сильного рвотного позыва. На горизонте послышался треск выстрелов. Она обернулась на этот звук: четыре или пять артиллерийских катеров появились в море и всем своим видом словно предупреждали ее не пытаться плыть дальше. Айя повернулась назад к пляжу. Но теперь его невозможно было узнать. Вместо многочисленных отелей и ресторанов на берегу виднелись ветхие здания, они стояли очень плотно друг к другу и словно пытались отвоевать себе немного свободного пространства. Над пляжем больше не было разноцветных зонтиков, там висел серый дым, а музыку и веселую болтовню заменили артиллерийские залпы. Даже небо над головой было сурового серого цвета.

– Баба!¹³ – закричала Айя, выбираясь из грязной воды. Она отталкивала в стороны бутылки, клочки туалетной бумаги, пластиковые пакеты, полусгнившие трупы животных. Ее тело постоянно сотрясалось в конвульсиях то ли от приступов тошноты, то ли от рыданий. Острая боль пронзила ее тело, словно кто-то воткнул ей нож в живот.

Она выбралась на берег. Водоросли запутались у нее в волосах, и сама она напоминала морское чудовище, поднявшееся из глубин. Песок был усеян пластиковыми бутылками, горящими крышками, дымящимися обломками. Загорающие тела исчезли. Над ней с ревом пролетел самолет, оставив за собой черный дым, который будто разрезал небо. Прогрохотал взрыв, и Айя упала на землю, почувствовав на языке вкус песка и крови.

– Баба... – захныкала она, почти не слыша себя. Перед ней на песке лежали три человека. Она поползла к ним. Тела были маленькими, слишком маленькими для взрослых. Подобравшись поближе, она поняла, что это были тела трех детей. Они казались спящими, но вокруг них растекались лужи крови, а их руки и ноги были неестественно вывернуты. В ее ушах звенел громкий крик, и Айя поняла, что это кричала она сама.

Айя встала и посмотрела вниз. Струйки крови стекали по ее ногам.

– Вероятно, она испытала шок при виде крови, от этого и упала в обморок, – сказал врач. Айя смутно ощущала, как доктор приложил пластырь к ее лбу. – Иногда юные женщины испытывают сильный страх во время первой менструации. Мать подготовила Айю к этому событию?

Отец Айи замялся.

– Ее матери... нездоровится.

Доктор не стал больше спрашивать его.

– Эти биотерапевтические пластыри залечат рану к завтрашнему дню.

– Хабибти¹⁴ Айя, – сказал отец, глядя ее по волосам, – ты теперь женщина!

– Помнишь, что случилось перед тем, как ты потеряла сознание? – спросил врач.

– Я думала о Зияде... я была в воде и думала о Зияде...

– Зияд – мой сын, – объяснил ее отец. – Брат Айи... он... он умер в прошлом году.

– Там были три мальчика, – сказала Айя, внезапно вспомнив о телах на пляже. – Совсем маленькие... три тела...

– Хабибти Айя, – перебил ее отец.

Врач посмотрел на Айю.

– Три мальчика?

Голова Айи качнулась в движении, отдаленно напоминая кивок.

– Вода была грязная... повсюду – мусор, горящие крышки и... и тела трех мальчиков... рядом с футбольным полем... их руки и ноги были вывернуты и...

¹³ Отец! (араб.)

¹⁴ Моя любимая (араб.)

– Довольно, – вмешался отец. Он обратился к врачу: – День вчера был очень жаркий... наверное, она перегрелась...

Врач кивнул.

– Возможно, пережитое ею потрясение дало о себе знать в самый неожиданный момент.

– Я понимаю, – сказал отец. – Просто... сначала ее мать, потом – брат... – Его голос сорвался.

Врач выписал какие-то таблетки, сказав, что они помогут ей отдохнуть. Той ночью Айя быстро заснула глубоким сном без сновидений. Утром она проснулась с таким чувством, будто выбралась из пещеры, где царила бесконечная тьма. Доктор был прав: за ночь пластырь рассосался, а глубокий порез на лбу зажил. Она долго простояла под горячим душем, а оставшиеся таблетки смыла в унитаз.

Айя оделась и воспользовалась прокладкой, которую дал ей врач. Она вспомнила слова отца: «Ты теперь женщина». Что-то внутри у нее переменялось. Это было своего рода пробуждением. Она чувствовала, как все ее тело и разум охватила странная тревога, которая засела где-то глубоко внутри ее и не давала ей покоя.

В тот день, вернувшись из школы, она застала отца в гостиной, он слушал новости. Вид у него был такой, словно он находился в полудреме: сидел в кресле, смотрел в окно и, казалось, не слушал репортаж, в котором сообщалось о волне самоубийств среди подростков в Палестине.

– Баба?

Отец подскочил на месте и смахнул стакан с чаем, стоявший рядом с его креслом. Стакан упал на пол и разлетелся на мелкие осколки.

– Айя, ты меня напугала! – раздраженно сказал он. Робот-уборщик тут же отреагировал на звук бьющейся посуды – он появился из шкафа и принялся убирать с пола осколки.

– Прости...

Он вздохнул и стал нервно ковырять кутикулы у ногтей.

– Наверное, мне нужно немного вздремнуть.

Айя кивнула. Отец встал и отправился в свою спальню. Он всегда был рассеянным, как будто жил в другом измерении и лишь иногда, для разнообразия, посещал этот мир. Айя не винила его. После того как в прошлом году она увидела висевшего здесь Зияда, в груди у нее словно образовалась дыра и все ее внутренности вывалились, словно катушки с нитками. С той поры бывали дни, когда она чувствовала себя нормально, и ей начинало казаться, что самая страшная боль уже стихла. А потом в самые неожиданные моменты, когда она сидела на занятиях в классе или гуляла по горным тропам, перед ее глазами появлялся образ мертвого Зияда – его безвольно свисавшее тело и наклоненная на бок безжизненная голова.

Айя потрясла головой, пытаясь прогнать из памяти этот образ. Она подошла к двери в комнату матери и открыла ее. Мать, как всегда, спала. В последний раз Айя видела ее бодрствующей, наверное, дней двенадцать назад. Она тогда ненадолго тихонько вышла из своей комнаты и взяла пару инжирин. В коридоре она столкнулась с Айей, и они поговорили пару минут. Мать спросила у Айи, как у нее дела в школе и всем ли она довольна. Айя сказала, что у нее все хорошо, и мать улыбнулась.

– Замечательно, – сказала она, целуя Айю в щеку, а потом вернулась в постель.

Той ночью Айе снилось, что она идет через широкое поле, на котором росли оливковые деревья. Небо было намного ближе к земле, а луна – такой большой и яркой, что все поле сверкало и переливалось, словно море из бриллиантов. Все звуки были очень громкими и четкими: она слышала шелест каждого листка оливы на ветру, и стрекотание кузнечиков было просто оглушающим.

Позади нее послышалось шарканье ног. Она обернулась и тут же узнала знакомую фигуру: высокую, долговязую, с копной спутанных каштановых волос, которая могла принадлежать лишь одному человеку.

– Зияд? – Его имя застряло у нее в горле.

– Это я, – ответил он слишком низким для восемнадцатилетнего парня голосом.

На нем была черная футболка и джинсы. Он казался высоким и сильным, совсем не таким, каким она видела его в последний раз. Айя побежала к нему и бросилась в его объятия, в глубине души ожидая, что он сейчас исчезнет, а она просто упадет на землю. Но вместо этого она врезалась в его тело, которое было твердым и осязаемым. Он обхватил ее руками, и она уткнулась лицом ему в грудь.

– Зияд, это действительно ты! – Она посмотрела в его лицо. Он улыбнулся ей знакомой полуулыбкой, два его передних зуба были немного сколоты внизу.

Она помедлила, а затем спросила:

– Но ты ведь умер?

Он пожал плечами.

– В твоём мире смерть – это не совсем умирание. Думаю, в какой-то степени, это пробуждение.

– Но я видела тебя! Если ты не умер, тогда где же ты был?

– Я... – Зияд замолчал, размышляя над ответом. Он всегда старался как можно точнее описывать свои мысли и чувства. – Я был... за пределами материального. Понимаешь... есть некоторые обязательства...

Неожиданно Айю охватил гнев, ярость, которая копилась в ее душе последние двенадцать месяцев.

– Почему ты это сделал? Неужели ты не любил нас? Не подумал о маме и папе? Не подумал обо мне?

Ее гнев развеселил его. Он стал хихикать, а его глаза превратились в крошечные щелочки.

– Ты смеешься! Ты еще и смеешься, осел! – Она стала бить его кулаками по груди.

– Перестань, хватит! – возмутился он, схватил ее за руки и прижал к бокам. – Все хорошо, – прошептал он ей на ухо, и она заплакала.

Они долго шли через оливковую рощу. Айя была счастлива, что находится рядом с ним, чувствует тепло его тела и даже не возражала, когда он немного стал поддразнивать ее. Она рассказала ему обо всем, что случилось, о том, что она делала. Сообщила все новости о соседях, друзьях и ребятах в школе. Она изображала всех знакомых им людей. Айя уже забыла, как он смеялся, когда она пыталась кому-то подражать, и поняла, что не делала этого с момента его смерти. Некоторое время спустя, когда Айя уже не знала, о чем еще рассказать, они просто пошли рядом молча. Наконец, она задала вопрос, который не решалась задать все это время.

– Значит, ты теперь вернешься? Или это просто сон?

Он какое-то время молчал. Остановился и повернулся к ней. Его лицо стало суровым.

– Ты слышала про аллегорию платоновской пещеры?

Она покачала головой.

– Ладно, не обращай внимания.

– Почему? – поинтересовалась она.

Он посмотрел на небо.

– Как ты думаешь, рыба знает, что она плавает в воде?

Она пожала плечами.

– Мы живем в этом мире, как рыбы в воде. Просто плаваем, не ведая, что она окружает нас. – Зияд вздохнул, а потом слегка толкнул ее руку. – Айя, ты не собираешься просыпаться?

Она проснулась. За окном пели птицы: «Чик-чирик... чирик». Сквозь занавески струился дневной свет. Она вспомнила про оливковую рощу. Даже если все это было сном, этот сон казался ей реальнее ее жизни.

Айя встала, прошла по коридору до комнаты Зияда и открыла дверь. Со дня его смерти здесь ничего не изменилось. На полках все так же стояли кубки за победы его баскетбольной команды, несколько мягких игрушек, в которые он играл еще ребенком. В гардеробе на вешалках висела его одежда, все еще сохранявшая его запах, который, казалось, с каждым днем становился все слабее. Рядом с кроватью лежал роман Франца Кафки, закладкой в котором служил чек из игровых автоматов. На столе стояла фотография их семьи, сделанная пять лет назад. Они все четверо были на пикнике на горе Кармель, а вдали виднелся порт Хайфы.

Айя хорошо помнила тот день: они жарили шашлыки и праздновали начало весны. Это было еще до того, как мама начала много спать, а их жизнь стала такой тяжелой.

Рядом с фотографией был дневник Зияда – простой блокнот в черной обложке. Зияд любил писать от руки, хотя это было намного дольше, чем надиктовывать текст на планшет. Он говорил, что ему нравилась материальная сторона письма, то, как чернила ложатся на бумагу, как медленно движется по листу ручка. Он никогда не любил технологии, не доверял им.

Отец настаивал на том, чтобы никто не трогал вещи Зияда, чтобы все выглядело так, словно Зияд вышел ненадолго купить овощей и скоро должен вернуться. Вопреки голосу разума, Айя взяла дневник и открыла его на последней странице. Она прочитала последнюю запись, сделанную его аккуратным почерком. Он написал это за день до смерти:

У стариков есть традиция рассказывать устные предания о Палестине, чтобы сама Палестина никогда не умерла. Но могло ли случиться так, что они поняли, как с помощью этих историй можно лишить нас свободы? Ведь правда о коллективной памяти состоит в том, что она не может передаваться только хорошим людям. Рано или поздно доступ к ней получают и самые скверные представители человеческого рода...

К ней снова вернулось состояние душающей тяжести. Она закрыла дневник и побрела прочь из комнаты.

Закрыв за собой дверь, Айя вошла в ванную. Она долго рассматривала в зеркало свое усталое лицо и снова подивилась тому, как быстро исчез большой порез на лбу. Она открыла кран и начала чистить зубы и не сразу ощутила скрипящий на зубах песок и привкус земли на языке. Айя выплюнула пасту. Она заметила, что вода, которая текла из крана, была бурой, она с шумом изрыгалась из крана, оставляя коричневые кляксы на белой фарфоровой раковине.

– Баба! – Айя выскочила из ванной и побежала по коридору. Отец с сонным видом выглянул из своей комнаты. – Из крана течет коричневая вода!

Отец пошел за ней в ванную. Она оставила кран включенным, но вода, которая текла из него, была чистой и прозрачной.

– Честное слово, она была коричневой! – Айя поймала взгляд отца. – Клянусь, я это не придумала.

Отец вздохнул и потер лоб.

– Айя, что происходит?

Одного взгляда на отца было достаточно, чтобы поток слез, который она сдерживала где-то глубоко, вырвался наружу.

– Я скучаю по нему, – сказала Айя.

Отец прижал ее к себе.

– Я знаю, хабибти, – прошептал он ей на ухо.

Той ночью Зияд снова появился в ее сне. Они сидели на поляне на вершине горы. Она узнала открывавшийся оттуда вид – именно на этом месте был сделан снимок, когда они вчетвером сфотографировались на горе Кармель. Зияд говорил медленно, уверенно, трогая босыми ногами стебли травы.

– Все кажется таким спокойным. Даже представить себе невозможно, что мы несемся через Вселенную на безумной скорости.

– К чему все эти загадки? – спросила она.

– Я просто хочу сказать, что иногда все бывает совсем не таким, как тебе кажется. Ты ведь знаешь, чему нас учили в учебниках истории. О том, как мы освободили Палестину, как с оккупацией было покончено? – Айя кивнула, и он продолжил: – Так вот, эта оккупация довольно продвинутая. У них есть все эти технологии... позволяющие контролировать и поработать. И Газа, наш дом, стала чем-то вроде лаборатории для экспериментов.

– Но это все в прошлом... – Она сорвала темно-синий цветок и положила его на ладонь. – Мы освободились. Оглянись по сторонам. Мы свободны.

Зияд усмехнулся.

– Ты же знаешь нас, арабов. Мы находимся в ловушке того идеализма, который внушает нам память предков. Эта хранимая в веках память окружает нас, словно вторая кожа.

Зияд сорвал травинку и стал отдиравать от нее листья до тех пор, пока не остался тонкий стебелек, который он раздавил в пальцах. Айя молча наблюдала за ним. Казалось, он был зол, и эта ярость была намного сильнее привычной подростковой вспыльчивости. Этот гнев был мрачнее и глубже, чем все, что ей доводилось видеть. Она видела, как он проступал сквозь черты его лица, как все тело излучало его.

Он бросил смятую травинку за спину и наконец посмотрел на нее.

– Мы – лишь очередное поколение, живущее в плену ностальгии своих родителей.

Айя взглянула на цветок в своей ладони. Всего несколько минут назад она сорвала его. И теперь, когда она внимательно рассмотрела его, что-то в нем показалось ей странным. Темно-синие лепестки отражали солнечный свет особым образом. Она поднесла ладонь к лицу, чтобы лучше рассмотреть цветок.

Лепестки были сделаны из твердой стали, а их края – острыми и зазубренными.

– Разрывные пули, – сказал Зияд, заметив ее удивление. – Они разрываются внутри твоего тела, распускаются, как цветы, внутри плоти.

Пуля скатилась с ее ладони и с тихим звоном упала на землю. Этот звук показался ей таким далеким. Все закружилось у нее перед глазами.

Зияд горько усмехнулся.

– Орудия убийства теперь маскируются под самую жизнь.

Она посмотрела на него.

– Что это значит?

Зияд не стал медлить с ответом:

– Это значит, что решение принимать тебе. Ты можешь остаться здесь, закутавшись в кокон из этих воспоминаний о давно потерянном рае, или вырваться из тюрьмы.

– Так вот что ты сделал?

– Да. – Он кивнул и посмотрел ей в глаза. – Именно так я и поступил.

Он являлся каждую ночь. Айя с нетерпением ждала того момента, когда ляжет спать, чтобы во сне увидеть его. Ее сны стали намного реальнее, чем та жизнь, которую она вела наяву, и бесконечно важнее. Встречаясь с Зиядом, она чувствовала, будто начинает что-то осознавать, хотя и не могла пока сформулировать, что именно.

Наяву отец с тревогой наблюдал за ней. Айя пыталась успокоить его и старалась играть роль обычной девочки-подростка. Однажды она услышала, как отец общается с кем-то по телефону.

– Она такая замкнутая, – шептал он какому-то загадочному человеку на другом конце провода. – Я слышу, как она разговаривает с ним. Я боюсь, что она поступит так же, как он...

Однажды ночью Айя проснулась и обнаружила, что стена в ее комнате разрушена. С потолка свешивалось одеяло для пикника, прикрывавшее зияющую дыру в том месте, где была стена. Именно это одеяло отец часто брал на пляж. А теперь это одеяло использовали, чтобы спрятать разрушенную стену, и в этом было нечто комичное, сродни попытке человека прикрыть малым листочком свой срам. В комнату ворвался сильный порыв ветра. Одеяло задрожало, и Айя увидела силуэт Зияда на фоне звездного неба.

– Это становится все труднее, – сказал он, выходя из-за одеяла.

– Труднее? – Она села на кровати, завернувшись от ветра в стеганое пуховое одеяло.

– Чем больше ты узнаешь, тем сильнее нарушается логика имитационной модели.

Он жестом велел ей встать. Айя надела тапочки и пошла за ним через дыру в стене.

Зияд перепрыгивал с одного бетонного блока на другой, ловко хватаясь за стальную арматуру, торчащую из бетона, и двигался с легкостью опытного акробата. Она следовала за ним, изо всех сил стараясь ему подражать, в конце концов они с тихим стуком спрыгнули на землю.

Их некогда живописный город Газа с широкими зелеными улицами, красивыми домами из белого камня, уютными кафе и антикварными мебельными магазинами, теперь превратился в зону боевых действий. Супермаркет рядом с их домом был разрушен. У некоторых зданий обрушились стены или потолки, и теперь их частично прикрывали разноцветные тряпки – жители этих домов отчаянно старались обеспечить себе хоть немного уединения. Айя видела семьи, которые готовили на улице еду, люди чистили зубы в открытых всему миру ваннах.

– Что случилось? – в ужасе спросила она.

Зияд схватил ее за руку и повел за собой к пляжу. Они дошли до отеля, который располагался на пляже и тщательно охранялся. Зияд подвел ее к зданию отеля сзади, и они пробрались через дырку в заборе из колючей проволоки. Затем они отправились в кафе в саду у моря. Там были пластиковые столы и стулья, а с потолка свешивались горшки с растениями, которые выглядели такими иссохшими, что, казалось, еще немного, и они выскочат из своих горшков и поползут к морю, чтобы напитаться влагой.

– Мы сейчас в отеле, где обычно останавливаются журналисты. Здесь безопасно. Здесь много иностранных представителей прессы, их не будут бомбить, – будничным тоном объяснил он.

Айя немного смутилась из-за того, что на ней были пижама и тапочки. Зияд заказал себе «Пепси», а для нее – апельсиновый сок. Когда принесли напитки, он закурил.

– Ты теперь куришь?

Он пожал плечами и затаился.

– Айя, мир, в котором ты живешь, – имитация.

Она уставилась на него, не зная, что сказать.

– Сама подумай. Несколько десятилетий назад Израиль располагал последними цифровыми технологиями. И основное назначение этих технологий заключалось в укреплении и дальнейшем распространении зоны оккупации. Тебе не кажется нелогичным то, как легко была освобождена Палестина?

– Зияд, ты сошел с ума!

– Людей, которые продолжают сопротивляться, считают сумасшедшими те, кто не способен заглянуть за стены своей тюрьмы.

– Где мы сейчас?

– Это настоящая Палестина, – ответил Зияд, разводя руками. – То, где ты живешь... все, что ты, якобы, знаешь... это просто имитация. Они использовали нашу коллективную память и создали цифровой образ Палестины. Именно там ты и живешь.

Айя напомнила себе, что ей все это снилось, но не могла вспомнить того момента, когда уснула.

– Как только я все это осознал... когда все фрагменты головоломки сложились, я понял, что должен как-то выбираться. И прыгнул навстречу свободе. – Он сделал паузу. – Когда ты убиваешь себя, ты покидаешь искусственную модель.

– Я не понимаю.

– Ты ведь знаешь, что взрослые все время спят, – сказал он, немного оживляясь. – К тем, кто не родился в имитационной модели, воспоминания возвращаются легче. Поэтому взрослые так много спят... им требуется перезагрузка. А нам... мы – первое поколение, которое провело в имитации всю свою жизнь. Мы находимся на пороге новой формы колонизации. И теперь мы должны создать новую форму сопротивления.

– А мама?

Зияд ответил не сразу. Айе показалось, что он с трудом сдерживал слезы.

– Мама не больна, Айя. Не важно, что об этом говорят. Ее мучают сомнения... она хочет сопротивляться... хочет уйти... но не может бросить вас с папой. Поэтому она остается там, пребывая в состоянии между сном и явью. Она знает, что это «право на цифровое возвращение» – нечто не совсем реальное...

Айя почувствовала, как апельсиновый сок застрял у нее в глотке. Зияд обратил внимание на выражение ее лица.

– О чем ты думаешь? – спросил он.

– О твоих словах, о том, что я смогу освободиться, только если умру.

– Ты должна верить мне, я говорю правду.

– А если ты ошибаешься?

Зияд долгое время молчал. Наконец, он затушил сигарету и посмотрел на нее.

– Обрати внимание на пение птиц.

После того как Айя уловила особую закономерность в пении птиц, она уже не могла не обращать на это внимание.

«Чик-чирик... чирик».

Мысленно она считала: «Один. Два. Три. Четыре».

После двух чириков через несколько секунд следовало третье. Четыре секунды молчания, затем схема повторялась.

Тем утром она целый час лежала в кровати и слушала пение птиц. Схема повторялась снова и снова. Ужас медленно расползлся по всему ее телу.

«Теперь ты женщина».

«Чик-чирик... чирик».

Имитация. Она мысленно пыталась себе это представить, но это было почти то же, что стараться нарисовать в своем воображении, что произойдет после конца света, или представить себе всю мощь солнца. Ее разум просто не мог дать ответ на этот вопрос. Думать о своей жизни внутри имитации – это все равно что размышлять о своей смерти. Это было чем-то невообразимым, слишком всеобъемлющим, чтобы пережить нечто подобное.

Позже тем же днем, пока обучающие голограммы что-то бесконечно долго бубнили на уроках, в ушах Айи непрерывно звучали слова Зияда. Если то, что он сказал, было правдой, значит, все окружавшее являлось лишь имитацией.

Она ущипнула себя, и почувствовала боль. Но была ли эта боль реальной?

Она схватила электронную ручку и прижала ее кончик к мягкой коже на запястье. Айя почувствовала резкую боль, когда наконечник царапнул кожу. Она надавила на ручку сильнее, пока не проткнула кожу, а из ранки не появилась капля крови.

«Чик-чирик... чирик».

Вокруг нее послышался вой сирен. Она подняла голову. Обучающая голограмма направила на нее световой луч. Весь класс смотрел на нее. Она взглянула на свою руку – электронная ручка торчала в ее запястье.

– Аааай! – Крики вырывались у нее из груди, но она не знала точно, был ли в них какой-то смысл. Дверь распахнулась, и вбежали четыре медсестры. Ее запястье горело от боли.

– Я даже не знаю, что сказать, – проговорил ее отец, пока они ехали домой.

– Мы настоящие? – спросила его Айя, которая сидела на пассажирском месте, смотрела в окно и рассеянно дергала повязку на руке.

Отец остановился на светофоре и повернулся к ней.

– Посмотри на меня. Тебя зовут Айя. Сейчас 2048 год. Ты живешь в городе Газа. Твой любимый цвет – фиолетовый. – Он сделал паузу и добавил: – Ты – настоящий человек.

– Тогда почему все птицы издают одинаковые звуки?

– Что?

– Пение птиц. Оно одинаковое.

Отец долгое время молчал. Наконец, он заговорил:

– Когда мне было столько же, сколько сейчас тебе, я близко дружил с двумя мальчишками, моими сверстниками. Я жил в Газе, а один из мальчиков – в Тунисе и еще один – в Бейруте. Мы все были палестинцами, из Хайфы, но нас разбросало по миру, как дробь из ружья. Границы и законы не позволяли нам видеться. Мы иногда спрашивали друг у друга: если бы наши деды не бежали из своих домов, словно тараканы, случилось бы так, что мы трое остались соседями? И были бы совсем другими людьми, без этого груза на душе? И каково это – иметь свой дом, чтобы никто не мог оспорить твоего права на него?

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Иногда, чтобы обрести дом, нужно просто сменить свою точку зрения.

На светофоре загорелся зеленый свет, и они снова тронулись с места. Айя посмотрела на парк, где обычно гуляли молодые матери с колясками, а подростки играли в футбол на траве. Но теперь она видела только большую грязную поляну, где группа мальчишек, у которых не было ног или рук, ковыляла на самодельных костылях. У нее перехватило дыхание.

– Айя... – произнес отец.

Она перебила его, но тут же замолчала.

– Не обращай внимания.

Отец смотрел на нее с, казалось, бесконечной грустью во взгляде.

Тем вечером Айя пришла в комнату матери. Та спала на спине, накрывшись одеялом. Айя села на краешек ее кровати.

– Мама, ты меня слышишь? – прошептала она.

Мать не шелохнулась. Айя изучала ее лицо, видела, как слегка дрожат в такт дыхания тонкие волосы в ее носу. Айя просунула руку под одеяло и сжала ладонь матери.

– Я скучаю по тебе, – прошептала она.

На мгновение Айе показалось, что мать тоже сжала ее руку.

Вечером Зияд приехал к ней в инвалидной коляске. Обе его ноги были отрезаны по колено, джинсы заткнуты под бедра.

– Зияд, что случилось? – в панике спросила она. Он как будто похудел, под ногтями была грязь, на джинсах – пятна.

– Они создают здесь нацию инвалидов, – выпалил он с яростью, которая удивила их обоих.

– Кто они? – спросила Айя.

Он с горечью посмотрел на нее.

– Кто же еще?

Он вытащил что-то из кармана в спинке его коляски: камень и длинный кусок резиновой ленты. Положил камень в центр ленты и оттянул ее назад, проверяя на эластичность.

– Должно получиться. – Он посмотрел на нее и улыбнулся своей милой полуулыбкой.

– Что с тобой? – крикнула она. – Зачем ты это делаешь? Неужели до всего этого ты не был счастлив? Даже если все здесь ненастоящее, все равно это лучше, чем оказаться в реальной тюрьме!

Зияд посмотрел на нее со злостью.

– Можешь и дальше жить в мире иллюзий, если хочешь. Но я так не хочу. Одно дело жить в мечтах по доброй воле, но если ты понимаешь, что ты – всего лишь пленник, тебя начинает душировать отчаяние.

– Но посмотри, к чему это привело. Ты стал калекой!

– Мое тело искалечено, но разум свободен. И я буду продолжать борьбу, пока окончательно не освобожусь: телом, разумом и душой.

Тогда она видела его в последний раз. Тринадцать дней назад. Каждую ночь, ложась в постель, она надеялась, что он вернется, но Зияд все не приходил. Возможно, он злился на нее. Она не знала точно. Но если он не был на нее зол, то, возможно, существовало другое, гораздо более зловещее объяснение его отсутствия. Айя старалась не думать об этом. Какова бы ни была причина, она не могла больше продолжать жить так, не зная, что было правдой, а что – ложью, что – реальностью, а что – навязанным ей царством грез.

Без Зияда она не могла больше находить грань между снами и явью. Она чувствовала себя так, словно застряла между двумя радиочастотами. Два мира сливались воедино, и в результате этого слияния появлялось какое-то третье измерение – жуткий ступор чего-то нового.

Поэтому она вернулась сюда. Где все началось, к морю. Она стоит на берегу, вдыхает соленый воздух, который проникает ей в горло, в легкие. Если это правда, и после смерти ничего не будет, если она просто сошла с ума, то, возможно, это тоже не так уж и плохо. Она спрашивает себя, что ею руководит? Цинизм, выросший из ощущения потерянности и предательства, так глубоко въевшихся в ее кровь? Или что-то еще? Возможно, это желание стать свободной, которое захватило ее всю, без остатка?

Она медленно движется вперед, пока вода не начинает целовать кончики пальцев ее ног, тогда она смотрит вниз и, словно дразня волны, предлагает им кусочек своего тела. Они с морем похожи на двух кошек, которые осторожно изучают друг друга. Айя медленно ступает в объятия моря. Волны касаются лодыжек, затем – колен, а потом, когда она идет дальше, и бедер. Вода холодная, и кожа покрывается мурашками. Рюкзак сильно давит на плечи.

Когда вода поднимается слишком высоко, и ей уже тяжело стоять, она пытается плыть, но камни в рюкзаке тянут на дно, и вскоре ее тело скрывается под толщей морской воды. Последний воздух покидает легкие через рот печальными одиночными пузырьками. Ее голова качается из стороны в сторону, пока тело пытается сопротивляться. Волосы обвиваются вокруг шеи, словно костлявые руки старухи. Рев моря в ушах становится оглушающим. Горло сжимает спазм, боль от судороги мучительна, невыносима, она яростно бьет ногами, пытаясь выплыть на поверхность, но камни слишком тяжелые.

Примечание

Посвящается памяти Муханнеда Йонниса, 1994–2017. (Сара Хелм «Самоубийство в Газе», «The Guardian», 18 мая 2018.)

Сюзанна Палмер¹⁵

Сюзанна Палмер (zanzjan.net) – писательница, художница и администратор операционной системы Linux. Проживает на западе Массачусетса. Ее работы регулярно печатаются в журнале «Asimov's Science Fiction», а также в других научно-фантастических изданиях: «Analog Science Fiction and Fact», «Clarkesworld», «Interzone». В 2016 году она получила приз читателей симпатий журнала «Asimov's» за лучшую повесть, а также премию «AnLab» за лучшую короткую повесть. Ее дебютный роман Finder («Искатель») был опубликован в 2019 году, а в 2020 вышло продолжение – Driving the Deep («Путешествие в глубины»).

¹⁵ © Suzanne Palmer, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Рисовальщик на деревьях

Я спускаюсь к воротам, прикладываю к считывающему устройству мой пропуск, прохожу через открывшиеся двери высотой в десять метров и оказываюсь в последнем уцелевшем уголке дикой природы. Я снимаю ботинки у порога и ставлю их на специальную подставку, затем осторожно мою ноги в ванночке с дождевой водой, все еще холодной после ночи. Когда двери закрываются и запираются на автоматический замок, я снимаю одежду. По эту сторону стены больше никого нет, и никто не увидит мою наготу, никто не оскорбит меня и не посмеется надо мной. Я омываю тело из того же резервуара с водой, вздрагивая от ее обжигающе-ледяного прикосновения, после чего снимаю с крючка над подставкой для обуви кусок простой льняной ткани и оборачиваю его вокруг себя. Затем отправляюсь по тропинке искать рисовальщика на деревьях.

Дорога петляет по пологому склону, а потом еще около километра я спускаюсь вниз к поляне на опушке леса. Окружающая меня растительность постепенно меняется: знакомую траву с тонкими острыми стебельками, которая растет у ворот и захватила территорию по всей их длине, сменяют нежные волнистые сине-зеленые травинки, росшие здесь прежде, но затем вытесненные. Я знаю, какими они бывают мягкими под босыми ногами, как они щекочут ступни, но мне также известно, как легко их раздавить и уничтожить, и хотя я осознаю, что однажды все-таки поддамся искушению и пройду по ним, прежде чем они исчезнут навсегда, в этот раз я стараюсь держаться каменистой дороги.

Деревья здесь очень похожи на те, что растут дома, разве что стволы у них гладкие, а ветви расположены симметрично. Их листья широкие, золотисто-зеленые, а на концах каждой ветки располагаются по три раскрытые шишки, которые собирают дождевую воду после гроз и долго хранят ее потом. Если срубить такое дерево, то внутри вы не обнаружите ни колец, ни даже древесины как таковой, только шестиугольники, напоминающие соты, они аккуратно соединены друг с другом, и чем ближе к центру их расположение, тем больше размер. Каждая из этих сот, если ее высвободить, способна создать новое дерево, но все вместе они выполняют другие функции и со временем изменяются под действием внешних факторов, кроме того, положение каждой соты также постепенно меняется внутри общей структуры.

Эти растения прекрасны, как с точки зрения их структурной составляющей, так и в качестве природных объектов. А еще на них можно увидеть всполохи великолепных красок, яркие, аккуратно нанесенные на неглубокие царапины на стволах, они создают сложные гипнотизирующие узоры, которые ни разу не повторяются, и каждый из которых кажется одинаково чарующим. Я могу часами любоваться этими узорами или рассматривать их 3-D изображения в наших архивах, и меня не покидает чувство, что там, в этих линиях, заключен особый смысл, который мне предстоит однажды *постичь*.

Но даже издали я вижу признаки того, что деревья умирают.

Через маленькую долину, извиваясь, течет река, я перехожу через мостик, сделанный из аккуратно подобранных камней, на другую сторону. Я вижу большие гнезда шаров в кронах деревьев, с каждым моим визитом их становится все меньше, и чувствую запах дыма.

Цки разводит костер с помощью одного из таких шаров, аккуратно снятого с дерева и положенного на камни. Теперь шар потрескивает и посвистывает в огне.

Цки видит меня и поворачивается ко мне – у офти нет голов как таковых, все функции, для которых, по нашему мнению, предназначена голова, выполняет их горизонтально расположенное похожее на бугорок тело того же цвета, что и листья над нами. Они ходят на девяти ногах – у Цки трех не хватает, он как-то рассказал мне, что потерял их в результате несчастного случая – эти ноги очень красивы, грациозны, слегка изогнуты дугой и заканчиваются тремя

отростками, которые могут соединяться вместе, превращаясь в опасное острие, или раскрываться веером и выполнять функцию пальцев.

Я сажусь на траву и оказываюсь на уровне его глаз. Какое-то время спустя Цки начинает говорить, издавая серию свистков, щелчков и трелей, значение которых расшифровывает мой имплант.

– Мне так жаль, что Сейе умерла, – говорю я. Имплант тут же переводит мои слова на язык Цки.

– Сейе съела новую траву и заболела, – говорит мне Цки. – Сейе боялась, что мы умрем с голода, когда прежняя трава исчезнет после того, как появилась ваша стена, отделяющая нас от других лугов.

Нет никаких других лугов, поэтому и возникла стена. Ее возвели очень аккуратно, так, чтобы стену не было видно отсюда, из сердца лесной долины, но мы тогда еще не знали, что здешние места населяют разумные древесные жители, которые увидели стену с вершин деревьев. Однако они не могли заглянуть за нее, и это было даже к лучшему.

Цки начинает поворачивать свое тело то в одну, то в другую сторону. Так продолжается несколько минут. Он думает.

– Ваш народ ест эту новую траву? – спрашивает он, наконец.

– Нет, – отвечаю я, потому что это правда.

– Тогда зачем же вы принесли ее сюда?

– Она – часть нашей природной экосистемы, – объясняю я.

– Даже почва и воздух стали теперь другими на вкус, – сокрушается Цки, берет своими крошечными пальцами-лезвиями веточку и тычет ею в костер.

Я молча осматриваю поляну.

– Куда подевались остальные?

– Они пришли в отчаяние, – говорит Цки. – И отправились на поиски надежды.

Мне нечего на это ответить.

– Ты раскрасишь дерево Сейе? – спрашиваю я вместо этого.

– Когда ее гнездо превратится в холодную золу, я смешаю ее с красками, – отвечает Цки. – После этого я начну писать. В прошлом остался мой полдень под теплым голубым небом, когда мы путешествовали к лугу на пяти холмах. Теперь я уже стар, чтобы идти куда-то, да и только Сейе был ведом путь. Но может, ты тоже захочешь пойти?

– Я не могу, – отвечаю я. Да и не было там никакого луга, впрочем, даже если бы он там был, Совет все равно не согласился бы на это. Они стали бы увещевать меня, убеждать, что прогресс возможен лишь при постоянном движении вперед, что лишь ясность мыслей, приверженность своим целям и точность действий позволяют достичь успеха.

Горящее гнездо взрывается, и его некогда замысловатый плетеный каркас превращается в хаос из пепла и золы.

– Это не важно, – говорит, наконец, Цки. – Нас осталось только трое, не считая меня, и когда уйдет последний, некому будет раскрасить его дерево.

Офти снова ворошит костер прутиком, а затем осторожно откладывает его в сторону.

– Завтра, – говорит он.

– Я могу прийти посмотреть?

– Я не в силах тебе помешать, – отвечает Цки.

– А если бы мог, помешал бы?

– Да. Но теперь уже поздно. Вы странный хилый народец и двигаетесь так, словно в любой момент собираетесь упасть, но вместо этого падают все остальные, кто находится вокруг вас и никогда уже не поднимаются, – говорит Цки. – И с нами будет то же самое.

– Да, – отвечаю я. Он очень точно описал нас, какие мы на самом деле и что мы делаем: мы, как зубья шестеренки, все время движемся вперед и исполняем нашу роль, пока не отвалимся, и тогда другие зубья приходят нам на смену.

Я встаю с земли, разминаю ноги, потягиваюсь.

– Значит, до завтра.

Я иду к воротам, не оглядываясь, но мои мысли не дают мне покоя.

Члены Совета ждут звонка, возвещающего о начале заседания, и занимают свои места за столом с поразительной синхронностью, чтобы никто никого не опередил и никто не отстал. Стол круглый и украшен узором из стилизованных медных шестеренок, которые напоминают каждому из членов Совета, что вперед они могут двигаться только вместе со всеми остальными. Именно это позволяет сохранить всеобщую целеустремленность.

«И ненависть», – думает Джоэсла, всматриваясь в лица сидящих напротив нее: каждое из них отражает их праведную моральную несостоятельность.

– Это довольно срочный вопрос. Я предлагаю предпринять все необходимые меры по сохранению уцелевшей популяции офти и окружающей их среды, пока они все окончательно не погибли.

– У нас уже есть достаточное количество образцов, – возражает сидящий слева от нее Таусо. Он – биолог-архивист, и выражение его лица говорит о том, что в ее словах он усматривает критику в свой личный адрес.

– Прощу прощения, я, без сомнения, ценю масштабы вашей коллекции, и то усердие, с которым вы ее собирали, безусловно, поражает воображение, однако я говорю о все еще сохранившейся популяции, – перебивает его Джоэсла.

– Уже слишком поздно, – заявляет Мотас с противоположной стороны стола. В Совете нет единого лидера, но Мотас, непреклонный и строго придерживающийся букве их закона, все равно негласно руководит ими. – Их осталось всего четверо, у них уже нет необходимого для выживания генетического разнообразия, даже если нам удастся изолировать их от терраформирования, происходящего на планете.

– Но благодаря коллекции Таусо мы могли бы улучшить их генофонд, – предлагает Джоэсла.

– До какой степени? Потратить значительные силы и ресурсы и не получить ничего взамен? Ваше предложение является примером отсталого мышления, – говорит Мотас.

– Только не в отношении офти, – возражает Джоэсла. – У них уникальная культура и язык, и мы не должны так поспешно отказываться от них. Я знаю, вы все давно уже не общались с ними, но...

– У офти нет будущего. Они и так уже практически вымерли, это вопрос времени, – перебивает ее Мотас. – Готов ли кто-нибудь из присутствующих поддержать предложение Джоэслы отказаться от наших ведущих принципов ради безнадежного дела?

Многим следовало бы поддержать ее, но никто не станет этого делать. Таусо избегает взгляда Джоэслы. «Ничего удивительного, – думает она с горечью, – он ведь уже заполучил все то, что считал нужным сохранить». Его молчание – это предательство и ее, и самого себя.

– Значит, вопрос решен, – объявляет Мотас. – Далее.

– Далее, – подхватывают участники Совета, одни говорят это с большим энтузиазмом, другие – с меньшим. Таусо молчит, как и Джоэсла, но уже поздно, это слишком мелкий жест в сравнении с той трусостью, которую он проявил ранее, и она не простит ему этот день. Начинаются обсуждения высокоскоростной железной дороги, прогнозов урожайности на подвергшихся обработке землях, планирования следующей волны колонизации; они не могут тратить время на бессмысленные расточительные сожаления одной из участниц Совета.

Над поляной снова поднимается дым. Я иду по тропинке не спеша, напоминая себе, что я лишь наблюдатель и ничего более, но даже если я иду быстрее обычного, кто сможет меня в этом упрекнуть? Ведь здесь никого больше нет.

Цки прыгает вокруг большого костра, неуклюже покачиваясь, то ли из-за отсутствия нескольких ног, то ли от сильного волнения. Ему не нужно ворошить костер прутиком – необузданное пламя бушует ярко, потрескивая и выбрасывая в воздух снопы искр. Сквозь огонь я смутно различаю три предмета – три шара-гнезда.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Проходит несколько минут, прежде чем моему импланту-переводчику удастся расшифровать печальные свистки Цки, наконец, я слышу:

– Другие обошли стену по периметру, вернулись туда, откуда они начали, и не нашли никакого повода для надежд. Они вернулись домой и сожгли себя. Я пытался их остановить, но не смог.

Теперь я понимаю, почему он так неуклюже двигается – часть его уцелевших ног сгорела.

Я не знаю, что делать.

– Сер. Ауса. Иисн. Это их имена, – говорит Цки. – Ауса и Иисн были детьми моих детей. Они должны были прожить долгую жизнь и увидеть мои последние дни, но этого не случилось.

– Мне так жаль, – говорю я.

– Правда? – спрашивает Цки. Пламя по-прежнему бушует, оно уже захватило немного местной травы за камнями, но офти то ли не замечает этого, то ли не обращает внимания. Да и так ли это теперь важно, какая трава горит?

– Я не знаю, – отвечаю я. Сквозь горячий, наполненный дымом воздух я вижу, что Цки уже начал разрисовывать дерево Сейе. Без сомнения, он хотел закончить еще до моего прихода, ему не нужны непрошенные свидетели. Видимо, он занимался этим, когда остальные вернулись, чтобы свести счеты с жизнью, на земле вокруг ствола дерева рассыпаны листья, шишки наполнены разными красками, я вижу серебристые линии на коре дерева, которые едва залиты краской. Но даже незаконченный, этот узор зачаровывает, одного взгляда на него достаточно, чтобы забыть обо всем. Затем я вдруг осознаю, что теперь, когда конечности Цки сгорели, он не сможет закончить свою картину, а мне так и не удастся постичь ускользающий смысл его работ. Мое сердце готово выпрыгнуть из груди, теперь я тоже чувствую ту утрату, о которой предупреждала нас Джоэсла, и словно миллион острых осколков впивается в меня. Слишком поздно, слишком поздно!

– Давай я помогу тебе рисовать? – предлагаю я.

Мне не стоило этого говорить.

– Уходи! – кричит Цки. – Это не для тебя, не для твоих чуждых глаз и мыслей. Это наши воспоминания, мы делимся ими с любовью друг к другу, это наше послание будущим поколениям, а вы уничтожили нас! Уходи и никогда больше не возвращайся.

Я стою там еще некоторое время. Цки не двигается и смотрит на горящий костер, не пытаясь поддерживать его или броситься в него вслед за остальными. Мысль о том, что Цки может спалить рощу после моего ухода, заставляет меня остаться, пока огонь полностью не проглатывает гнезда и пожар на траве не гаснет, оставив на земле неровный черный шрам в три метра длиной – неизгладимый след, на котором никогда больше не зародится жизнь.

Цки издает звук, который мой переводчик-имплант не может расшифровать, возможно, потому что это не слово, а лишь нечленораздельное выражение горя. Я не должен был приходить сюда и задерживаться так надолго. Я знаю, что поступал недалековидно, вступая в подобные беседы с Цки, и нужно было хорошенько подумать прежде, чем приходить сюда, и все-таки я пришел. Я совершаю большую ошибку, нарушаю мои обязательства перед своим народом, позволяя этой диковинной новизне сбить меня с пути.

– Мне очень жаль, – повторяю я и на этот раз ухожу.

Я никуда не сворачиваю с тропинки, пускай моим ногам и хочется в последний раз пройти по траве этой планеты, ведь я вряд ли еще раз вернусь сюда.

У ворот я снимаю льняное полотно, снова омываюсь водой, а когда солнце и легкий ветерок высушивают мою кожу, оставляя после себя приятный холодок, я одеваюсь, беру свои вещи и возвращаюсь к своей реальной жизни.

Ворота открываются, и, несмотря на годы тренировок и преданность нашим идеям и философии, на этот раз я оглядываюсь назад.

Цки идет по тропинке. Он двигается тяжело, видно, как ему больно, а его попытки поспеть за мной все только усугубляют. Мне не стоило оглядываться, нужно отвернуться, пройти сквозь ворота и в последний раз закрыть за собой двери, но у меня не получается.

Цки останавливается в нескольких метрах от меня, едва не падает, но собирается с силами и снова выпрямляется.

– Покажи мне, – говорит он.

– Что? – спрашиваю я его. Я не понимаю.

– Покажи, что сейчас за этой стеной, где когда-то бегали и играли мои дети. Покажи, что вы сделали с моим миром, что у вас есть такого, почему вы лучше нас?

С моей стороны стены – строящийся город, тысячи одинаковых строений для десяти тысяч человек, и все мы смотрим только вперед, туда, куда укажет наш Совет. Здесь нет искусства, нет места индивидуализму, нет ничего уникального, над чем можно было бы сломать голову. Я горжусь этим нашим существованием, горжусь, что являюсь его частью, но это все – только для нас, я не хочу объяснять или высказывать по этому поводу суждения, а также не желаю объясняться перед Советом.

– Нет, – отвечаю я.

– Ты сможешь остановить меня? – спрашивает Цки.

– Да, – говорю я.

– И ты сделаешь это, если возникнет такая необходимость?

– Да, – повторяю я.

– Тогда останови меня, – говорит Цки, обходит меня и направляется к воротам.

Я достаю из сумки маленький пистолет. Все члены Совета носят такие для защиты, а также для тех моментов, когда мы вынуждены вершить правосудие. Я никогда не пользовался им, только во время тренировок. Твердый металл приятно ложится в мою ладонь, и этим пистолетом я убиваю Цки.

Он весь сжимается и замирает. Без движения он становится просто вещью, обломком, пережитком старого мира, который будет полностью переделан. Теперь я могу повернуться к нему спиной, пройти через ворота и возвратиться в наш город, вновь стать верным и преданным носителем передовых идей.

* * *

Прозвенел звонок к началу заседания, и Джоэсла выступает с очень короткой речью.

– Офти вымерли, – сказала она. – Трое уцелевших принесли себя в жертву, последний с серьезными ожогами найден мертвым у внешних ворот. Я советую провести некропсию и определить причину его смерти.

– Скорее всего он тоже совершил самоубийство? – предполагает Мотас.

– Мы могли бы узнать что-то новое...

– Советник Таусо, есть ли какие-нибудь биологические или поведенческие данные, которыми мы пока не располагаем и которые можно было бы получить при исследовании данной особи? – спрашивает Мотас.

У Таусо несчастный вид. Его глаза воспалены, как будто он плакал, хотя никто не спрашивал его об этом, однако на его месте никто бы и не признался в подобном. Слезы – пережиток прошлого.

– Нет, – говорит он едва ли не шепотом, а затем повторяет громче и тверже: – Нет.

– В таком случае что вы предлагаете нам выяснять в процессе данной процедуры, советник Джоэсла? Да, он умер раньше, чем мы предполагали, но этот процесс в любом случае был неизбежен, а причина гибели абсолютно ясна.

«Я хочу понять, почему он прополз весь этот путь, несмотря на сильные ожоги, почему решил умереть у наших ворот», – хочет сказать Джоэсла, но, как ей ни горько это осознавать, Мотас прав. Офти был стар и серьезно ранен. Они ничего этим не добьются, а предсмертных желаний офти все равно теперь не узнать. Поэтому она говорит:

– Мне казалось, это необходимо для полноты информации.

– Мы примем к сведению ваше предложение, – говорит Мотас. – Кто-нибудь готов поддержать его?

Далее следует замешательство, члены Совета переглядываются, отводят глаза и в конце концов, как и следовало ожидать, не находится ни одного желающего поддержать Джоэслу.

– Встает вопрос о роще и окружающих ее землях, – говорит Авель, сидящий справа от Джоэслы. – Мы предлагали оставить там все как есть, превратить это место в историческую достопримечательность, которая также будет использоваться в образовательных целях. Если мы действительно хотим так поступить, то нужно действовать сейчас, пока трава и деревья не исчезли окончательно; понадобится всего неделя или две, чтобы покрыть каждое растение индивидуальной оболочкой и законсервировать в их нынешнем состоянии.

– Но это же такая пустая трата территории, которую можно было бы использовать намного продуктивнее, – высказывается Банад.

– Я буду голосовать за консервацию, – говорит Джоэсла.

– И я тоже, – добавляет Таусо.

Мотас обращается к Авелю:

– Я предлагаю вам подробнее рассказать о проекте консервации на следующем нашем собрании, чтобы мы могли оценить все его достоинства и объективно рассчитать затраты. Банад, если у вас есть альтернативное предложение, то нам нужно получить от вас подробную информацию и объективное обоснование, почему вы считаете подобное использование территории более приемлемым. Кто-нибудь готов меня поддержать?

Таусо кивнул и сглотнул слюну.

– Я, – сказал он.

– Замечательно. Далее, – заявил Мотас, и они приступили к обсуждению других вопросов.

Роща не изменилась с моего прошлого визита сюда, но теперь в ней так пусто.

Уже несколько недель здесь не было дождей – с развитием наших ферм наполненные влагой облака нужны в других местах – поэтому пепел трех сгоревших гнезд до сих пор не смыло водой. Я обхожу их и приближаюсь к тому месту, где Цки разложил свои листья с краской, и сажусь напротив них, смотрю на деревья – их здесь так много – на лес за ними. Многие деревья лишь недавно были покрыты краской, но на большинстве уже почти выцвели узоры, нанесенные в память о тысячах ушедших поколений.

Я до сих пор не могу понять, что меня так сильно во всем этом привлекает. Как это грубое, примитивное, *непередовое* искусство может казаться таким живым, современным, проникновенным. И при этом абсолютно чуждым. Возможно, что это просто акт поминовения усопших, в то время как у моего народа не принято скорбеть, горевать, вспоминать тех, кто

уже никогда не станет частью будущего, ведь это является образцом самого глупого и отсталого мышления.

Но тем не менее эти раскрашенные деревья продолжают притягивать меня, и они по-прежнему здесь; Цки всегда был главным препятствием, не позволявшим мне спокойно в полной мере насладиться их видом. Впрочем, теперь, без офти, все будет иначе, теперь они наши. Мои.

При мысли об этом я испытываю чувство гордости и облегчения, а также глубокого стыда, которое накрепко засело в глубине моей души. Вина – отсталое чувство, и я отрицаю стыд, даже если мне и не удастся от него полностью избавиться. Вместо этого я обнаруживаю, что чем больше я изучаю деревья, тем больше мне кажется, что узоры на них насмеваются надо мной, навсегда скрывшись от моего понимания. Вероятно, Цки специально пошел за мной и заставил убить себя, так как знал, что подобным образом лишит меня возможности разгадать их смысл.

Но самое ужасное – это незавершенный мемориал на дереве Сейе. Я должен был остаться здесь в тот день и заставить Цки вернуться к работе, закончить это последнее дерево, чтобы оно было завершено, и тогда я ушел бы удовлетворенный тем, что ничего не пропустил и не потерял. Но теперь оно изуродовано, как был изуродован и Цки, который виноват в том, что так случилось.

Ну что же, пора двигаться вперед.

Я не переоделся и не оставил свои вещи у ворот; я не боюсь принести с собой микроорганизмы, которые навредят тому, что и с функциональной, и с административной точки зрения уже мертво. Я достаю из сумки синюю краску, которую сделал в одной из наших лабораторий по автоматическому воспроизводству. Сравнив ее с синей краской Цки на листе, я вижу, что моя – темнее и совсем другого оттенка. Но она достаточно похожа на оригинал! Синий – это синий. Я наношу ее на пальцы и втираю в дерево Сейе, прижимаю кончики пальцев к царапинам, сделанным Цки, пока, наконец, тяжело дыша от напряжения, не отхожу назад, чтобы восхититься своим достижением.

Я вижу только грязь, мешанину красок, лишнюю какой-либо художественной ценности.

Я несколько раз глубоко вздыхаю, а затем возвращаюсь к работе и пробую еще раз, на этот раз использую ногти, а не подушечки пальцев, пытаюсь вести ими непрерывно вдоль линий, стараюсь понять, как это нужно делать. Я обдираю ногти и несколько капель крови попадает в мою банку с краской, прежде чем окончательно сдаюсь и отхожу в сторону, видя, что все еще больше испортил.

Я не понимаю, как я – я! – не сумел справиться с такой простой задачей, которую так легко постигло и исполняло какое-то вымершее животное, обитавшее на холме среди травы?! Самонадеянность высшего существа подвела меня, я думал, что потренировавшись на дереве Сейе, я смогу напоследок раскрасить и дерево Цки, и никто никогда не узнает, что это был я. И таким образом я оставляю свой след, и люди, которые придут сюда много поколений спустя, будут вспоминать *меня*, пусть и не зная, что это сделал я. И тогда я перестану быть безликим зубцом на шестеренке, которая непрерывно крутится вперед, вместе со всеми остальными, сопротивляясь отсталости, а стану зафиксированной точкой в пространстве и времени.

В эту секунду я чувствую, что смог лишь обессмертить свою глупость, навеки сведя на нет все, чего я действительно достиг, все, чего добился, превратив это в насмешку. В ярости на себя, на Цки за то, что вынудил меня так поступить, на целую планету, я отбрасываю банку с краской. Я закрыл ее, но она так удачно (или неудачно?) ударяется о камни и рассыпается на осколки, что капли краски летят во все стороны: не только на тот кошмар, в который я превратил дерево Сейе, но и на остальные деревья.

– Нет! – громко кричу я и падаю на колени в умирающую траву. Ярость и гнев полностью поглощают меня.

Джоэсла стоит неподвижно, с трудом сдерживая желание начать переступать от нетерпения с ноги на ногу, и ждет, когда явятся остальные члены Совета. Она пришла рано, но не раньше всех. Банад уже здесь, он прижимает к груди планшет с отчетом, как будто стремится защитить свои амбиции от ее осуждающего взора. Джоэсла приготовила свои аргументы, чтобы поддержать Авеля на случай, если его проект окажется недостаточно убедительным в сравнении с тем, что предложит Банад. «Так много всего уже безвозвратно утрачено, – думает она, – но я должна спасти хотя бы частичку того, что еще осталось».

Один за другим появляются остальные, и все хранят молчание. Ей хочется думать, что это происходит от осознания того, какой непростой день ждет их впереди.

Точно по расписанию двери снова раскрываются, и появляется Мотас. Обычно он вышагивает тяжелой, невыносимо официозной поступью, но сегодня он двигается довольно быстро, и есть в его лице нечто особенное, непривычное. Пока Джоэсла пытается разобраться в его поведении и понять, какие новости это может предвещать, она обращает внимание еще на одну деталь: его руки по необъяснимой причине покрыты синей краской.

– Мотас... – начинает она свой вопрос, но он морщится, услышав свое имя.

За его спиной появляется Таусо – последний из членов Совета. Он вбегает в зал, тяжело дыша, его лицо покраснелось и покрыто потом, в то время, как лицо Мотаса бледно.

– Роща офти! – кричит он. – Она в огне! Это поджог! Весь лес полыхает!

Все оборачиваются, когда раздается звонок, возвещающий о начале заседания. Сквозь двери за спиной Таусо в комнату проникает едкий запах дыма, и этот призрак с важностью незваного гостя, явившегося изобличить убийцу, словно саван, окутывает собой дрожащего Мотаса.

Карин Тидбек¹⁶

Карин Тидбек (karintidbeck.com) живет в Швеции в городе Мальмё, пишет рассказы, романы и сценарии для интерактивных квестов на шведском и английском. Ее литературный дебют состоялся в 2010 году, когда она выпустила сборник рассказов на шведском языке – Vem är Arvid Pekon? («Кто такой Арвид Пекон?»). Ее дебютный сборник на английском языке «Джаггернаут», вышедший в 2012 году, принес ей «Премию Кроуфорда», был включен в шорт-лист «Всемирной премии фэнтези» и в почетный список «Премии Джеймса Типтри-младшего». Ее роман Аматка («Аматка») в 2018 году вошел в шорт-листы премий «Локус» и «Prix Utopiales». Недавно писательница выпустила свой новый роман – The Memory Theater («Театр памяти»).

¹⁶ © Karin Tidbeck, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Последний вояж Скибладнир

В пассажирской каюте что-то сломалось. Сага со всех ног спешила по узким коридорам и лестницам, ведущим вниз, но стюард Аавит все равно выразил свое недовольство, когда она пришла.

– Вы здесь, – сказала он, щелкая своим клювом. – Наконец-то.

– Я старалась побыстрее, – начала оправдываться Сага.

– Вы слишком медлительны, – заметил Аавит и резко развернулся к ней спиной, так что мелькнули шпоры на его ногах.

Сага последовала за стюардом через комнату отдыха, где несколько пассажиров коротали время за настольными играми, чтением книг и игрой в бильярд. Сегодня почти все они были людьми. У «Скибладнир» не было окон, но стены в пассажирских отсеках украшали причудливые виды. Там был сосновый лес, где с деревьев, словно фрукты, свешивались блестящие сферы; утес над бушующим океаном; пустыня, где солнечные лучи нещадно опалили песок. Саге нравилось рассматривать эти картины, когда она спускалась вниз по каким-то делам. Наверху стены ничем не украшались.

Сагу вызвали починить что-то в одной из маленьких кают. Панель техобслуживания рядом с кроватью была открыта, из нее свешивался клубок проводов. Электричества в каюте не было.

– Кто это сделал? – спросила Сага.

– Возможно, пассажир, – ответил Аавит. – Просто почините.

Когда стюард ушел, Сага осмотрелась. Судя по всему, здесь путешествовал настоящий педант: почти все личные вещи были убраны. Сага заглянула в один из шкафчиков и увидела аккуратно сложенную одежду, а сверху – шляпу. В маленьком деревянном ящичке лежали предметы, похожие на дешевые сувениры: брелок для ключей, снежный шар, бусины на цепочке. Открытая панель явно выбивалась из общей картины.

Сага посветила фонариком на безобразии, творившееся за открытой дверцей. За проводами лежал предмет, напоминающий толстую трубку. Из-за нее провода и вывалились наружу. Сага проверила и убедилась, что ни один из проводов не был разорван, затем просунула палец внутрь и коснулась трубки. Она была теплой и слегка прогнулась под нажатием. В трубке ощущался замедленный пульс «Скибладнир». Сага убрала руку. Странно, что фрагмент «Скибладнир» оказался внизу, в каюте, он не должен был находиться здесь. Она снова закрепила все провода, убрала их на место, закрыла дверцу и заклеила ее скотчем. Ничего другого ей не пришлось в голову. Ее основная работа заключалась в том, чтобы закреплять оторвавшиеся детали и заклеивать их скотчем.

Послышался сигнал к отбытию, нужно было пристегнуться. Сага поднялась вверх, в свою каюту в отсеке техобслуживания. Воздух здесь был влажным и теплым. Но, несмотря на жару, когда Сага делала выдох, изо рта у нее иногда появлялись густые облачка пара. В этом заключалась одна из особенностей «Скибладнир», она была как-то связана с тем, что происходило снаружи, когда корабль плыл среди измерений.

На нижних этажах находились пассажирские и грузовые отсеки, все остальное занимало тело «Скибладнир». Каюта Саги располагалась прямо над пассажирскими отсеками, чтобы она могла быстро спуститься в любую из кают и починить какую-нибудь поломку. Поломок было много. «Скибладнир» была уже старой. Электричество работало не везде, время от времени засорялся водопровод. Процесс самозаполнения цистерн в трюме происходил нерегулярно, и грузовую палубу периодически затапливало. Иногда корабль отказывался перерабатывать мусор и оставлял его гнить в мусоропроводах, тогда Саге приходилось собирать его и выбра-

сывать при следующей посадке. Когда Саге не нужно было что-нибудь чинить, она проводила время в своей каюте.

Маленькая комнатка служила ей и спальней, и гостиной, здесь были койка, небольшой стол и стул. На столе стоял маленький пузатый телевизор с окошком для видеокассет внизу. На закрытой полке над столом хранилось двенадцать видеокассет с двумя сезонами сериала «Станция «Андромеда»». Их оставил здесь тот, кто работал до нее.

Сага легла на кровать и пристегнулась. Корабль сильно качнуло. Затем со стоном он преодолел барьер и свободно поплыл в вакууме, тогда Сага встала с кровати. Когда она первый раз оказалась на корабле, Аавит объяснил ей все, хотя кое-что она не до конца поняла. По его словам, корабль проникал в океан, который находится под другими мирами, и плыл по нему до пункта назначения. Точно так же тюлени плавают от одного отверстия во льду до другого, время от времени выныривая на поверхность, чтобы подышать воздухом, объяснил ей Аавит. Сага никогда не видела тюленей.

«Станция «Андромеда»» заглушила гудение корабля, путешествующего между мирами, и в какой-то момент ей показалось, что она снова вернулась к нормальной жизни. Да, сериал на самом деле был дурацким, в нем рассказывалось о космической станции, которая стала центром дипломатических встреч, регулярно подвергалась нашествию инопланетных рас или становилась ареной для внутренних конфликтов и так далее и тому подобное. Но он напоминал Саге о доме, о том, как она смотрела телевизор с друзьями, пока не продала себя и не стала обслуживать круизный лайнер. Здесь не было ни телефонов, ни компьютеров, поэтому сериал стал ее единственным развлечением.

Сезон 2, эпизод 5: «Знакомый дьявол».

На станции появляются представители расы, имеющие зловещее сходство с демонами из человеческой мифологии. Сначала все приходит в ужас, пока капитан не узнает, что эти «демоны» – большие поклонники поэзии и общаются с помощью эпитетов и метафор. Вскоре после этого находящиеся на станции поэты выступают в роли переводчиков и заключают торговое соглашение.

Во сне гудение «Скибладнир» напоминает тихую песню. Саге, как всегда снилось, что она летела сквозь космос, который на самом деле даже не являлся космосом, кружилась в вихрях и потоках, и со всех сторон ее окружали цвета, да такие, что она не могла описать словами. Ее охватывала дикая невыразимая радость. И она проснулась, обливаясь потом и переполненная неведомыми эмоциями.

В следующем пункте прибытия Сага вышла из корабля, чтобы помочь инженеру Новичку осмотреть корпус корабля. Корабль «Скибладнир» материализовался на конструкции, напоминавшей неглубокую тарелку под пурпурным небом. Песчаная почва была усеяна ракушками и скелетами рыб. Сага и Новик пробрались сквозь поток пассажиров, которые садились на корабль и сходили с него; портовые рабочие тащили к шлюзам какие-то ящики.

Сага один раз видела прибытие «Скибладнир», когда она в первый раз приступила к работе на корабле. Сначала ничего не было, а потом вдруг появился корабль – тяжелый и прочный, и казалось, что он находился здесь все это время. Со стороны корабль напоминал высокое узкое офисное здание. Бетон был весь во вмятинах и прожилках, а все окна закрывали стальные пластины. Из крыши, словно стебли растения, торчали клешни и ноги «Скибладнир» и легко покачивались на неосязаемом ветру. У здания не было ни окон, ни дверей, единственным входом служили главные ворота, через которые все и проходили. Из шлюзового отсека в фойе нужно было спуститься по лестницам, чтобы попасть на пассажирскую палубу. Саге же

нужно было подняться по винтовой лестнице, которая вела в машинный отсек и служебные помещения.

Новик отступил на несколько шагов назад и принялся рассматривать корпус корабля. Он был высоким бородатым мужчиной в синей спецовке. За пределами корабля он выглядел чуть менее импозантным, чем в его чреве. Он повернулся к Саге. При дневном свете его серые глаза казались почти прозрачными.

– Вот здесь, – сказал он, указывая на участок в двух ярусах над ними. – Нужно быстренько подлатать тут.

Сага помогла Новичу настроить лифт, который находился сбоку корабля, и поворачивала рукоятку лебедки до тех пор, пока они не добрались до поврежденного участка. Это была всего лишь маленькая трещина, но достаточно глубокая, чтобы сквозь нее Сага смогла увидеть нечто, напоминающее кожу. Новик, кряхтя, заглянул внутрь, после чего поручил Саге держать ведро, а сам стал замазывать трещину толстым слоем шпаклевки.

– Что там внутри? – спросила его Сага.

Новик похлопал рукой по бетону.

– Ну все, – сказал он. – Теперь ты снова в безопасности, моя дорогая.

Он повернулся к Саге.

– Она постоянно растет. И совсем скоро это может привести к проблемам.

Сезон 2, эпизод 8: «Неестественные отношения».

У одной из жещин-офицеров на станции завязываются отношения с представителем силикатной инопланетной формы жизни. Однако их любовь обречена: офицер входит в биосферу своего возлюбленного и снимает свой дыхательный аппарат, чтобы заняться любовью. Через две минуты она погибает.

Той ночью Саге приснилось силикатное существо: оно было похоже на паутину, а его голос напоминал шум волн, разбивающихся о берег. Оно пело ей; Сага проснулась еще до того, когда должно было закончиться ее время для сна, и все еще слышала песню. Она приложила руки к стене. Бетон был теплым.

Ей всегда хотелось пережить какие-нибудь приключения. Она мечтала об этом с детства. Пересматривала телесериалы вроде «Станция «Андромеда»» или «Рубеж Сириуса» и фантазировала о том, что однажды станет астронавтом. Она интересовалась, что нужно делать, чтобы воплотить свою мечту в реальность. Для этого требовалось много и усердно работать, учиться, достичь умственного и физического совершенства. Но Сага не обладала всеми этими качествами. Она просто умела чинить разные предметы. Космос так и должен был остаться для нее лишь далекой мечтой.

Появление кораблей-крабов прервало борьбу за внешний космос. Эти корабли путешествовали не через космос, а в каком-то другом измерении, находившемся между мирами. Сначала возникла паника, но когда она утихла и были преодолены языковые барьеры, произошло подписание торгового соглашения и налажены дипломатические связи. Одаренные, богатые и амбициозные отправились на этих кораблях в далекие края. А люди вроде Саги продолжали жить и мечтать, что однажды они тоже покинут свой дом.

Затем один из кораблей-крабов материализовался в деревне Саги. Вероятно, случайно, из-за ошибки в навигации. Из корабля вышла команда и вывела какого-то парня, который упал на землю, кашляя и давясь. Длинноногое существо с птичьим клювом, говорившее со странным резким акцентом, спросило у собравшихся людей, умеет ли кто-то из них чинить разные предметы. Сага вышла вперед. Высокий человек в синей спецодежде посмотрел на нее своими холодными серыми глазами.

– Что ты умеешь делать? – спросил он.

– Все, что понадобится, – ответила Сага.

Мужчина взглянул на ее мозолистые руки, на полное решимости лицо и кивнул.

– Ты подойдешь, – сказал он. – Ты подойдешь.

Сага едва успела попрощаться с родными и друзьями, а затем прошла через ворота, ни разу не оглянувшись назад.

Со временем вся эта магия потеряла свое очарование. Теперь это было просто ее работой: чинить электропроводку, заклеивать скотчем люки, время от времени выбрасывать мусор, когда засорялась канализация. Здесь постоянно все ломалось. Изю всех кораблей, которые путешествовали между мирами, «Скибладнир», возможно, был самым старым и ветхим. К тому же он не летал в какие-нибудь интересные места, только в пустыни, маленькие города и на острова, находившиеся вдали от цивилизации. Стюард Аавит часто жаловался, что он достоин лучшей работы. Пассажирам не нравились условия проживания и невкусная еда. Единственным, кого все устраивало, был Новик. И он называл краба не «оно», а «она».

Во время следующих остановок перебои с электричеством случались все чаще и чаще. Каждый раз живые трубки переплетались с проводами, и это приводило к замыканию. Сначала это происходило только на верхнем пассажирском уровне. Затем проблема возникла на другом уровне. Как будто «Скибладнир» пыталась заполнить собой весь корпус. Раньше это были только щупальца. Затем Сагу позвали вниз починить электропроводку в одной из пассажирских кают, где лампочка на потолке начала мигать. Она открыла панель техобслуживания и увидела, что на нее смотрят глаза. Зрачки были большими и круглыми, а радужная оболочка – красной. Глаза глядели на нее с интересом. Она махнула перед ними рукой. Глаза отследили ее движение. Аавит говорил, что «Скибладнир» – просто тупое животное. Но глаза, смотревшие на Сагу, не казались ей тупыми.

Сага поднялась наверх, прошла мимо своей каюты и постучала в дверь инженерного отсека. Она долго ждала, пока дверь, наконец, открылась. Инженер Новик нагнулся и выглянул из-за двери. Его лицо было вымазано чем-то темным.

– Что тебе нужно? – спросил он, но его голос не был злобным.

– Кажется, что-то произошло, – ответила Сага.

Новик последовал за ней вниз в пассажирскую каюту и заглянул в щиток.

– Это серьезно, – проворчал он.

– Что это? – спросила Сага.

– Поговорим потом, – сказал Новик и пошел прочь.

– Что мне делать? – крикнула ему вслед Сага.

– Ничего, – ответил он, не оглядываясь.

Новик не закрыл за собой дверь в капитанскую рубку. Сага остановилась около нее и стала слушать. Она никогда не видела капитана – та все время сидела в своей рубке и выполняла свою капитанскую работу. Саге только доводилось слышать ее глухое контральто.

– Нам нельзя рисковать, – сказала из-за двери капитан. – Может, удастся еще какое-то время продержаться? У вас есть возможность оборудовать еще несколько кают? Получится немного расшириться?

– Этого будет недостаточно, – ответил Новик. – Она скоро умрет. Послушайте, я знаю место, где мы можем найти новый панцирь.

– И как вы собираетесь это сделать? Это же неслыханно! Оно живет здесь с юных лет и умрет здесь же. Только дикие крабы способны менять панцири.

– Я смогу убедить ее в необходимости перемен. Я в этом уверен.

– И где это место?

– В заброшенном городе, – ответил Новик. – Это нам не по пути, но мы должны полететь туда.

– Нет, – возразила капитан. – Лучше продадим его. Оно не переживет подобный обмен, и я буду разорена. Если это существо так разрослось, я должна продать его тому, кто сможет разобрать его на части.

– Послушайте, это ее единственный шанс, – сказал Новик. – Пожалуйста, не отдавайте ее какому-нибудь мяснику.

– Вы слишком привязались к нему, – возмутилась капитан. – Я продам его, а на вырученные деньги куплю новый корабль. Нам снова придется начинать с малого, но мы уже это проходили.

Сезон 1, эпизод 11: «Туземцы беспокойны».

На нижнем уровне станции «Андромеда» обитают неумице: авантюристы, которые не нашли то, чего искали; купцы, которые потеряли свой товар; наркоманы и несостоявшиеся пророки. Они объединяются под началом лидера, обещающего свергнуть режим станции. Они просачиваются на верхние уровни, убивая и грабя всех на своем пути. Охрана стреляет в них. Посреди всей этой резни встречаются капитан станции и лидер повстанцев. «И это того стоило?» – спрашивает капитан. «Это всегда того стоит», – отвечает бунтовщик.

Сага спала, когда в ее дверь постучали. На пороге стоял Новик, его лицо было встревоженным.

– Пора тебе увидеть ее, – сказал он.

Они пошли по длинному коридору из каюты Саги в инженерный отсек. Ей показалось, что пространство стало меньше, чем прежде, как будто стены приблизились друг к другу.

Когда Новик открыл дверь в конце коридора, в лицо ей ударил теплый воздух и запах меди.

Сага представляла себе, что окажется в огромной темной пещере. Однако Новик провел ее через лабиринт из труб и проводов разной толщины, которые переплетались с какими-то усиками, состоящими из сероватой субстанции и похожими на те, что она находила в электроцитах внизу. По мере того как они шли вперед, усики становились все толще: они начали напоминать веревки, а затем и кабели. Коридор все сужался, и, в конце концов, пространство стало таким узким, что Новик и Саге приходилось передвигаться боком.

– Вот здесь, – сказал Новик, и внезапно коридор расширился. В машинном отделении виднелись какие-то очертания – они не были освещены, и их форма просматривалась лишь смутно. Изгибы серой субстанции, на которой поблескивал переплетенный с ней металл. Пол затрясся от трех медленных ударов. Затем послышался влажный звук, как будто что-то зашевелилось.

– Это она, – сказал Новик. – Это – Скибладнир.

Он осторожно взял руку Саги и положил ее на серый выступ. Субстанция под ее пальцами была теплой, и она пульсировала: один-два-три, один-два-три.

– Здесь я с ней взаимодействую, – объяснил Новик.

– Взаимодействуете? – удивилась Сага.

– Да. Мы разговариваем. Я сообщаю ей, куда плыть. Она рассказывает мне, что она чувствует. – Новик нежно похлопал по серой коже. – В последнее время ей нездоровится. Она выросла слишком большой для своего панциря. Но она не рассказывала мне, насколько плохо обстоят дела. Я все понял, когда ты показала, как сильно она проросла в пассажирскую палубу.

Один-два-три, один-два-три – стучал пульс под рукой Саги.

– Я знаю, что ты подслушивала, – продолжал Новик. – Капитан и стюард хотят отдать ее кому-нибудь на мясо. Она старая, но не настолько старая. Мы еще можем найти для нее новый дом.

– Я могу пообщаться с ней? – спросила Сага.

– Она говорит, что ты уже делала это, – ответил Новик.

И Сага услышала его: голос, похожий на шум разбивающихся о берег волн, голос, который она уже слышала во сне. Перед ее глазами тут же возник бескрайний океан, а она плыла в нем сквозь тьму от одного острова к другому. Вокруг нее был панцирь, слишком тесный, неудобный. Все ее тело болело. Ее конечности и усики распухли и затекли.

Новик положил ей руку на плечо, и это заставило Сагу вернуться в моторный отсек.

– Вот видишь? – спросил он.

– Мы должны спасти ее, – сказала Сага.

Новик кивнул.

Они остановились на краю большого захламленного города под темным небом. Вокруг была пустыня, усеянная обломками старых кораблей: конструкции вроде панциря «Скибладнир», растрескавшиеся цилиндры, сломанные диски и пирамиды.

Они высадили всех пассажиров и полностью разгрузились еще на предыдущей остановке. Остался только костяк команды: капитан, стюард, Новик и Сага. Они собрались в шлюзовом отсеке фойе, и Сага впервые увидела капитана. Она была высокой и вся состояла из теней и странных углов, а ее лицо казалось настолько подвижным, что Саге никак не удавалось толком рассмотреть ее. И о том, что перед ней женщина, она догадывалась только по ее тихому контральту.

– Пора встретиться с механиками, – сказала капитан.

Новик сжимал и разжимал кулаки. Аавит косился на него холодным взглядом и щелкал клювом.

– Вы должны понять, что это самое благоразумное решение, – сказал он.

Воздух стал холодным и разреженным. Новик и Сага надели маски, Аавит и капитан не стали этого делать. Плащ капитана задрожал на ледяном ветру, который поднял в воздух облако мелкой пыли.

Среди развалин стояло приземистое офисное здание. Когда они приблизились к нему, двери раздвинулись. Внутри была маленькая комната, загроможденная каким-то оборудованием. Воздух здесь был теплее. В противоположной стороне комнаты открылась еще одна дверь, и капитан направилась к ней. Когда Сага и Новик попытались последовать за ней, Аавит поднял руку вверх.

– Ждите здесь. – Его голос был едва слышен в разреженной атмосфере.

Дверь закрылась за ними.

Сага посмотрела на Новика, а он – на нее. Затем он кивнул. Они развернулись и побежали к «Скибладнир».

Пока они бежали, Сага время от времени оглядывалась. Они были уже на полпути к кораблю, когда она увидела, что капитан вышла из офисного здания – издали она напоминала большой комок измятой ткани, который передвигался по земле волнообразными и невероятно быстрыми движениями. Сага бросилась бежать со всех ног.

Едва они забежали внутрь, как Новик с грохотом захлопнул за собой двери и, повернув большое колесо, заблокировал их. Они ждали, казалось, целую вечность, пока откроется воздушный шлюз. Что-то тяжело ударялось в дверь снова и снова, и эти удары всякий раз заставляли их вздрагивать. Наконец, воздушный шлюз открылся. Новик сорвал маску. Его лицо было бледным и мокрым от пота.

– Они все равно найдут способ сломать двери, – сказал он. – Мы должны действовать быстро.

Сага последовала за ним вверх по винтовой лестнице через коридоры в машинный отсек. Пока она стояла, упершись руками в колени, и пыталась отдышаться, Новик подошел вплотную к серой массе Скибладнир и уткнулся в нее лицом. Она со вздохом окутала его. Завыла сирена – это был сигнал к отлету.

Сага впервые оказалась непристегнутой во время перехода через барьер. Пол вдруг накренился, и она полетела прямо на серую стену. Стена была липкой и теплой. У Саги заложило уши. Пол наклонился в другую сторону. Ее отбросило к другой стене, и она ударилась носом обо что-то твердое. Затем пол снова стал горизонтальным. Скибладнир вошла в вакуум между мирами.

Сага осторожно пощупала свой нос. Из него текла кровь, но он не был сломан. Новик отошел от стены. Он посмотрел на Сагу через плечо.

– Теперь тебе придется выполнять обязанности капитана, – сказал он.

– Что? – спросила Сага.

– Вот так здесь все устроено. Ты будешь прокладывать маршрут по карте, а я – вести ее.

– Что мне нужно делать?

– Ступай в капитанскую рубку. Там есть карта. На карте – город. Он находится на одном из нижних уровней. Полностью заброшен. Высокие шпили. Ты увидишь его.

Сага подошла к капитанской рубке. Дверь оказалась открытой. Внутри комната была заполнена странными предметами. Различного размера сферы свешивались с потолка, лежали на полу или были закреплены на кольшках-подставках. У некоторых сфер были маленькие спутники. Одни – полосатые, другие – в крапинку, третьи – темные. В пространстве между ними находились светящиеся спирали, которые, казалось, просто висели в воздухе и не были к чему-либо прикреплены. Ближе к центру комнаты был подвешен прямоугольный предмет, напоминавший крошечную модель Скибладнир.

Из динамика на потолке послышался треск, а потом зазвучал голос Новика:

– Зайди внутрь карты. Дотронься до сферы. И ты все увидишь.

Сага осторожно вошла внутрь. Спирали слегка били током, когда она задевала их, и хотя казалось, были сделаны из тонкой паутины, прекрасно держали форму. Сага положила руку на одну из сфер, и в голове у нее возник образ островов в зеленой воде. Красное солнце освещало бледные деревья. Она дотронулась до другой сферы, которая свисала с потолка, и увидела шумный ночной город, какие-то фигуры сновали между домами, а в небе сияли две луны. Она трогала одну сферу за другой и видела бескрайние пустыни, города, леса, деревни. «На нижнем уровне», – сказал Новик. Сага присела на корточки и стала трогать маленькие планеты, которые были разбросаны по полу, словно шарики. В дальнем углу лежала темная сфера, которая была чуть больше остальных. Она коснулась ее и сразу же увидела город в предрассветных лучах. Там было тихо и безлюдно. Высокие белые шпили поднимались в небо на горизонте. Темнота, никого на улицах, а некоторые шпили сломаны.

– Похоже, я нашла его, – сказала она вслух.

– Хорошо, – отозвался через переговорное устройство Новик. – Теперь проложи курс.

Сага встала, стараясь не задевать наэлектризованные спирали. Она прошла в центр комнаты, где находилась Скибладнир, казалось, просто висевшая в воздухе.

– Как? – спросила она.

– Просто начерти его, – ответил Новик.

Сага дотронулась до Скибладнир. Она отозвалась тихим звоном. Сага провела пальцами по воздуху. Ее палец оставил яркий след. Она проследовала по комнате, осторожно обходя

светящиеся спирали, пока не добралась до сферы на полу. Когда она коснулась сферы, снова послышался звон. След, оставленный ее пальцем, словно застыл.

– Хорошо, – сказал Новик через громкоговоритель. – Следуя заданным курсом.

Сага бродила по пустому кораблю. Она не знала, насколько продолжительным будет путешествие, но, судя по тому, что на карте им предстояло переместиться из центра в самый дальний угол, возможно, что путешествие предстояло долгое. Она вернулась в машинный отсек, но дверь оказалась заперта. Что бы там ни делал Новик во время общения со Скибладнир, он не хотел, чтобы его беспокоили.

В центральной двери в фойе виднелись большие вмятины, но сломать ее так и не удалось. Капитан очень хотела ворваться внутрь. Пассажирские каюты были пустыми. В комнате отдыха с бильярдного стола попадали шары и раскатились по полу. В столовой оставалась еда; Сага достала из шкафчика с человеческой едой хлеб с сыром, а потом вернулась в свою каюту и стала ждать.

Финал 2-го сезона: «Мы всегда мечтали обо всем».

Станцию закрывают из соображений экономии; Земля урезала финансирование, так как руководство станции отказалось поддерживать их политику, враждебную по отношению к инопланетянам. Другие расы также не изъявили желания оплачивать счета, так как они создали свои станции. Далее следует душераздирающая сцена, в которой капитан идет по станции и вспоминает прежние события. Эпизод заканчивается тем, что капитан на шаттле покидает станцию. Заканчивается целая эра. Штурман-пришелец кладет свою когтистую лапу на плечо капитана – открывается новая станция, и капитана с радостью примут там. Но то место уже никогда не будет похоже на Землю. И никогда не станет настоящим домом.

«Скибладнир» прилетела на площадь в центре города. Воздух здесь был теплым и пригодным для дыхания. Высокие шпили взмывали в небо. Земля под ногами растрескалась, через трещины пробивались растения. Новик вышел первым. Он положил руки на бедра и обвел взглядом площадь. Кивнул своим мыслям.

– То, что нужно, – сказал он. – То, что нужно.

– Что теперь будет? – спросила Сага.

– Будем стоять и ждать, – ответил Новик. – Скибладнир знает, что делать. – Он жестом велел Саге следовать за ним.

Они сели на краю площади в отдалении от Скибладнир. Сага положила на землю свои сумки. Она взяла с собой немного: только одежду, чуть-чуть еды и первый сезон «Станции «Андромеда»». Возможно, ей удастся найти где-нибудь новое устройство для проигрывания кассет.

Ожидание затянулось. Новик почти ничего не говорил; он сидел, скрестив перед собой ноги, и смотрел на шпили.

* * *

В сумерках стена Скибладнир треснула. Сага поняла, почему Новик предложил им сесть в отдалении; огромные куски бетона падали так, что дрожала земля, а сама конструкция дергалась и вибрировала. Щупальца, которые волнами спускались вниз из потрескавшейся крыши, напряглись и задрожали. Они, казалось, стали еще длиннее. Стены упали, стальные оконца отвалились, и Скибладнир медленно выбралась из своего панциря. Она выползла из крыши,

таща за собой большие куски бетона. Сага ожидала, что она опустится на землю с жутким грохотом. Однако не услышала ни звука.

Освободившаяся от своего дома Скибладнир выглядела жутковато и поразительно. Ее тело было длинным и извилистым, многочисленные глаза блестели в свете звезд. Некоторые из ее щупалец казались сморщившимися и бесполезными. А еще Сага заметила на Скибладнир отдельные участки, которые были не такими гладкими, как остальное ее тело, кожа на них высохла и потрескалась. Из длинных царапин на ее теле сочилась какая-то жидкость.

Сидящий рядом с Сагой Новик издал какой-то приглушенный звук. Он плакал.

– Ступай, любимая, – прошептал он. – Найди себе новый дом.

Скибладнир ощупывала дома, стоявшие вокруг площади. Наконец она обвилась вокруг самого высокого из них – блестящего строения со спиральной крышей. Стекло сыпалось на землю, когда щупальца Скибладнир проникали сквозь окна, помогая ей подтянуться вверх. С оглушающим грохотом она стала пробираться внутрь через крышу. В один из моментов, когда Скибладнир держала свое тело на щупальцах, она едва не опрокинулась назад и не упала. Затем со звуком, похожим на вздох, она погрузилась внутрь здания. Сага слышала, как крошился бетон, пока тело Скибладнир заполняло собой здание. Наконец шум стих. Щупальца Скибладнир свесились вдоль стен, словно вьющиеся растения.

– И что теперь? – спросила Сага.

Она искоса посмотрела на Новика. Он улыбнулся ей.

– Теперь она свободна, – сказал он. – Свободна отправиться туда, куда ей хочется.

– А что будет с нами? – поинтересовалась Сага. – Куда нам теперь идти?

– С ней, конечно, – ответил Новик.

– Там нет карты, – возразила Сага. – Никаких ориентиров, чтобы проложить маршрут. А все оборудование? Ваш моторный отсек?

– Все это было нужно лишь для того, чтобы заставлять ее летать туда, куда хотелось нам, – объяснил Новик. – Теперь в этом нет необходимости.

– Погодите, – сказала Сага. – А как же я? Что, если я хочу вернуться домой?

Новик приподнял брови.

– Домой?

Холодок пробежал по спине Саги.

– Да, домой.

Новик пожал плечами.

– Может быть, она залетит туда. Никто не знает, на что она способна. Пойдем.

Он встал и направился к Скибладнир и ее новому панцирю. Сага осталась сидеть на земле. Ее тело онемело. Новик подошел к входу в здание, дверь открылась, и он исчез внутри.

Сезон 1, эпизод 5: «В свободном полете».

Жена капитана погибает. Она выходит в открытый космос из частного шаттла, чтобы изучать космическое пространство. Но в какой-то момент на шаттле происходит авария. Капитан видит, как она дрейфует среди звезд. Кислород вот-вот закончится. В этот момент капитан осознает, о чем его жена думает в последние секунды своей жизни, и передает это прощальное послание коллегам: «Простите меня за то, что я сделала, и за то, чего не сделала. Ведь я поступала так, как считала правильным».

Жизнь на новой Скибладнир протекала сумбурно. Новик почти все время общался со Скибладнир, заглядывая в один из ее больших глаз в коридоре, который находился в центре здания. Сага большую часть времени исследовала новый дом. Когда-то здесь было нечто вроде многоквартирного здания. Ни окон, ни дверей, только лабиринты извилистых коридоров, в которых через равные промежутки располагались комнаты. Некоторые комнаты были пустыми,

в других – стояли столы, стулья и кровати странных форм. В каких-то комнатах она находила стенные шкафы с разными безделушками и свитками с письменами, напоминающими плавные завитки. Саге не удалось обнаружить никаких приспособлений для приготовления еды. Она обосновалась в одной из маленьких комнаток рядом с тем местом, где Новик работал со Скибладнир. От стен исходило мягкое свечение, которое время от времени тускнело; в такие моменты у Саги выработалась привычка ложиться спать. На самой грани между сном и явью, ей иногда казалось, что она слышала голоса, говорившие на языке, в котором было много гласных, но как только она пыталась прислушаться, голоса стихали.

Похоже, Скибладнир заботилась о Саге и Новике. Время от времени она останавливалась на окраине разных городов, чтобы Сага могла подышать воздухом и обменять найденные в здании диковинки на еду и различные инструменты. Но большую часть времени они дрейфовали между мирами. Казалось, что Скибладнир особенно нравилось плавать среди невидимых волн и водоворотов вакуума. Каждый раз, когда они останавливались где-нибудь, Сага надеялась, что ей улыбнется удача. Возможно, она найдет еще один корабль, который отвезет ее домой. Но эти планеты были слишком странными или слишком далекими. Как будто Скибладнир сознательно избегала цивилизации. Возможно, она чувствовала, что Аавит и прежний капитан охотятся за ними. Эта мысль мучила Сагу всякий раз, когда они совершали очередную остановку. Но здесь было так много миров, и никто, похоже, не узнавал их.

Сага порвала пленки с записью «Станции «Андромеда»» и повесила их на стены как гирлянды, гладила их пальцами, бормоча название каждой серии, пока Скибладнир не начинала дрожать, и тогда Сага старалась найти укрытие и подготовиться к преодолению очередного коридора.

И каждый переход в новый мир происходил все тяжелее и тяжелее.

– Она выдержит? – спросила Сага Новика в один из тех редких моментов, когда он вышел из своего машинного отделения, чтобы поесть.

Новик долго молчал, а затем сказал:

– Какое-то время она еще продержится.

– А что вы будете делать, когда она умрет? – спросила Сага.

– Мы уйдем вместе: я и она, – ответил он.

Однажды совершенно неожиданно Скибладнир прибыла в мир, который показался Саге знакомым. Это был не ее родной город, но он находился недалеко от тех мест, где она выросла.

Новика не было видно. Он либо спал, либо общался с кораблем. Сага спустилась вниз и входные двери открылись перед ней. У корабля собралась толпа. Человек, похожий на должностное лицо, приблизился к Саге, как только она вышла.

– Что это за корабль? – спросил он. – Его нет в нашем расписании. Вы – капитан?

– Это «Скибладнир», – сказала Сага. – Она не следует никаким расписаниям. И у нас нет капитана.

– В таком случае, – сказал чиновник, – каковы ваши цели?

– Просто путешествуем, – ответила Сага.

Она оглянулась на Скибладнир. Это был ее шанс уйти, вернуться домой. Новик вряд ли заметит ее отсутствие. Она могла снова зажить прежней жизнью. Но только чем она станет заниматься? Толпа, собравшаяся у корабля, состояла из людей. Их лица ничего не выражали, глаза были пустыми.

– У вас есть разрешение? – спросил чиновник.

– Возможно, что нет, – призналась Сага.

– Я вынужден наложить арест на корабль, – сказал чиновник. – Пригласите того, кто у вас за главного.

Сага указала на стену Скибладнир.

- Она у нас за главного.
- Это неслыханно! – возмутился чиновник. Он отвернулся и стал говорить с кем-то по рации.
- Сага посмотрела на маленький город, на безликую толпу, на хмурого чиновника.
- Хорошо. Я – капитан, – сказала она. – И мы улетаем.
- Она развернулась и пошла обратно к Скибладнир. Двери раскрылись, принимая ее. Вестибюль внутри пульсировал жизнью. Она положила руку на стену.
- Полетели, – сказала Сага. – Куда ты захочешь.

Пилотный эпизод: «Один маленький шаг».

Новый капитан прибывает на станцию «Андромеда». Капитан знает только земную жизнь и приходит в растерянность, столкнувшись с различными обычаями и ритуалами находящейся на станции пришельцев. Все это кажется таким новым и странным. Дружелюбный уборщик проводит для капитана экскурсию по всем этажам станции. Оказывается, что уборщик работал на станции почти всю жизнь и знает все ее особенности. Увидев смущение капитана, он говорит: «Как только вы поймете, как с ней правильно наладить контакт, она сама будет заботиться о вас».

Сага снимает со стен пленки и сворачивает их. Теперь пришло и ее время стать капитаном на своем корабле. Корабль, который движется туда, куда хочется ему, однако все равно это корабль. Она сможет наладить торговлю. Выучить новые языки. Она умеет чинить разные предметы. У нее это всегда хорошо получалось.

Однажды Скибладнир умрет. Но до того момента Сага будет плыть вместе с ней через вакуум.

Малка Олдер¹⁷

Малка Олдер (malkaolder.wordpress.com) – писательница, соавтор и социолог. Ее научно-фантастический политический триллер Infomocracy («Информократия») был назван одной из лучших книг 2016 года по версии журнала «Kirkus Reviews», интернет-портала «Book Riot» и газеты «The Washington Post». У романа вышло два продолжения: Null States («Нулевые государства») и State Tectonics («Государственная тектоника»). Все три книги составили трилогию Centenal Cycle («Сентенальский цикл»), которая в 2018 году получила премию «Хьюго» за лучшую серию книг. Также Малка Олдер является одним из авторов серии книг Ninth Step Station («Станция «Девятый шаг»») и написала сборник рассказов And Other Disasters («...и другие бедствия»). В 2015 году Малка Олдер работала старшим научным сотрудником в «Совете Карнеги по этике в международных отношениях». В настоящее время она является аффилированным исследователем в «Центре организационной социологии» при «Институте политических исследований», где защитила докторскую диссертацию, исследующую динамику экстренных мер, принимаемых правительствами разных стран при ликвидации последствий катастроф. Кроме того, она более десяти лет работала в различных организациях, занимающихся оказанием гуманитарной помощи, и писала статьи для «New York Times», «The Nation», «Foreign Policy», и «NBC THINK».

¹⁷ © Malka Older, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Прочные фонари и лестницы

Наталья была фрилансером-бихевиористом и занималась изучением морских жителей. Обычно ее работа протекала следующим образом: она плавала вместе с головоногими в большом, но находившемся под постоянным контролем водоеме, а также анализировала невербальные сигналы, которыми они обменивались друг с другом. Наталья старалась, чтобы осьминоги и кальмары чувствовали себя как можно более непринужденно, чтобы их реакция на различные раздражители была примерно такой же, как в дикой природе. Став морским биологом, она не ожидала, что ее карьера сложится подобным образом, но, если честно, это было намного приятнее, чем заниматься вивисекцией, проводить эксперименты с электрошоком или просто изучать животных, запертых, как пленники, в крошечных резервуарах.

Эта новая работа началась немного необычно. Как правило, ей сообщали заранее, что именно представляло интерес для ее заказчиков. Иногда ей объясняли, как нужно себя вести, чтобы спровоцировать необходимое для изучения поведение; временами ей предоставляли свободу, чтобы она сама могла найти подход к испытуемым, но в любом случае это позволяло сосредоточить внимание на определенных задачах. Наталья всегда старалась, чтобы взаимодействие с головоногими носило форму игры, – если же работодатель начинал возражать, то она объясняла, что это поможет добиться более естественной реакции, чем если она будет повторять снова и снова определенный набор сигналов, – однако время проведения исследований всегда было ограничено.

На этот раз ей просто велели поиграть с осьминогом.

– Просто сделайте так, чтобы вам друг с другом было комфортно, – сказал человек, нанявший ее. – Подружитесь с ним.

Наталья кивнула и специально не стала уточнять деталей. Она старалась не сосредотачиваться на своих подозрениях относительно того, почему они так хорошо обращались с осьминогами. Возможно, такова была политика компании – заботиться о том, чтобы у их пленников было много свободного времени. (*А может быть, они творили с ними нечто особенно ужасное?*) Она уже столько раз выполняла подобную работу и давно не верила в то, что для исследовательских лабораторий личный комфорт осьминогов был так же важен, как и Наука с большой буквы, но пыталась убедить себя, что ее деятельность скорее помогала этим животным, чем причиняла им вред. (*Возможно, для удачного проведения эксперимента осьминог должен был расслабиться, и в таком случае Наталья становилась соучастницей?*)

Вполне возможно, что в отсутствие Натальи ее работодатель пытался реализовать именно такие специфические научные интересы. Осьминог, которого она назвала Ванилью, в промежутках между их занятиями содержался в резервуаре, довольно большом, но все равно это было замкнутое пространство. Однажды Наталья приехала в центр раньше обычного и увидела, как с тела Ванили снимали электроды.

В тот день она старалась обращаться с осьминогом особенно деликатно, стараясь случайно не задеть его, пока они синхронно плавали в воде на огороженном сетью мелководье.

В этом не было ничего необычного, и присутствие электродов не обязательно указывало на какие-нибудь зловещие манипуляции. Их могли использовать и для проведения бесконтактных исследований. К тому же Наталья давно привыкла к тому, что жизнь подопытных животных была связана с различными тяготами и лишениями. Она по-прежнему не могла избавиться от привычки давать им имена, однако перестала сообщать об этом своим работодателям, так как у некоторых это вызывало раздражение. Наталья убеждала себя, что сможет выполнить свою работу хорошо лишь в том случае, если будет в курсе всех опытов, которые проводились над животным. Но иногда это ей только мешало.

После того дня, когда она увидела электроды, атмосфера, в которой проводились ежедневные занятия, неуловимым образом изменилась. Ей по-прежнему доставляло удовольствие общение с Ванилью, и все же она начала чувствовать какую-то грусть. Наталье невольно приходили в голову мысли о том, что ее роль была чем-то похожа на ту, которую выполняют сотрудники хосписа: она дарила Ванили легкое успокоение и утешение в перерывах между теми ужасами, которые осьминог не мог предотвратить.

Поэтому Наталья так удивилась, когда Дэвид Гилкрест – один из руководителей центра – однажды встретив ее после душа, который она принимала по окончании занятия, спросил, не желает ли она продолжить сотрудничество с ними.

– Вы хотите добавить дополнительные часы плавания? – спросила Наталья, вытирая волосы и искоса поглядывая на него.

– Не совсем. То есть да, дополнительные часы тоже подразумеваются, но мы хотели бы узнать, не желаете ли вы принять непосредственное участие в нашем эксперименте.

– Каком эксперименте? – с неохотой спросила Наталья, у нее не было ни малейшего желания узнавать об ужасах, которые переживал Ваниль.

– В текущей его фазе, – начал Гилкрест, и Наталья почувствовала облегчение, что он пустился в пространные рассуждения, а не стал все выкладывать начистоту, – во время ваших заплывов вам нужно будет надевать шлем, который чем-то напоминает шлемы виртуальной реальности, но это не совсем то же самое. Разумеется, шлем водонепроницаемый, – быстро добавил он, заметив сомнение на ее лице. – Мы подсоединим к нему сенсоры, которые будут настроены на объект исследования, и вы сможете увидеть то же, что и осьминог.

– Ясно... – Наталья пыталась понять, что этот человек пытался сказать ей на самом деле. – Значит, это неврологический эксперимент?

– В какой-то степени, – ответил Гилкрест с немного озадаченным видом. – Вам ничего о нем не рассказывали?

Наталья проигнорировала его вопрос, она сама точно не могла сказать, намеренно ли она старалась не узнавать подробностей проводимых исследований, или так получалось само собою. Но она боялась того, что могла услышать.

– Так вы подсоедините меня к... к осьминогу? К его нервной системе?

– Совершенно верно! – ответил Гилкрест с некоторым облегчением в голосе. – Мы не знаем, насколько это для вас приемлемо, но нам кажется, что это значительно облегчило бы нам задачу и помогло получить более точные данные. Мы готовы дополнительно оплачивать вам еще полчаса вашей работы ежедневно, хотя, возможно, на первых порах нам понадобится гораздо меньше времени. Но разумеется, вам в любом случае будут платить как за полчаса. Так что скажете?

– Отлично, – ответила Наталья. Идея проведения неинвазивных неврологических исследований была не так уж и плоха. – Но если я почувствую, что осьминогу больно или он испытывает сильный дискомфорт из-за оборудования, я откажусь от участия.

– Если для вас это так важно, мы постараемся, чтобы дискомфорт был минимальным, – с оскорбленным видом ответил Гилкрест, однако Наталья не испытывала ни малейшего угрызения совести из-за того, что ее слова могли обидеть кого-то из ученых. Слишком часто она сталкивалась с вопиющими поступками, которые выдавались за наиболее оптимальные варианты.

– Выглядит потрясающе, – сказала Наталья два дня спустя, примеряя водонепроницаемую гарнитуру. Шлем был чуть больше стандартной маски для подводного плавания и немного тяжелее. – Вы сами придумали дизайн?

– Э-э, нет, – признался Гилкрест, пока молодой техник ловко закреплял ремешки и провода. – Мы сотрудничаем с проектным бюро, которое занимается разработкой; их очень интересует возможность применения данной модели в промышленных масштабах. А теперь запом-

ните: информацию, полученную от осьминога, вы будете видеть правым глазом, и это будет сильно отличаться от того, что вы увидите левым глазом. Сигналы будут поступать к вам от удивительного мозга осьминога, поэтому полученные образы могут показаться странными, но в том-то и вся суть! Вы увидите то же, что видит осьминог, понимаете? Так, как все воспринимает он.

– ... ну да? – это было не так уж и сложно понять.

– Я хочу, чтобы вы поучаствовали в небольшой тренировке. Так что успокойтесь и шагните навстречу неизведанному. Окей. – Гилкрест вздохнул, а затем робко улыбнулся. – Посмотрим, что получится?

– А какую роль в этом проекте играете вы? – спросила из любопытства Наталья. Она уже многие годы была фрилансером и совсем не скучала по проявлениям корпоративной культуры, неизбежно сопровождавшим работу при полной занятости, поэтому не испытывала никакого смущения в общении с высокопоставленным начальством.

– О. – Ее интерес был ему явно приятен, и то, что она забыла его должность после того, как он ей представился, не вызвало у него никакого раздражения. – На самом деле я здесь все организовал. Ну, то есть я и еще пара человек. Разумеется, у меня недостаточно знаний, чтобы руководить работой всех отделов, но...

В какой-то момент Наталья перестала его слушать, отчасти из-за того, что он очень много говорил и очень долго подбирался к сути дела, а отчасти от того, что в этот момент на пляж принесли Ваниль с подсоединенными электродами. Наталья прищурилась и попыталась обнаружить у осьминога какие-нибудь признаки дискомфорта, как будто ее явное наблюдение за работой лаборантов могло как-то повлиять на их поступки.

Лаборанты вообще, казалось, не замечали ее. Но Ваниль не проявлял никаких признаков тревоги. Возможно, он уже привык к процессу.

– Вы должны войти в воду, – сказал Гилкрест, заметив, наконец, на ком было сосредоточено ее внимание. – Как только будете готовы, махните нам рукой, и мы вас подключим.

Воодушевленная Наталья поприветствовала Ваниль и, как обычно, немного поплавала вокруг осьминога. Ей стало интересно, не вызвало ли это раздражения у тех, кто сейчас в нетерпении ожидал результатов на суше. Она пыталась понять, насколько сильно волновалась сама. Наконец Наталья подняла руку в нагретый солнцем воздух и помахала ею.

Несколько секунд она сохраняла стереоскопическое зрение, а затем картинка разделась надвое. Наталья закрыла левый глаз, решив, что ей будет проще смотреть на мир глазами Ванили, но этот мир предстал перед ней в смутных черно-белых разводах, поэтому ей пришлось переключиться – закрыть правый глаз, открыть левый и медленно вздохнуть через регулятор, наблюдая за тем, как мимо проплыл косяк корюшек. Ваниль поймал одну рыбешку и съел ее, и Наталья не открывала правый глаз до тех пор, пока он не закончил трапезу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.